

Александр Зорич
Полураспад

S.T.A.L.K.E.R. – 34

<http://electrobooks.3dn.ru/>

«Полураспад / Александр Зорич»: Астрель, АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-064142-0, 978-5-271-26762-8

Аннотация

Сталкеры Комбат и Тополь, полюбившиеся читателям по бестселлеру «Беглый огонь», вновь возвращаются в Зону! Ни миллионы, ни супер-яхта, ни даже любовь не смогли погасить в неустрашимых сердцах сталкеров жажду приключений. Тем более что заблудившемуся студенту — «отмычке» срочно нужна помощь в добыче легендарного артефакта «подсолнух». Из-за этого-то артефакта бесстрашным и острым на язык сталкерам и предстоит путешествие в самую обитель зла — в логово нового и чрезвычайно опасного клана «каперы». Что ждет там Тополя и Комбата? Наверняка можно сказать только одно: слабакам и трусам в таких местах делать нечего.

Александр Зорич

ПОЛУРАСПАД

Посвящаю эту книгу сталкерам — вчерашним, сегодняшним, завтрашним, — а также моим новым друзьям туарегам, сталкерам пустыни.

Пролог

Вертолетная площадка научной базы «Объект 2106», известной также как «Наутилус», в тот день стала похожа на гарнизонный плац Форт-Брэгга.

Три взвода вымуштрованных бойцов разбирали из кузова грузовика «Рено» новенькие, с иголки, комплекты униформы. Это были точные копии полевых комплектов Второго пехотного полка французского Иностранного Легиона.

Парадом командовал невысокий, плотно сбитый офицер, представлявшийся лейтенантом Кайрисом.

— Пошевеливайтесь, парни! У нас сегодня учебный марш-бросок с полной выкладкой и огневые занятия! А вечером нас будет инструктировать сам хозяин!

Парни угрюмо помалкивали. Не один из них в ту минуту думал о том, что, хотя зарплата в «Наутилусе» высока даже по самым придиричивым наемничьим меркам, но и нагрузки не сказать, чтобы средние. Но хуже всего то, что вскоре, возможно, еще и жизнью рисковать придется. А какому же наемнику такое понравится?

За спиной лейтенанта Кайриса тестировали двигатели в наземном режиме несколько

вертолетов «Корморан». Это были редкие экземпляры в специальной рейдово-штурмовой версии с двумя десантными дверями — как по правому, так и по левому борту.

Пока одна группа техников занималась тестированием, другая монтировала на «Кормораны» дополнительное оборудование. Часть вертолетов они превращали в то, что американцы называют «ганшипами», остальные — в разведчики-целеуказатели и постановщики помех.

Так, один «Корморан» получил два пулемета «Миниган» с вращающимся блоком стволов.

Другой — два автоматических гранатомета, один из которых был новейшим, засекреченным «Раумшлагом».

Третий, четвертый и пятый — по паре подвесных контейнеров с лазерными целеуказателями, станциями комплексной разведки и системой РЭБ «Blind Guardian».

Ну и наконец, еще одна группа техников — самые молодые и неопытные — тщательно закрашивала всю оригинальную маркировку до последней буквы, нанося на вертолеты новые борт-номера и тактические коды.

За всей этой суетой хозяин «Наутилуса» доктор Севарен наблюдал с обзорной площадки стометровой металлической вышки. Сооружение доминировало над базой и было увенчано гигантской параболической антенной со странными радиальными прорезями, делающими ее похожей на алюминиевый цветок мальвы.

Рядом с Севареном в подобострастной позе — ссутуленные плечи, опущенная голова — стоял его секретарь Фишер, неразлучный со своим электронным блокнотом.

Фишер был активным членом общества защиты прав шиншил и выхухолей, а основную часть заработанных средств тайно вкладывал в строительство трехуровневого бомбоубежища у себя на родине, под Оттавой. Он всерьез ждал ядерной войны и почему-то верил, что за несколько часов до ее начала успеет перенестись из солнечной северной Украины в еще более солнечную Канаду.

Пока Севарен, поднеся бинокль к глазам, вместе с далеким лейтенантом Кайрисом считал, сколько именно отжиманий широким хватом сделал проштрафившийся рекрут из Польши по фамилии, конечно же, Ковальский, Фишер мысленно решал вопрос о том, нужно ли поставить в бомбоубежище еще один фильтр для воды. Или тех двух, что уже есть, вполне достаточно?

— Так сколько минных тралов уже доставили? — Неожиданно для Фишера хозяин отложил бинокль и впился в него вопросительным взглядом.

— Что?... Тралов?...

— Минных тралов, — повторил Севарен с легким раздражением.

— Тралы, господин доктор... Тралы было решено туда-сюда не таскать. — Фишер наконец совершил над собой необходимое усилие и включился в тему. — То же касается и тяжелых бронемашин АМХ-КЖС. Вместе с тралами и средствами их транспортировки они будут ждать своего часа в заброшенных капонирах бывшего опорного пункта № 3 Речного Кордона.

— А как там насчет «кварцевых ножниц»? Вы всех скупщиков уведомили? Что, мол, за любые деньги...

— Да, господин доктор. И скупщиков, и нашу агентуру в «Долге» и «Свободе», и даже группу профессора Риммера, к которой идут все данные с системы «Арктогея». Но у всех очень плохие прогнозы. Говорят, уже несколько лет никто «ножниц» не добывал. Поэтому, с вашего позволения, я предложил бы немного изменить план акции... Чтобы обойтись без «кварцевых ножниц»...

— Изменить? — Севарен побагровел. — Ты сказал «изменить»? Мне кажется, кощунственно менять такой план. В нем ведь всё совершенно! При помощи «кварцевых ножниц» мы сможем взрезать пространство и открыть прямой пространственный тоннель непосредственно в логово Шивы. Наша группа захвата получит возможность мгновенно пленить негодяя и тем самым обезглавить вражескую оборону. Кроме того, Шива выведет нас непосредственно на Инвестора...

— Но неужели никак нельзя без «ножниц»? — робко настаивал Фишер. — Я вижу две

альтернативы. Первая: использовать для проникновения в Пирамиду боевых пловцов-аквалангистов. Вторая: довести работы по парастабильным матрикатам типа «демосталкер» до третьей фазы. А вы понимаете, господин доктор, что означает третья фаза: создание точных копий людей! Точных копий! Подобная технология даст в наши руки идеального Троянского коня, с помощью которого мы проникнем в святая святых «каперов»! В любой отсек Пирамиды!

Севарен грустно улыбнулся.

— Друг мой, я это понимаю не хуже вас. Но до третьей фазы мы можем идти еще месяцы и годы...

А конец «каперам» и их бизнесу нужно положить уже сейчас. Ты разве не видишь, они нас душат! Душат наше дело! Скупают самые ценные артефакты прямо у нас под носом! Я всегда считал себя богатым человеком. И не жадным! Да что там — щедрым! Но, оказалось, Инвестор, этот бессовестный анонимный олигарх, всегда платит вдвое больше! И втрое, если надо!

И вчетверо! Скоро я не найду человека, который продаст мне полную «пустышку», а все благодаря Инвестору и его людям! Что будет завтра, если они подомнут под себя всю зона-индустрию?

— Я понимаю... Понимаю, — кивал Фишер. Чувствовалось, все эти жалобы он выслушивает отнюдь не впервые.

— И, кстати, насчет «подсолнухов». Говорят, «каперы» скупают «подсолнухи» за баснословные деньги. Фактически Шива и его люди скупили все, что эти бродяги-сталкеры добыли за последние восемь месяцев. Я с трудом добыл два! А ведь мне нужно много больше! Если бы только мы смогли прорваться в Пирамиду и добраться до хранилища «подсолнухов», мы смогли бы наконец провести полномасштабный цикл экспериментов с установкой, которую спроектировал бедняга Бользе... И кто только надоумил его отправиться на ту ночную прогулку?

Фишер и Севарен переглянулись. Они знали слишком много подробностей «той ночной прогулки», которые расходились с официальной версией инцидента, описанной в СМИ.

Севарен вновь поднес бинокль к глазам.

На солдат и вертолеты он больше не смотрел. Теперь его интересовал северо-восточный сектор горизонта. Увы, как и всегда, вездесущая многослойная дымка над Заозерьем не позволяла Севарену увидеть исполинскую железную стену Радара. Радара, который вызывал его живейший интерес.

— Я бесконечно устал от упрямства фанатиков из «Монолита», — тяжело вздохнул Севарен, не отнимая бинокля от глаз. — Как мешает всем нам этот их Радар...

— Да, господин доктор, — подхватил Фишер. — И ведь вы уже, наверное, прочитали вчерашний отчет группы физиков Люй Гуна?

— Не успел. А что там?

— Они снова вынуждены перенести пробный пуск своей электронной пушки. — Фишер поднял глаза на грандиозный алюминиевый цветок над их головами, имеющий самое непосредственное отношение к теме этого разговора. — Но самое плохое, что по итогам сканирования района Янтая, проведенного установкой «Хром», Люй Гун не может гарантировать устойчивое прохождение электронного бича до Радара...

— Плохо... Очень плохо! — Севарен буквально кипел. — За те деньги, что я ему плачу, мог бы что-нибудь и гарантировать! Хоть что-нибудь!

— Вы понимаете, господин доктор... Специфика научного поиска — она такова... — мямлил Фишер в защиту китайского физика, с которым они по вечерам не раз закладывали за воротник в баре на минус втором этаже Старого лабораторного корпуса.

— Да знаю я какова! Знаю! И все же я хочу результатов! Я хочу, чтобы этот Радар сгорел раз и навсегда!

— Я сейчас же передам ваши пожелания Люй Гуну.

— Передай, — кивнул Севарен. — Впрочем... — Тут морщинистое лицо ученого озарилось внезапным прозрением. — Если мы сможем похитить «подсолнухи» у Шивы и его «каперов», мы сможем шантажировать их.

А насколько я понял из последних агентурных донесений, у «каперов» имеются средства,

которые значительно превосходят электронную пушку Люй Гуна...

Фишер рассеянно кивнул. В ту секунду он думал о парнике в своем ядерном бункере, где сейчас высеян экспериментальный сорт бобовых, дающих четыре урожая в год.

Почему бы не сделать два таких парничка? Ведь не ровен час, когда начнется ядерная война, он, Фишер, будет настолько добр, что разрешит пожить в своем бункере какой-нибудь симпатичной сироте лет четырнадцати, еще не успевшей облысеть от лучевой...

Глава 1 Тигрёнок

Come play tu game.
Inhale, inhale, you're the victim.
Come play my game.
Exhale, exhale, exhale.

Breathe, Prodigy

Я сделал из фляги с коньяком два глотка. И еще два.

Ясность мыслей потихоньку возвращалась ко мне.

Хотя, врать не буду, руки по-прежнему тряслись: петля Мёбиуса — это вам не хрен с изюмом.

Передо мной сидел он, мой спасеныш. Я их всех, спасенных мною идиотиков, называю так. И этого тоже.

Спасеныш был юн — лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Таких в Зоне всегда хватает. Ищут приключений на свою задницу вместо того, чтобы на программистов учиться.

У спасеныша было бледное худое лицо. Две глубокие кровоточащие ссадины пересекали скулу. Ухо было надорвано. Слипшиеся спутанные волосы и фингал под глазом довершал картину морального банкротства.

— Будешь? — спросил я, протягивая ему флягу.

— Буду.

— А восемнадцать тебе есть? — вдруг встрепенулся я.

— Есть. Могу паспорт показать.

Он сделал большой глоток и тут же закашлялся. Да оно и понятно — вряд ли в обычной жизни этот молокосос употребляет что-нибудь крепче пива. И, кстати, слава Богу.

— Спасибо, — буркнул он, возвращая коньяк.

— Как тебя зовут-то? — спросил я.

— Тигрёнок, — ответил он тихо.

— Как-как?

— Тигрёнок!

— В смысле «маленький тигр»? — На моем лице, помимо воли, проступило презрительное недоумение.

— В смысле да.

— Что за странное прозвище?

— От фамилии.

— Тигров, что ли, фамилия?

— Нет, Гришин.

— И при чем тут, мать его, тигр?

— Ну как же! — Спасеныш оживился. — Из Гришина получается Тигришин... А из Тигришина — Тигрёнок.

— Средней школой пованивает, — беззлобно ухмыльнулся я.

— Так из школы и пошло! — просиял молокосос. — Меня девушка так называет.

Девушка? Впервые я посмотрел на него с уважением. Скажу откровенно, мало у кого из восемнадцатилетних посетителей Зоны имелись девушки. То есть врал-то все... Может, и этот врет.

— И как зовут? Девушку, я имею в виду?

— Алёнка, — промолвил молокосос с нежностью.

— Ну и как твоя Алёнка смотрит на то, что ты тут шатаешься? — Из-за коньяка я стал чересчур болтлив.

Для сталкера.

Мой собеседник отвернулся и замолчал.

— Не хочешь говорить?

Спасеныш закрыл лицо руками.

— Что с тобой? Какие симптомы? Жгучего пуха мордой хапнул? — встревожился я.

— Да нет... Не болит... Просто Алёнка...

— Бросила?

— Она в коме лежит, — с усилием промолвил молокосос.

— Болеет?

— Машина сбила.

— А что врачи говорят?

— Говорят, безнадежно... Но есть один, Павел Петрович, профессор... Он мне сказал под большим секретом, что если достать «кварцевые ножницы» — это артефакт такой, — то с его помощью можно будет ее из комы вывести... Говорят, были случаи. Не у нас, за границей.

— И ты приперся сюда «ножницы» искать, Ромео ты наш?

— Вроде того.

Мне стало искренне жаль парня. Девушка в коме.

Надежды на выздоровление нет. Полагаться на «кварцевые ножницы» — все равно что рассчитывать на волшебника в голубом вертолете, который бесплатно покажет кино.

Кто эти «кварцевые ножницы» видел? Кто их добывал? Я лично не добывал и никогда не видел. За десять лет в Зоне. И вероятность того, что этот сопливый Тигрёнок «ножницы» найдет, — исчезающе мала.

Но одна мысль грела мою грубую сталкерскую душу. Если бы я сегодня не вытащил его из петли Мёбиуса, вероятность хеппи-энда в его истории с одноклассницей Алёнкой стала бы и вовсе равна нулю.

А началось всё, как обычно, с ерунды.

Утро было серым, промозглым, мрачным. Я шел через северо-западную окраину Милитари в общем направлении на Янтарь.

Настроение было ни к черту. Да оно и понятно: я рассчитывал добыть отменные «мамины бусы», но никаких «маминых бус» в том месте, где они якобы находились, не оказалось. Синоптик, который дал мне наводку на этот артефакт, просто-напросто слажал.

А может быть, драгоценные бусики добыл кто-то порасторопней меня...

Когда я решал, стоит ли вообще идти на Янтарь (вдруг и там Синоптик что-то напутал?), на мой ПДА упал сигнал бедствия.

Я лениво воззрился на свое запястье. Сделаю признание: помогать людям я не люблю. Хотя и умею. Каждый раз, получая запрос о помощи, я думаю об одном и том же: «А не ну его нафиг?». Так подумал я и в тот раз.

Но после двухминутной борьбы совесть победила разум. Тем более что идти было недалеко — где-то часик.

Точнее сказать, часик при наличии костюма класса защиты «А». А мой СПП-100К принадлежал к самому настоящему, натуральному, китайскому А-классу, о котором многим другим сталкерам оставалось только мечтать.

Дело в том, что Бриллиантовая Тропа — кратчайшая хорда между Милитари и Мертвым

городом, оборудованная еще в конце прошлого года Пятнистым при помощи Палтуса и Кафеля, — на той неделе была основательно перепахана студень-вихрями, завалившими ее тоннами зеленого керамзита.

Ну то есть это не керамзит, конечно. Точно так же как стекловата, которая валяется по всем верхним уровням Зоны, — не стекловата, студень — не студень, птичья карусель — не карусель.

Дрянь, которая на нашем жаргоне называется керамзитом, мало того что имеет химическую агрессивность чистого фтора, так еще вдобавок может состязаться в радиоактивности с самыми злогребучими изотопами цезия (это во мне несостоявшийся учитель физики говорит, если что).

Так что в тот день соваться на Бриллиантовую Тропу в каком-нибудь затрапезном «Скате» было, мягко говоря, неразумно. Пройти вы, может, и прошли бы.

Но вот потом... Хм... В общем, скажу откровенно: с женщинами после таких прогулок можно не знакомиться. Ни на что большее, кроме как поить их шампанским и кормить тигровыми креветками, вы сто процентов способны не будете...

Были, правда, в россыпях зеленого керамзита и свои плюсы.

На гравиконцентрах эти шарики лопались, походя высвобождая немаленькую энергию. Пятна, оставленные ими, потом светились так, что их можно было заметить даже при дневном свете невооруженным глазом, не прибегая ни к каким детекторам аномалий. Гуляешь по тропе — как по парку. Хоть с бутылкой пива ходи!

В общем, я потопал.

Согласно сообщению на ПДА, в переплет угодил некий безымянный субчик, маркированный системой как «А-019». «А» означает «аноним», то бишь лицо, нашей сталкерской информационной системе неизвестное.

Знаю я этих «анонимов»... Глупые и жадные кретины всех мастей, начитавшиеся желтой прессы, на страницах которой тут у нас в Зоне любой дурак гребет деньги лопатой, а зомби и псевдогиганты — они для экзотики, чтобы веселей греблось...

Кретины лезут и лезут к Периметру, входят в контакт со сталкерами-проводниками, раздают щедрые взятки дежурным офицерам и пилотам вертолетов, которые обслуживают научные базы внутри Зоны. Каждый божий день очередного «анонима» находят застреленным на Свалке бандитами, разорванным в клочья птичьей каруселью, вбитого в землю по уши воронкой.

А они лезут и лезут, лезут и лезут... Пушечное мясо Зоны.

«Аноним», если верить координатам из ЗОБ-мессаги, страдал на грани летального исхода в ближайших окрестностях Водокачки. Так наш брат-сталкер называет старинную водонапорную башню, украшающую собой одну из окраин Мертвого города.

Башню я помнил прекрасно. И, будь я художником, смог бы рисовать пейзажи с ее участием по памяти. Вот она, башня, на фоне заката — такая готичная. Вот она, башня, с другого ракурса — с крыши ветхой четырехэтажки, на фоне рассвета, такая жизнеутверждающая.

Вот она, Водокачка наша, в мае, при свете звезд и молодого месяца. Тиха украинская ночь, прозрачно небо, зомби плещут...

На фоне серого растрескавшегося асфальта блестела черная поверхность изрядной лужи.

Лужа как лужа, да только в ее центре вода совершенно противоестественно, нефизично вздулась. О чем это свидетельствовало? Об аномальном поведении поля тяжести, конечно.

Будь там обычный гравиконцентрат, вода вела бы себя с точностью до наоборот: на ее поверхности возникла бы аномальная вдавленность. Здесь же фокус гравитационной аномалии парил явно где-то над землей.

Я поднял взгляд на уровень окон второго этажа и, приставив ладонь козырьком ко лбу, напряженно вгляделся в воздух над лужей.

Через пару секунд я различил едва заметное дрожание. В воздухе плясали зловещие серебристые искорки.

Стоило мне заметить их, как мой мозг разом воспринял полную картину гигантской аномалии. Я «ухватил гештальт» — как сказал бы головастый фотограф Ньютон.

Редкая и очень опасная аномалия, петля Мёбиуса, висела во дворе четырехэтажного дома. Того самого, с крыши которого открывался прекрасный вид на Водокачку.

Аномалия имела форму восьмерки длиной метров тридцать. Ее верхняя петля проходила в аккурат через окно третьего этажа. Пробивала его насквозь до дальней стены и спускалась к луже, вынырнув из-за угла здания.

В тот же миг, когда мне стала ясна эта нерадостная общая картина, именно оттуда, куда я смотрел, из-за угла дома, с вынимающим душу воем выскользнуло тело.

Тело, как и следовало ожидать, было намертво приклеено аномально высокой гравитацией к петле Мёбиуса и, судя по всему, не могло даже поднять голову.

Телу было больно.

Тело кричало.

Вариантов, в общем, не было. Мимо меня промчался, заходясь истошным воплем, тот самый аноним А-019, чей аларм-маячок послал сигнал «SOS».

С ума сойти! Он уже час по петле Мёбиуса, что ли, мотается? Эх, вот кому не позавидуешь...

На несчастной жертве гравитационно-кинетической аномалии были надеты кольчужная кожанка, а также относительно приличные шлем и противогаз из армейского комплекта. За плечами имел место также рюкзачок самого невзыскательного вида.

Шлем и противогаз, подозреваю, пока что спасали несчастному жизнь. Ведь оконный проем, в который входила восходящая ветвь аномалии, наполовину перекрывали зловещие космы ржавых волос. Не будь лицо жертвы защищено противогазом, ржавые волосы уже обглодали бы его до костей. Бр-р-р...

Итак, аномалия. Под воздействием лихо закрученных гравитационных сил бедолага катался на ней, как на «американской горке». А по причине замкнутости петли Мёбиуса его катание должно было продлиться целую вечность.

Вечность не вечность, но до ближайшего Выброса — будьте уверены. А бывает, что петля Мёбиуса и несколько лет живет. Есть недалеко от завода «Юпитер» одно знаменитое местечко, там череп Йорика уж третий год по петле катается.

Компанию пленнику гравитационно-кинетической аномалии, которого мне предстояло спасти (либо попытаться дострелить из жалости, если выяснится, что спасение невозможно), составляли всякий мелкий мусор, старая штукатурка и жгучий пух. К счастью, комья жгучего пуха находились с бедолагой в противофазе, перемещаясь по петле Мёбиуса на почтительном расстоянии от него.

Я не всегда принимаю решения быстро. Но в тот раз план действий созрел у меня моментально.

Чуть дольше — а именно пять секунд — я решал, стоит ли привлекать внимание незадачливого анонима А-019.

Окликнуть? Приободрить? «Потерпи, браток, не умирай»?

Да пошел он к бесу.

Вытащу его из петли — значит вытащу. Вернусь, а он уже умер, — значит такая у него судьба.

Я резко развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел обратно, на Бриллиантовую Тропу.

Когда я говорю, что зеленый керамзит агрессивнее чистого фтора, я в общем-то не преувеличиваю.

А скорее преуменьшаю.

Но надо понимать, что, как и все другие активные химические реагенты — натрий, например, — это загадочное вещество в обычных условиях очень быстро покрывается пленкой, а то и плотной скорлупой из окислов. Уже в таком состоянии оно может сохраняться неделями и даже месяцами. Потому что перестает реагировать с воздухом и атмосферной влагой, ясно?

Но упаси Господь наступить на катышек зеленого керамзита, будучи обутом в обычный

ботинок или сапог! Катышек расплющивается, от чего корочка из окислов разрушается. После этого большая поверхность чистого зеленого керамзита одновременно вступает в реакцию и с атмосферным кислородом, и с вашей подошвой, да еще и с влагой, содержащейся в почве!

Итоговый эффект бывает эквивалентен взрыву маленькой гранаты!

Если вы еще не поняли, к чему я клоню, вы — не сталкер.

Мне нужен был зеленый керамзит. Много зеленого керамзита. Потому что именно его бешеную реактивность я собирался использовать для спасения жертвы петли Мёбиуса.

Достав из рюкзака «умное ведро», я инициировал его, надавив на красный кружок в центре донца.

Негромко хлопнув, пластиковый блин превратился в высокий цилиндр с тонкими, но очень прочными стенками.

«Умное ведро» не артефакт Зоны, если что. Это результат бытового внедрения очередного «умного материала», пластика с памятью. Технология изготовления которого, как мне рассказывал башковитый Трофим, некробиотик, была подсмотрена какими-то умниками в Зоне, при изучении поведения сверхтонких пленок в аномалии «зеркало».

Итак, мое «умное ведро» превратилось в ведро.

Затем я достал саперную лопатку. Лопатка у меня супер. Заказная, со штыком из космической керамики.

Это значит, что штык тугоплавкий, химически нейтральный, диэлектрический. Очень хороший штык.

Еще моей лопаткой можно отрубить голову кровососу. Ну если, конечно, кровосос будет столь любезен и подпустит меня на расстояние вытянутой руки.

Я начал споро наполнять ведро зеленым керамзитом, стараясь при этом ни в коем случае не повредить скорлупу из окислов. Один раз мне это не удалось, и зеленый шарик взорвался прямо на лопате. Мне достались несколько шипящих капель этой опасной субстанции — к счастью, бессильные перед великолепными материалами, из которых сделан защитный комбинезон СПП-100К.

Я вернулся к петле Мёбиуса без приключений. В левой руке я нес «умное ведро» с керамзитом, в правой сжимал снятый с предохранителя автоматический пистолет Стечкина.

Не знаю почему, но я сильно нервничал.

Чего не скажешь о незадачливом сталкере — тот, судя по всему, просветлился. По крайней мере орать он перестал. Явно выдохся.

Однако он все еще был жив — по крайней мере, пролетая по нисходящей ветке петли Мёбиуса, он дважды конвульсивно содрогнулся. Мучения червяка, которого наживили на крючок...

Я осторожно отставил ведро в сторону, спрятал пистолет и взялся бодро бомбардировать петлю Мёбиуса кусками битого кирпича. Кирпич я бесстрашно выхватывал из кучи, заросшей крапивой устрашающего огненно-красного цвета. Ожог такой крапивы может запросто отправить в реанимацию здорового бугая, но комбинезон СПП-100К позволял мне не беспокоиться о таких мелочах.

Артобстрел петли Мёбиуса кирпичами выглядел весело. Вот летит кирпич по нормальной траектории, то есть по пологой параболе, летит... и вдруг невидимая рука перехватывает его в воздухе! И вот уже кирпич с устрашающим гудением накручивается на едва намеченную в воздухе призрачными искорками ось петли Мёбиуса. Этаким штопором в нее входит... И, не прекращая вращаться вокруг собственной оси, летит дальше, следуя изгибам размашистой восьмерки.

Так я извел не меньше центнера кирпичей. Взмок, как ломовая лошадь.

К тому времени несчастный идиотик, кажется, уже потерял сознание от выматывающих перегрузок. По крайней мере дергаться он перестал. Да, отец, в космонавты тебя не возьмем...

Кирпич (стодилась бы и любая другая увесистая фигня, например, гири от старинных весов, только где их взять?) нужен был мне для того, чтобы посильнее нагрузить аномалию. Как и

другая гравитационная аномалия, жадинка, петля Мёбиуса чувствительна к массе объектов, попавших в ее поле.

Это не значит, что от лишнего центнера нагрузки петля Мёбиуса могла вот так запросто лопнуть, как маленькая жадинка. Но по крайней мере теперь часть ее энергии тратилась на то, чтобы гонять по воздуху кирпичи.

Наполнившись кирпичным боем и кирпичной же пылью, аномалия начала чем-то походить на кольца Сатурна. Кольца, которые шаловливый демиург, создатель Вселенной, зачем-то перекрутил, сложив восьмеркой.

Теперь предстояло привести в действие самую ответственную и в то же время сомнительную часть плана — собственно, спасение попаданца. (Попаданцами я называю спасеннейшей до того, как их удалось спасти). Я смерил взглядом лужу, которая простиралась под петлей Мёбиуса. Глубокая лужа, хорошая... Никогда не просыхает...

А ведь знал я эту лужу, голубушку! Не хуже Водокачки знал! Да только давненько в этих местах не был, успел малость запомнить.

Это внушительное образование никогда не пересыхает. И дождями лужа подпитывается, и, похоже, грунтовыми водами из каких-то мудреных капилляров.

В ней, в этой луже, когда-то даже припять-плавунец водился. Именно этого припять-плавунца добыл Верхорез, когда получил нелегальный заказ от какого-то заморского зоопарка. Мельбурнского, что ли?...

Оно и неудивительно: на Болотах, в реке Припяти или там на Янтарном озере пойдешь еще припять-плавунца упромысли. Он сам тебя так упромыслит, что и комбез твой без следа схарчит, и противогаз, и ствол. А в таких вот обширных лужах, куда они сдуру по весне залетают, охотиться на водных жуков-мутантов самое милое дело. Швыряешь в лужу два стакана «вертячек», там все кипит и пенится, а припять-плавунец сам в твои объятия бросается...

Ну да черт с ними, с мутантами. Глубокая лужа и воды в ней много — вот что самое важное. Именно это, по моему замыслу, должно было решить судьбу нашего попаданца.

* * *

— Ну, Черный Сталкер, помогай, — проговорил я одними губами и, примерившись, зашвырнул в — центр лужи пластмассовое ведро с керамзитом.

Но вот ведь незадача: над лужей-то всю работу выворотка гравитационного поля от узла ленты Мёбиуса. А потому ведро с керамзитом стало на взгорбленной поверхности в центре лужи вертикально и... и ни один катышек аномального вещества не попал в воду!

К счастью, проблема решалась легко. Приложив к плечу приклад своего верного «калаша» АК-47, я тщательно прицелился и выпустил в ведро дымовую 40-миллиметровую гранату из подствольника.

Почему дымовую? Потому что не осколочно-фугасную. Не задавайте глупых вопросов.

Граната громко щелкнула по ведру и, срикошетировав, отлетела вбок метров на пятнадцать, где и распустила густой шлейф дыма. Как и положено дымовой гранате.

Но вовсе не дымзавеса меня в ту секунду заинтересовала. Главным было то, что от удара гранаты ведро наконец опрокинулось, и в лужу высыпались добрые восемь литров зеленого керамзита.

И вот уже после этого я, прикрывшись стволом старой, убитой радиацией липы, выпустил в центр лужи вторую 40-миллиметровую гранату — на этот раз осколочно-фугасную.

Результат превзошел все мои ожидания. То есть я знал, что зеленый керамзит реагирует с водой взрывным образом. Но как именно реагируют такие количества зеленого керамзита, какой именно «взрывной образ»...

Над лужей поднялись мощные фонтаны воды — толщиной в ногу слона.

Вперемешку с ними вверх устремились тугие струи какого-то желтого газа.

Основная масса выброшенной воды была перехвачена гравитацией петли Мёбиуса. А это

сотни килограммов, может быть, даже и несколько тонн.

Разумеется, захваченная петлей Мёбиуса вода в основном присоединилась к тем кирпичам, которыми я загодя нагрузил аномалию. То же самое случилось и с желтым газом.

И если до этого петля Мёбиуса чем-то напоминала перекрученное кольцо Сатурна, то теперь она стала выглядеть совсем уже феерически. Словно невиданные водяные горки в аквапарке безумного волшебника, не поймешь — то ли доброго, то ли злого, но уж точно с огромными тараканами в мозгах.

Однако эта феерия продолжалась совсем недолго.

Ибо основной эффект заключался в другом.

Часть выброшенной взрывом воды попала в главную ось гравитационной аномалии — туда, где находился узел «восьмерки», то есть где нисходящая ветвь проходила под восходящей.

Я не могу описать физику процесса — а возможно, и никто не может, — но с петлей Мёбиуса случилось что-то вроде короткого замыкания.

Сияющее водяное копье, прогудев вдоль главной оси, пронзило обе ветви аномалии.

По ушам шваркнуло душераздирающим скрежетом — точно химера разорвала надвое лист ржавого кровельного железа.

Гравитационные чары петли Мёбиуса на мгновение ослабли во сто крат.

Будто бы раскрученные гигантской пращей, во все стороны полетели кирпичи. Как из пожарных брандспойтов ударили струи воды.

Сухой ствол липы, за которым я прятался, принял парочку увесистых гостинцев, каждый из которых сулил мне тяжелую контузию. И никакой расчудесный костюм СПП мне не помог бы.

Но самым массивным снарядом оказался, разумеется, наш попаданец.

Мешком с картошкой он плюхнулся в лужу.

Хорошо, что в тот день там не пряталась ни припять-плавунцы, ни водянки-сварщики. Иначе вкусный человек был бы съеден быстрее, чем успел бы сказать «ой».

Думаете, на том всё и закончилось? Мы победили?

Ура-ура?

Нет.

Мне предстояло самое трудное, самое страшное: выхватить из лужи бездыханное тело и оттащить его на гарантированно безопасное расстояние. Желательно метров на сорок.

Потому как на сколько минут, секунд, мгновений ослаб гравитационный потенциал петли Мёбиуса, я не знал.

Ее поле могло восстановиться когда угодно. В любую секунду. А могло и не восстановиться вовсе.

Эти гравитационно-кинетические аномалии толком не изучены. Надежных данных просто нет.

Чувствуете? Когда я вошел в лужу, я молился.

В любой миг в фокусе петли Мёбиуса могла восстановиться виртуальная масса, приличествующая планете-гиганту. И полетел бы я благополучненько в петлю, как если бы был надоедливым жуком, которого сбили щелчком со стола.

Я дошел, подхватил спасенного идиотика под мышки и поволок.

И снова я молился.

Я вышел из лужи. Я волок спасеныша дальше и дальше.

За спиной что-то громко хлопнуло. Я изо всех сил толкнулся ногами, бросая свое тело вперед, как можно дальше от петли Мёбиуса. Мне показалось, что я на мгновение повис в точке равнодействующей силы тяжести, формируемой восстановившейся аномалией и нашим, родным, хорошим, земным, физическим, ньютоновским ускорением свободного падения.

Наверное, все-таки показалось.

По крайней мере я вполне благополучно плюхнулся брюхом на асфальт, не чувствуя боли.

А потом, боясь встать, боясь, что надо мной бушуют невидимые гравитационные вихри, я тащил спасеныша дальше. Будто мы попали на войну и я был санитаром, который под обстрелом

уносит раненого бойца с поля боя.

Наконец я позволил себе остановиться, сел на корточки и осмотрел счастливого.

Это глупое, насквозь промокшее в луже тело и оказалось восемнадцатилетним сопляком по имени Тигрёнок.

Глава 2 Излом

Stranger next to te, have I seen your face
Stranger next to me, have I seen this place.

Stranger, Gorky Park

Тучи разошлись, выглянуло солнце. На сердце сразу потеплело.

— Ну и как ты досюда дошел, а, отец? — спросил я у Тигрёнка, приняв флягу обратно. Сделать еще глоточек или ну его?

— Дошел. По карте.

— Один? — Я все-таки закрутил пробку и убрал флягу.

— Один, — буркнул он, пряча глаза.

— А врать старшим нехорошо, — сказал я нейтральным тоном. Давить на него у меня не было настроения.

— Один, — упрямо повторил он.

— Ну так это же прекрасно! — Я наигранно просиял. — Если один дошел, значит и обратно прекрасно выйдешь без меня. Бывай здоров, Тигрёнок. — Я поднялся и начал демонстративно собирать манатки.

— Э, погодите, погодите!.. Куда вы?!

— У меня, дорогой, до захода солнца еще много интересных дел, каждое на миллион. Я и так на тебя, балбеса, полдня угробил. Надо наверстывать.

— А как же я?!

— Я же сказал: ты прекрасно справился без меня с непростой сталкерской задачей, дойдя сюда от самого Периметра. Так что обратно до Периметра как-нибудь дотопаешь, я думаю.

— Я... я не дойду!

Я был уверен стопудово, то есть я просто ни на секунду не сомневался, что он пришел сюда с группой кого-то из моих коллег. Некий опытный сталкер — нещепетильный и бессовестный, то есть практически любой — взял парня с собой.

В зависимости от конкретной степени бессовестности он мог поступить по-разному. Скажем, требовать с него много денег за услуги проводника. Или мог взять в качестве отмычки и на этом основании денег с него не брать. Или же, наконец, взять много денег и использовать в качестве отмычки...

Если пораскинуть мозгами, можно было гарантировать главное: отмычкой парень службу сослужил, влетев в петлю Мёбиуса и тем обозначив точные габариты ее зоны захвата для остальных членов группы.

Я говорю именно о размерах зоны захвата, а не о факте присутствия аномалии, потому что это две совершенно разные вещи. Само наличие какой-то гравитационной аномалии можно было установить и по противоестественному вздутию поверхности воды в луже.

А вот понять, на каком расстоянии аномалия способна захватить человека, можно только при помощи массогабаритного макета человека. В виде отмычки, например.

Всё так, всё так... Но давить на парня всей мощью этих неопровержимых аргументов, изображать из себя Ша Холмса и Дэ Ватсона в одном флаконе мне вдруг расхотелось. Не желает признаваться, что доверился кому-то из моих коллег, а тот его бессовестно кинул, — ну и не

надо. В конце концов, я не следователь военной прокуратуры!

Хотя, конечно, нехорошо, ох нехорошо бросать живых отмычек в ловушках... У него ведь даже конечности целы. Не то что парень сломал хребет и возиться с ним нет никакой возможности. Таких, ясное дело, приходится пристреливать. На моей совести тоже пара таких есть. А на чьей нет?...

«Лучший прокурор — совесть».

Интересно, а этот замшелый афоризм я зачем вспомнил? И откуда я его вообще знаю? Кто это им недавно при мне блистал? Когда? Зачем?

Мне на мгновение стало не по себе.

Ладно. По себе или по кому, а надо с этим Тигрёнком что-то решать.

— Ну как хочешь. Тогда никуда не ходи, сиди здесь.

Я сброшу мессагу «Долгу». За тобой придут. Они добрые, дурачков вытаскивают. Причем забесплатно. Если всё пойдет нормально, через пару деньков будешь там, за Периметром.

— Да мне не надо за Периметр! То есть надо! Но — не с пустыми руками! А с «кварцевыми ножницами»!

Я посмотрел на Тигрёнка, можно сказать, с интересом. Спорить в Зоне с таким сталкером-ветераном, как я, — очень невежливо. И, стало быть, очень опрометчиво.

Руки чесались поднести ему в бороду... Возможно, в другой день я бы так и сделал. Но вместо этого я спокойно спросил:

— А «золотой шар» не хочешь?

— Нет, — ответил он, мотнув головой. — Мне «кварцевые ножницы» нужны.

Мой тонкий сталкерский юмор он явно не оценил.

Сразу видно: Зоной он раньше совсем не интересовался. К зона-индустрии не присматривался и фольклор наш с сайтов типа хабар.ру не качал.

Тем временем Тигрёнок продолжал:

— Врач сказал, с помощью «кварцевых ножниц» можно как бы прорезать из нашего пространства дыру в то условное пространство, где находится сознание Алёны... Ну, пока она в коме лежит. Это метафоры, понятно, про пространство... В общем, при помощи «ножниц» можно достучаться до спящей... спящей смертельным сном...

А пацан, похоже, в главном не врет. Сюда, в Зону, его пригнала никакая не романтика, не жажда приключений и не желание показать себя, а наивное желание раздобыть чудо-артефакт. Который вытащит какую-то там любезную его сердцу Алёнку из комы...

Интересно, она дала ему хоть разок, эта дивная Алёнка?

Пока я взвешивал на полушариях своего мозга этот незатейливый, но трогательный вопрос, он решил перехватить инициативу.

— Вас как зовут?

— Володя... Для тебя — Владимир Сергеевич.

Раньше я ненавидел, когда меня в Зоне называют по имени — Володя, Владимир, Вова. И уж подавно не терпел никаких «Сергеевичей», это было вообще непредставимо!

Но позволить какому-то мелкому пареньку называть себя Комбатом я не мог. Право называть меня Комбатом надо все-таки заслужить. Хоть чем. Скажем, стать моим отмычкой. Но даже на отмычку Тигрёнок пока никак не тянул.

— Владимир Сергеевич, пожалуйста, не бросайте меня. Пойдемте вместе!

— И куда «пойдемте»?

— Ну куда вам надо? Туда и пойдём! Я вам помогу!

— Я знаю десять причин, почему ты мне не нужен.

И двадцать причин, почему ты не полезен, а вреден.

И еще тридцать причин...

— Владимир Сергеевич! — горячо перебил он меня. — Владимир Сергеевич! Я знаю, где искать...

Не знаю, до чего бы мы договорились. Не знаю, как бы он меня убеждал. И смог бы убедить.

Но в ту секунду я перестал его слушать. Вообще. На фиг отстроился.

Оно неудивительно. Потому как на Водокачке что-то бликануло. Короткая такая вспышечка блестящего предмета на солнце.

Это могла быть аномалия. Мог быть чей-то бинокль. А мог быть и оптический прицел снайперской винтовки.

Малоприятное дополнительное соображение: при текущем видимом (фиктивном на самом деле с точки зрения Большого Мира, но какая разница) положении солнца, если я видел блик от прицела, значит, целились в моем направлении, то есть вполне возможно — в меня.

Кустистый фейерверк мыслей взорвался в моем мозгу.

Кто это?!

Зачем?!

Насколько опасно?!

Что делать?!

Что, блин, делать?!!

Я гигантским усилием воли подавил желание перекатом уйти вбок... не прекращая движения выхватить из «лифчика»-разгрузки гранату и вогнать ее в подствольник... шарахнуть в черный провал на месте слухового окошка Водокачки...

Нет, так нельзя. Если там и вправду снайпер, значит, это хороший снайпер — потому что хороший сталкер. Хороший в смысле опытный, я не имею в виду его моральные качества. Моральные качества у всех сталкеров примерно одинаковые. Если родной мамой не торговал в пасхальный день, то, считай, уже святой...

Так вот, сталкер там хороший, потому что плохой никогда не долезет до верхней площадки Водокачки...

Плохой и до второго лестничного пролета не доберется...

Так кто же это?

Кто?... Кто?...

«Свобода»?

Так вроде со «Свободой» вопрос закрылся. Вроде по-джентльменски сошлись на том, что в прошлом году имела место ООО — Одна Огромная Ошибка. Дескать, три десятка резких пацанов из «Свободы» хотели нас с Тополем продырявить вовсе не потому, что это мы с Тополем. А скорее вопреки.

Смекаете? Нет? Ну, значит, оно вам и не надо.

А если не «Свобода», так я теряюсь в догадках.

Я вообще-то настолько бел и пушист, что совершенно никому не стою поперек горла. Все меня любят. А некоторые даже лелеют...

Н-да...

Все меня любят, ага.

— Ну раз так, тогда пошли, — сказал я Тигрёнку как мог беспечно.

— Вы... серьезно?

— Совершенно серьезно. Пошли скорее, я два раза не повторяю.

Я прикинул, в каком направлении надо двигаться, чтобы как можно быстрее между нами и Водокачкой оказалось какое-либо строение. Или складка местности. Или хоть что.

Получалась безотрадная картина: с учетом конфигурации аномалий и горячих пятен мы минимум десять минут будем в досягаемости снайперского огня с вершины Водокачки.

Ладно, идти все равно надо.

И мы пошли — почти строго на север, в общем направлении на Грибной Лес. Вообще-то я туда не собирался, нечего мне было там делать. Но проклятая паранойя насчет снайпера на Водокачке толкала меня в спину.

«Нет, надо все-таки пробить, кто здесь шляется».

Соответствующую услугу — увы, платную — мог оказать Синоптик. И только он.

Я отправил ему мессагу: «Дай всех радиус 100 м Водокачки».

В ответ на ПДА упало: «Эта информация по тройному тарифу. Платишь?» Совсем страх потерял! Что значит «по тройному тарифу»? С какого бодуна?!

Я не стерпел, выругался в голос.

— Что такое? — испуганно спросил Тигрёнок.

— Заткнись. — Я был не настроен с ним сюсюкать, жадность Синоптика окончательно вывела меня из равновесия. — Вообще привыкай: идешь по Зоне — молчи, пока тебя не спросят. Понял?

— Да.

Пока я учил Тигрёнка уму-разуму, пальцы мои отбили Синоптика следующее: «Плачу. Ударение — на оба слога».

По-моему, остроумно. А?

Ответ от Синоптика, показалось, шел вечность.

Наконец я получил желаемое — по цене, мать его за ногу, четырех полных обойм к не самому худшему пистолету!

«Два члена группировки КПП».

* * *

О-о-о... КПП. Вот, значит, как.

Как именно расшифровывается аббревиатура КПП, никто не знал. То есть руководство-то клана КПП, наверное, знало. Только — вот беда! — не спешило ни перед кем отчитываться.

Но и рядовые бойцы клана, и вся зона-индустрия в последний год охотно называли членов КПП «каперами». Вероятно, по отдаленному созвучию. Слышите?

Ка. Пэ. Пэ. Капэпэ. Каперы.

Что я знал о «каперах»?

Куда меньше, чем следовало бы.

Я принялся лихорадочно припоминать.

База... Ага, база. Она у «каперов», по слухам, очень необычная. Они унаследовали ее от некогда гремевшего на всю Зону клана «Истина». Ядром базы служит упавший в Зоне огромный военно-транспортный самолет Ан-124 «Руслан». Весело им там живетесь небось!

Численность группировки... Численность постоянно растет. Потому что... кто же это рассказывал? Любомир?... Там платят за членство! Во как! То ли прямо вот зарплату, помесечно, то ли у них какая-то система бонусов... В любом случае, пошел в «каперы» — считай, на хлеб с маслом тебе уже хватит.

Политика... Эх... А вот политика у «каперов»... как бы это помягче выразиться? противоречивая, вот.

В этот год на них было немало жалоб. Дескать, прижимают они брата-сталкера из других кланов. Могут встретить в Зоне, вчетвером-впятером, с хорошими стволами, и струсить на хабар. С большей или меньшей настойчивостью. И запросто могут особо ценный хабар отобрать.

Правда — сам не видел, но рассказывали, — если они хабар отобрали, оставляют обязательно либо деньги, либо расписку. И по этой расписке потом можно у них на базе получить материальную компенсацию.

Из-за таких вот повадок у них трения и с «Долгом», и со «Свободой». Но до открытой войны вроде бы пока что не доходило. Как-то они вопросы решали.

Но с другой стороны, откровенно разбойных выходов за «каперами» тоже не замечено. В отличие от настоящих бандитов и мародеров. Скажем, на Свалке можно запросто получить пулю за просто так, без предупреждения. А «каперы» для начала тебя все-таки окликнут, скажут учтиво: «Стой! Оружие на землю! Руки за голову!». Вот и всё, что я мог сказать о группировке КПП, также известной как «каперы».

Но этого хватило, чтобы я пришел в более-менее равновесное состояние духа. Будь у меня с собой ценный хабар, я бы, может, имел основания для беспокойства. А так главное, что мне пулю

в голову без предупреждения не пустят из снайперской винтовки. Бойцы КПП все-таки не беспредельничают.

А вот Синоптик — беспредельничает! Брат за информацию о бойцах КПП тройной тариф! Что за нововведения такие?!

Эх, был бы сейчас со мной Тополь... Дошел бы я до Чернобыля-5, поставили бы этот вопрос на, так сказать, общем собрании...

Или без всякого собрания. Взяли бы убедительные стволы, да завалились к Синоптику в гости, на душевный разговор... Буржуй проклятый. Даром что дружбан как бы.

— Брат, дай колбаски.

Эту фразу я услышал совершенно отчетливо. Фраза была произнесена тихим, шелестящим, я бы сказал, прокуренным голосом.

— Колбаски, брат!

Я посмотрел на Тигрѐнка. Тот, в свою очередь, испуганно посмотрел на меня.

Он тоже слышал эти слова. Ну что же, значит, прокуренный, шелестящий голос — не моя персональная слуховая галлюцинация.

Замерев на месте с автоматом наизготовку, я тщательно проанализировал местность.

Слева — руины дома. Справа — тоже в общем-то руины, но в лучшем состоянии: два подъезда почерневшего от времени и катаклизмов трехэтажного дома обрушились, один уцелел. Более того: уцелела и деревянная дверь подъезда.

Что за дверью?

— Колба-аски... — Теперь я был точно уверен, что голос доносится из-за двери.

Людей и монстров не видно. Выраженных аномалий — вроде тоже.

Говорливая псевдоплоть не сможет своими смертоносными крабьими грабками аккуратно открывать-закрывать дверь в подъезд. Контролер — смог бы. Но контролер — буде и впрямь возжелалось бы ему колбаски — с такого расстояния попросту без лишних слов овладел бы моим сознанием. И я бы вмиг принес ему колбаску на полусогнутых.

Что ж, значит, это мог быть только излом.

Это и был, конечно же, излом.

Редкий мутант, очень редкий.

Кто-то — кажется, Градус — даже уверял, что изломов не осталось вовсе. Не видел их никто уже больше года, дескать.

Само собой, у меня оживились недобрые, шальные мыслишки.

«Интересно, сколько мне отвалят барыги за знаменитую боевую конечность излома? А сколько заплатили бы на Янтарном коллеги Трофима за живого монстра? Ох, много! А что, если? ...»

— Брат, не проходи мимо.

«И не надейся, не пройду, — подумал я мрачно. — Вот сейчас продырявлю тебе твою нечистую башку... Достану ножичек... И конечность твою изломанную — чик!»

Кто такой излом?

Когда-то считалось, что излом — это мутировавшая человеческая особь. Как бюрер, snork или контролер.

Потому что выглядит он в общем и целом неотличимо от человека. Можно сказать, излом — самый человечный нечеловек в Зоне. И с интеллектом у него порядок.

Не хуже, чем у контролера. Даже лучше, пожалуй.

Однако, как мне когда-то говорил некробиотик Трофим, изломы на самом деле совсем не люди. Более того: это в определенном смысле и не живые существа, а — понавыдумывают же ученые слов! — парастабильные матрикаты. Поэтому, оказывается, из всех тварей Зоны к изломам ближе всего стоят химеры и полтергейсты! Кто бы мог подумать!

Но научно-теоретические взгляды на излома для меня в ту минуту не стоили ни копейки. Ибо я смотрел на него холодными, безжалостными глазами сталкера-практика.

А с практической точки зрения излом — чрезвычайно опасное создание, одна из верхних конечностей которого гипертрофирована и превосходит человеческую руку по длине в два, а то и в три раза. Эта конечность имеет несколько лишних суставов, как бы вся изломана — откуда и название существа.

Изломы относятся к тварям-имитаторам.

Такая тварь обычно прикидывается раненым сталкером, зовет на помощь, просит аптечку, патронов, глоток водки.

«Спаси меня, брат», — вот его обычная песня, которая доносится в сумерках из густых кустов или из непроглядной черноты подвала.

Чересчур доверчивый сталкер приближается — и получает сокрушительный удар боевой конечности. Как правило, излом одним ударом ломает противнику шею или даже отрывает голову. В этом он подобен кровососу.

Иногда бывает и по-другому. Излому вполне достаёт интеллекта и чутья, чтобы различать аномалии между собой и определять ценные артефакты. Излом может заманить сталкера в ловушку — скажем, в жарку, — а потом полакомиться печеной человечинкой. А может он устроить засаду и возле артефакта. Завидев ценный хабар, вы теряете голову от счастья, делаете шаг, другой, третий — и попадаете к излому на ужин в качестве главного блюда.

Украшением стола послужит ваша колбаска. А также хлебешек и водочка, н-да.

Если честно, эти истории — про охотничьи повадки изломов — я рассказываю с чужих слов, это типичные сталкерские байки, которые подаются под соусом «хочешь — верь, хочешь — нет». Сам-то я встречался с изломами лишь дважды. И оба раза в качестве объекта охотничьих устремлений излома я не выступал. Так уж получалось.

И вот он: мой третий раз.

— Колбаски, колбаски, колбаски, — как зачарованный нараспев проговорил излом.

У меня в рюкзаке, как положено, лежали, конечно, два батона «Любительской».

Но чтобы достать один из них, мне требовалось совершить ряд манипуляций. И хотя манипуляции были простейшими, я рисковал отвлечься и прозевать тот момент, когда ветхая дверь подъезда раскроется и оттуда выскочит излом.

Хорошо, что со мной был Тигрёнок, которого я мог использовать в качестве ассистента.

Перекладывая автомат из руки в руку и не без труда удерживая его по-пистолетному, как крутой герой боевика, я сбросил с себя рюкзак на землю.

— Открой. Достань колбасу, — приказал я Тигрёнку.

Затем я извлек нож, свой эпический «Мак-Нэри», и тоже бросил его на землю.

— Разрежь колбасу пополам. Положи половину на землю в шаге передо мной. Рюкзак и вторую половину подбери.

Далее я приказал:

— Отходишь вместе со мной, аккуратно.

Мы оба отступили шагов на пять. При этом я не сводил ствол своего «калаша» с двери.

Наконец она, эта несчастная дверь, распахнулась.

Абсолютно беззвучно распахнулась — бывают в Зоне чудеса! Металл иногда как новенький, совсем ржавчина на нем не заводится. Недаром излом облюбовал именно этот подъезд. На одинокую жертву он мог бы напасть со спины, не выдав себя ни единым звуком!

Мутант (будем его так называть, кому есть дело до того, что это не мутант, а парастабильный матрикат?) проворно, бесшумно, как призрак, приблизился к подарку и взял колбасу левой рукой — неотличимой от обычной человеческой. Вторую, боевую конечность он упорно прятал где-то глубоко в складках своих лохмотьев.

— Видел его, — сказал излом, указав колбасой на Тигрёнка. — Видел его. Два злых ходили. Он ходил с ними.

Я не сомневался в своей правоте — насчет того, что Тигрёнка вел через Зону опытный проводник, — но все-таки получить подтверждение этих догадок, пусть даже от излома, мне было приятно.

Тигрёнок напряженно молчал.

— Ну и что? Куда ушли злые? — спросил я.

В принципе до этого момента я был полон решимости пристрелить излома. Но когда он заговорил про «злых», решил повременить.

Излом не ответил. Он медленно поднес колбасу к носу, тщательно обнюхал ее. Удовлетворившись качеством продукта, откусил огромный кусок и проглотил его, не жуя.

Выглядело это дико: его рот открылся в три раза шире, чем у любого человека. И ни одна человеческая глотка не смогла бы пропустить через себя такой кусище. А у излома — пропустила, протолкнула куда-то вниз. Это какая же там у него мускулатура, а?

— Злые оставить его *короче эта хрень Мёбиуса...*

Тут надо понимать, что словарный запас у диких изломов невелик. Рассказывали, жил у Болотного Доктора один окультуренный излом — так тот да, болтал как профессор филологии и интернет вслух читал.

Но дикие изломы не из таковых. Они обучаются по принципу «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь».

Зато — как и псевдоплоти — хорошо подражают единожды услышанным голосам. Поэтому в речь изломов обильно замешаны чужие фразы. Без изменений — так, как они были услышаны.

— ...Злые уходить искать *долбаный «подсолнух».*

— Ты знаешь, что такое «подсолнух»?

— *Ты знаешь.* — Я вздрогнул, услышав как бы эхо собственного голоса, а ведь излом всего лишь хотел сказать «я знаю, да». — Дай колбаски. Два колбаски.

Я не выдержал, ухмыльнулся. Недаром говорят: где излом прошел, контролеру делать нечего!

— Ты первую еще не съел.

— Два колбаски, брат.

— Ты мне скажешь, где злые хотят добыть «подсолнух»?... Будешь сказать? — на всякий случай переформулировал я, помедлив секунду.

— *Будешь сказать.* Колбаски.

— Ну лови.

Я принял от Тигрёнка и бросил монстру вторую половину батона «Любительской».

Костяной молнией сверкнула боевая конечность излома.

Сдавленно охнул Тигрёнок. Не оттого охнул, слава Богу, что попал под удар боевой конечности. А оттого, что испугался.

Страшное зрелище, согласен. Я бы сам охнул. Будь я помоложе да позеленее.

Но в данном случае излом использовал боевую конечность, чтобы поймать на лету «Любительскую».

Только и всего.

— «Подсолнух» есть белый дом. На *проклятые белые пески, чтобы их Черный Сталкер прибрал.* Где стоять *коробка.*

— «Коробка» — это в смысле бронемашина? Бронетранспортер? Большое железо с колесами?

— *Коробки едут, полундра,* — степенно кивнул излом.

Ну что же, все ясно. Белый дом на белых песках и «коробка» — это для человека, знающего Зону, более чем точное указание на расположение объекта.

— Злые взяли «подсолнух»? — спросил я. И видя, что излом замешкался с ответом, переформулировал вопрос: — Сделали взять уже?

В сущности, вопрос мой был не особо умный: очень и очень непросто дойти от Водокачки до центра урвня, известного как Дюны, за три часа. Но если везет — можно.

Что же касается осведомленности излома касательно событий, которые происходили за несколько километров от Водокачки, то я в ней не сомневался. Твари Зоны нередко формируют целые информационные сети на основе телепатии. Узлами сетей служат как раз существа с развитым интеллектом: контролеры, изломы, бюреры.

И хотя сети эти существуют совсем недолго и быстро распадаются, тут же возникают новые

«подключения». В итоге какой-нибудь чернобыльский пес, наблюдающий издали за группой сталкеров, идущих к «подсолнуху», проходя передает эту картинку на сотни метров. Дальше ее ретранслирует какой-нибудь эмпатический тушкан и так далее.

А бывает и проще: чернобыльский пес воеет, его вой разносится над Дюнами, и дальше, дальше... А для опытного излома в модуляциях воя зашифрована вся необходимая информация.

— Злые сделали взять не. Злой один теперь больше, — сказал излом. — Трудно взять один.

Эти слова спасли излому жизнь. Потому что я окончательно отказался от мысли пристрелить его.

В Зоне надо быть благодарным всегда. Даже когда имеешь дело с мутантами. И даже с парастабильными матрикатами.

Эти же слова излома — впоследствии — спасли жизнь и кое-кому еще. Правда, многим другим людям они — впоследствии — стоили жизни.

Но это были плохие люди, хе-хе.

Глава 3 Сталкеры и амурь

Amour, Amour
Alle wollen nur dich zaehmen
Amour, Amour
Am Ende, gefangen zwischen deinen Zuehnen.

Amour, Rammstein

Предвижу справедливый вопрос: а что я, такой крутой сталкер Комбат, без пяти минут сталкер-легенда, снова делаю в этой гребаной, вредной для здоровья Зоне?

Я-то что там теперь забыл? Если по результатам операции, назовем ее «Звезда Полынь», когда мы с моим напарником Тополем (по паспорту — Константином Уткиным) одним махом раздобыли несколько редких артефактов, доставили из Зоны ценнейший контейнер и вдобавок спасли принцессу Лихтенштейнскую, я стал богат? Если сама принцесса Лихтенштейнская на меня намазывалась, как студентка-первокурсница после двух бокалов портвейна?

Но обо всем по порядку.

Начнем, пожалуй, с темы финансов.

В бытность свою я любил за пивом порассказывать народу, что собираю на яхту. Что, мол, днем и ночью мечтаю я, значит, об этой яхте своей.

И жду не дождусь того дня, когда я смогу себе ее, такую прекрасную, купить.

Величал я ее, эту яхту, «невестой разума своего».

В общем, сделал из нее предмет культа.

Говоря по правде, ко мне в голову уже давно начали закрадываться подозрения, что не в яхте дело. И до того, как я вытащил из Зоны КМПЗ — Контейнер Многоцелевой Повышенной Защищенности, — за который мне отвалили немало денежек, у меня несколько раз скапливалась на счету сумма, которой было достаточно для покупки вполне сносной морской красавицы.

Но я все же медлил.

Придумывал детские отговорки вроде: «Да нет, это не яхта моей мечты, а дешевка»... Или: «Сейчас не до яхт, Тополь себе вон ногу сломал на Агропроме, когда от трех зомбаков драпал!». А вот когда денег стало по-настоящему много, придумывать отговорки стало... ну не стильно, что ли.

В общем, я решился. Стал платным членом сообщества «Катера и яхты».

Начал мониторить раздел «Объявления».

Наконец выбрал себе то, о чем мечтал. Яхтой Моей Мечты был после долгих колебаний

признан сорокафутовый «Sun Odyssey». Это не личное имя судна, а такая определенная модель яхт, если кто не знает. Для простоты буду говорить просто — «Одиссей».

На «Одиссее» имелось два туалета (что, согласимся, достаточно люксово), шесть полноценных спальных мест (хоть весь женский состав стриптиз-бара «Аквариум» выгуливай), просторная кают-компания и дизель мощностью сто двадцать лошадиных сил. Вдумайтесь в эти цифры: сто двадцать лошадей! Для яхты это зверская мощь.

Владельцем моего «Одиссея» оказался скромный турецкий миллионер Ахмед Кахведжи, проживающий в городе Фетхие, департамент Мугла. Он нажил свое состояние на торговле донер-кебабами (чтобы понятней было: швермой по-нашему) в городе Берлине. Кто бы мог подумать, что швермой можно что-то там нажить, тем более — в Берлине!

Там же, в яхт-клубе города Фетхие, моя радость и дожидалась меня, своего непутевого женишка с белорусским паспортом.

Я купил ее не глядя. Просто перевел деньги на счет ушедшего турка, поручив юридические детали специализирующейся на деталях фирме.

И вот, спустя несколько месяцев, я наконец приехал в Фетхие.

Посмотрел на яхту. Посидел на белых кожаных диванчиках в кают-компании. Полюбовался отблеском восходящего солнца на хромированных перильцах. Погладил прохладные, покрытые ночной росой доски палубы...

Затем заглянул в ближайшую кафешку и заказал сто грамм итальянской виноградной самогонки, также известной как граппа. Выпил. И вновь пошел в яхт-клуб.

После граппы невеста разума моего выглядела еще более красивой и прекрасной.

Хоть сейчас поднимайся на борт, заводи двигатель и вперед, мимо островов и островочков, к приключениям! И пусть тот, гомеровский Одиссей позавидует!

Но всходить и заводить почему-то не хотелось.

Я вернулся в кафе. Заказал сто грамм виски со льдом.

Позвонил с мобильного Тополю. Пожаловался на жизнь.

Так, с мобильным в руках, выпил еще сто. Вернулся в гостиницу. И заснул со счастливой улыбкой на лице.

В общем, в городе Фетхие я больше ни разу не был.

А она так и стоит там, у стенки, беспризорная яхта моей мечты (я назвал ее «Анастасия Пушкарева», в честь мамы). А я сижу здесь, в баре «Лейка», глядя сквозь не очень чистое окно в пасмурный июньский вечер. Шелестят по мокрому шоссе редкие автомобили и настырно пищит чья-то противогонолка.

Я размышляю о том, как это тяжело — потерять мечту. Пусть даже и посредством ее осуществления.

Теперь насчет Ильзы. Не скрою, все сталкеры Зоны и далеко за её пределами переживали за нас.

Даже темные сталкеры в Зоне — и те интересовались, как сложатся наши отношения: мои и принцессы Лихтенштейнской.

Самые заядлые сплетники даже гадали, а как отнесется её венценосный папашка Бертран Адам Третий, правящий князь Лихтенштейнский, к нашему браку, буде оного брака возжаждет его дочь.

Я, честно признаюсь, вопросы брака вообще не рассматривал. Во-первых, потому что по натуре я — убежденный холостяк, искренне уверенный, что хорошее дело браком не назовут. И изменять своим принципам даже ради принцессы скорее всего не стал бы.

А во-вторых... Считите меня ретроградом, но я считаю, что русские должны жениться на русских, а немецкие — на немецких. Как-то так, да. Наверное, это и есть национализм?

Но брак это брак. А отношения — это отношения.

Как же сложились наши отношения, спросите вы?

Докладываю. По пунктам. Сочи. Помните, она приглашала меня в Сочи? Осенью? Так вот мы поехали.

На недельку.

Те, кто думает, что всю эту неделю мы не вылезали из постели, — правильно думают. Мы не вылезали.

Скажу откровенно, на сочинской набережной мы появились два раза ровно. Да и то, «чтоб считалось».

Потом побродили по городу.

Ильза сделала несколько снимков своей понтовой камерой — гора Ахун, самшитовая роща, Морской вокзал, — чтобы венценосному папеньке показать. И мы вновь вернулись в отель, где я зарезервировал номер для молодоженов, к своим камасутрам. Там, в номере, помимо минибара, набитого шампанским, шоколадом и икрой, имелась также богатая коллекция секс-игрушек, совмещенная с не менее богатой коллекцией сомнительных журналов... Мне запомнился журнал на турецком языке. «Оказывается, и в Турции тоже... люди... того... Всюду жизнь!». Кстати о жизни. После посещения таинственного доктора Севарена, который, если кто не помнит, прятался в самом сердце Зоны, здоровье моей принцессы резко пошло на лад и призрак неизбежной мучительной смерти отступил от моей душеньки.

На медицинском языке это называлось умным словом «ремиссия».

Насколько я понял, о полном излечении от болезни Милна говорить было рановато.

Но в целом визит в Зону оказался для Ильзы очень даже плодотворным. Недаром бедняжка страдала — обмирала от страха в падающем на землю вертолете, пробиралась сквозь аномалии в компании сигома Ивана, да приберет Господь его сигомскую душу, воевала с псевдогигантами...

Да, так вот, насчет Ильзы.

В постели нам — мне и Ильзе — было очень хорошо.

Мы не скучали.

Как жаль, что жизнь состоит не из одной постели!

Увы, вне темы секса наш парный союз я бы оценил на твердую двойку.

Начать с того, что она плохо знала русский. А я плохо знал немецкий.

Но если бы даже мы и знали их, эти великие языки. Зачем язык, когда нет тем? А какие у нас в принципе могли быть темы?

Ильза училась в университете на нейрофизиолога (не теряла надежды понять, откуда берется болезнь Милна, и хотела научиться лечить ее у других — как доктор Севарен, но без артефактов Зоны!). В этом деле я понимал примерно так же хорошо, как в истории древнего Шумера (на которой специализировалась одна из моих прежних, уже позабытых любовей).

Ильза была без ума от лошадей. А у меня при виде лошади тут же портился аппетит (конечно, если бы не эпизод, когда в детстве меня оттащали за шиворот сбрендивший племенной жеребец, все могло бы сложиться иначе).

Ильза была интеллигентна. Я — нет. Точнее, я был интеллигентен иногда, когда на меня находила охота.

А когда охота проходила, становился грубияном и злобным психом.

Ильза любила оперу. Я считал оперу старомодным кривлянием, а любителей оперы — лицемерами и лжецами.

Ильза мечтала уехать в Африку и помогать африканским детям осваивать азы грамоты. Я же считал, что глупее этой мечты может быть только мечта обойти на карачках земной шар, попутно выкладывая из крышечек «Кока-Колы» надпись «Анархия мать порядка», чтобы тем самым войти в Книгу рекордов Гиннеса.

Конечно, вы скажете, что любовь — она всё побеждает и всё превосходит. И для настоящей любви нет препятствий.

Да что там, я сам все время талдычил про «всепобедительность» друзьям, которые жаловались на проблемы с женским полом...

Но, как видно, любовь у нас с Ильзой была какая-то бракованная. Второго сорта. В общем, когда подошел к концу седьмой день совместного пребывания в пасмурном по осени городе Сочи, я понял, что нашим отношениям с принцессой... ну, что ли, пришел конец.

Кажется, поняла это и принцесса. По крайней мере, когда я провожал ее, дело было в аэропорту — кругом сновали грудастые тетки с заваленными чемоданами тележками, их крикливые чада и чахоточные алкоголики-мужья, — она заплакала, уткнувшись лицом мне в ключицу.

Я, конечно, пробовал ее утешать, шептал ей всякое.

Что, мол, мы скоро увидимся. Что в разлуке крепнет чувство. И всякое такое. Но в глубине души я сам не верил в то, что говорил.

По крайней мере все следовавшие месяцы мы с Ильзой лишь перекидывались ничего не значащими письмами-записочками. Скажем, она мне: «Веселого Рождества!». А я ей: «И тебе не болеть!». В таком вот духе...

Собственно, это была песенка о том, как два одиночества разошлись каждое в свою берлогу.

Вот не люблю я всякие родительские банальности.

И когда мой папа, провинциальный сократ, поправляя очки на переносице, патетически восклицал: «Что вы мне ни говорите, а все же брак должен быть основан на общности духовных интересов!», я всегда хмыкал этак цинично. А чего я, собственно, хмыкал, когда в глубине души я с этим согласен? А хрен его знает чего.

Итак, с принцессой Ильзой у нас не получилось.

Официантке Марише я тоже дал расчет. Сказал, что, мол, хватит. Поиграли — и будет. Мариша расстраивалась недолго. Пару дней она, конечно, пыталась «вернуть меня» слезами и уговорами. Тянула в койку, «чтобы все как раньше». Но вскоре, натолкнувшись на мой упрямый нрав, решила, что есть в жизни темы поперспективней.

В итоге, прихватив подаренное мною бриллиантовое кольцо, Мариша запаковала вещички и уехала из бара «Лейка» навсегда.

Официантка Черри, ее как бы подруга, как-то призналась: Мариша поехала покорять Москву.

Втемяшилось, мол, дурочке в актрисы пойти. Бог в помощь, Мариша. Авось увижу тебя когда-нибудь в сериале «Моя прекрасная лифтерша» в роли сестры инженеру. Или в сериале «Доктор Домов» — медсестрою, безответно влюбленной в очкастого патологоанатома.

Короче, так уж повелось, что несколько месяцев кряду в моей жизни не было ни одной женщины. И вы думаете, я об стену головой бился?

Куда там. Бился я, ага. Я вообще думать о них забыл. Достали, честное слово. Даже Тополь встревожился. Как это так: Комбат — и без бабы?

А мне было хоть бы хны.

Кстати, о Тополе.

Пока я занимался яхтами и принцессами — неплохо звучит, да? — он тоже времени даром не терял.

Начать с того, что он женился на Юлии, бывшей жене одного московского минигарха. И переехал в Первопрестольную. В уютную четырехкомнатную квартиру в элитном доме на станции метро «ВДНХ». Которую, правда, ему приходилось оплачивать. Потому что квартира была не Юлина, а съемная!

Познакомились они с этой мадам случайно и, подозреваю, по пьяному делу. Уж я Костю знаю! Четыреста грамм вискаря — и Косте нравится всё, что носит юбки, имеет сиськи не менее третьего размера и отзывается на женское имя. Двадцатипятилетняя Юлия отвечала всем этим критериям!

Обычно это я, на правах верного друга, сдерживаю аппетиты Кости и не даю барышням делать далекоидущие выводы из торопливых поцелуев взасос на пожарной лестнице. А тут Костя был один, Костя был беззащитен и вдобавок при деньгах... В общем, они решили жить вместе.

И пошло-поехало...

«Милый, ты одет как чернорабочий! Джинсы, футболка, все небрендовое! Это не айс, милый! Это не айс!» — и Костю вели на шопинг. Вели, как козу на веревке.

«Милый, мне нужна нормальная машина! Мне кажется, ты должен купить мне что-нибудь нормальное!» — мурлыкала Юлия, и Костя неделю обзванивал автосалоны, силясь найти что-нибудь «нормальное».

«Нормальное» оказывалось никаким не «нормальным», а просто даже «обычным», и Костя шел менять «обычное» на другое «обычное», но вдвое дороже. Потому что иначе «не айс».

«Милый, мне кажется, мы должны поехать в Мексику. — Почему в Мексику? — Потому что в Мексике круто! Там, говорят, такие фрукты! — Нет, мне хватает фруктов в Москве! — Просто почему-то хочется в Мексику!». И Костя тащился с Юлией в Акапулько — страдать там от поноса, жары и скуки.

«Милый, мои родители хотят, чтобы мы с тобой поженились по-нормальному. — Как это по-нормальному? — Ну чтобы платья, кольца... белый лимузин... Подумай, пожалуйста! Я тебя очень прошу! Представь себе только, как это круто: снимем теплоход с банкетным залом человек на сто пятьдесят... Гирлянды чтобы везде были цветочные...». И Костя садился размышлять над стоимостью теплохода, белого лимузина, кольца, платья и цветочной гирлянды, а главное своих нервных клеток, которые определенно закончатся, когда в зал набьются те самые сто пятьдесят незнакомых полупьяных дебилов с воплями: «Горько! Горько!». И будут считать: «Раааааз!», «Двааааа!», «Триииии!», «Сто двадцать триииии!». Конечно, у Юлии были и достоинства.

Например, она кое-как окончила философский факультет МГУ и вроде бы отличала Плотина от Платона, а Канта от Конта.

Я бы, пожалуй, ценил это редкое нынче качество.

И непременно воспользовался бы нашей связью для того, чтобы поднять свое гуманитарное образование.

Увы, Костя всем сердцем любил реальную жизнь, а не буквы, напечатанные на страницах старинных книг.

«Кто бы ни был этот Деррида, как по мне, он не является поводом для того, чтобы не мыть за собой ванну! — орал в телефонную трубку хронически рассерженный Костя. — Вчера, когда мы занимались любовью, на нас рухнул книжный шкаф, набитый собраниями философских сочинений! Мы чуть не погибли оба из-за этой пыльной херни!». Но куда больше, чем книги, Юлия любила тратить деньги, благо родители-дипломаты и первый муж-делец предоставляли ей такую возможность. Ее день начинался в SPA-салоне, продолжался на шопинге и заканчивался посещением участка, который Костя купил в районе каких-то там номерных Горок, на знаменитом Рублёвском шоссе. Там Юлия собиралась строить «родовое гнездо Уткиных» и даже приказала вырыть под него котлован.

В общем, не знаю, нужно ли удивляться, что деньги, которые *поднял* Костя Уткин во время нашей последней, феерически удачной операции, закончились, как и не было их никогда, на стадии этого самого рублевского котлована?

«Я снова один. И я скоро приеду», — неделю назад написал мне на мобильник Костя, вопреки обыкновению краткий как счастье.

Я знал, что Костина «неделя» может равняться и двум, и трем, и даже четырем неделям обычных скучных граждан типа Комбата.

Поэтому не сказать чтобы я радостно вздрагивал от каждого стука в дверь.

Но я был уверен: рано или поздно блудный Костя появится. И мы снова будем ходить в Зону вместе. Как в стародавние времена.

Ох и ждал же я назад этого сукина сына!

Глава 4 Дюны

But then I'm blinded with temptation
And to every mortal sin
Is it God that sits there waiting?

Or will the darkness suck me in.

Facing Hell, Ozzy Osbourne

— Так вот они какие, Дюны, — негромко сказал Тигрёнок. — Красиво.

— Красиво, — согласился я.

Да, этот небольшой уровень — Дюны — был очень живописен и не столь уж опасен. По крайней мере куда менее опасен, чем Заозерье, расположенное к югу от Дюн, или чем Радар, лежащий к востоку.

Можно было бы ожидать, что в таких благодатных местах будет разгуливать немало ученых и stalkеров.

В том числе stalkеров-проводников, которые зарабатывают не столько хабаром, сколько выгулом различных заинтересованных лиц.

Этих заинтересованных лиц принято величать обтекаемо, «туристами», хотя понятно, что настоящих туристов среди них негусто. В основном это агенты всех уважающих себя разведок мира.

Однако имелся целый ряд факторов, который превращал Дюны в одно из самых пустынных мест Зоны.

Во-первых, почти полное отсутствие аномалий и, стало быть, артефактов. Ведь большинство артефактов порождается аномалиями. А нет аномалий — нет и хабара. Кому такое понравится? Никому. Ни stalkерам, ни «туристам», ни ученым.

Во-вторых, изрядная удаленность Дюн от основных stalkерских, так сказать, выпасов. Если глянуть на карту со всеми открытыми уровнями Зоны, Дюны окажутся в крайнем дальнем северо-западном углу, в этаким неуютном аппендиксе между северным Заозерьем и Радаром.

Точнее сказать, между Заозерьем и Грибным Лесом. Но это ничего не меняет, потому что восточнее Грибного Леса все равно начинается Радар со всеми его нешуточными ужасами.

Ну и в-третьих, Дюны не очень опасны только в сравнении с Заозерьем. А вообще-то за десять лет здесь погибло немало честных людей. И некоторые из тех, кто все-таки смог вернуться, несли о Дюнах такую дичь, какой и про Четвертый энергоблок ЧАЭС не услышишь...

В общем, без крайней надобности в Дюнах делать было нечего. Но коль уж я не хотел возвращаться на Бриллиантовую Тропу и в то же время по-прежнему не терял надежд поживиться хабаром, Дюны были для меня единственным разумным решением.

Дюны...

Представьте себе почти настоящие дюны, высотой до десяти метров каждая, тянущиеся неровными грядами на несколько километров. Я говорю «почти настоящие дюны», потому что сыпучая белая субстанция, из которой они состоят, это на самом деле не песок, не мел, ни какая другая известная порода.

Очередная гримаса Зоны — правда, сама по себе достаточно безобидная. Эта белая субстанция не радиоактивна, не токсична и не нарушает законов причинности, как это делают всякие там «яйца дьявола», «подсолнухи» и прочие баснословные артефакты.

Зато, как и настоящие песчаные дюны в какой-нибудь там Калининградской области, эти белые горбы дрейфуют. Только механизм перемещения здешних дюн был совсем не такой, как у природных.

Природные ползут потому, что ветер методично перекадывает песчинки с наветренной стороны на подветренную. Рано или поздно это приводит к заметным смещениям дюны. А здесь, в Зоне, как мне когда-то объяснял молодой, но головастый stalkер по прозвищу Википед, дюны имеют глубоко в основании что-то вроде скользкой подошвы. На этой подошве дюны и ползают. Как улитки.

Бредово? Вполне бредово. Но тот, кто знает Зону, не станет скептически улыбаться.

Дюнам Зоны присущи особые изящество и грация.

В отличие от настоящих дюн их формы совершенно не испорчены растительностью. Так

что сталкер видит «всю их перевозданную наготу и прелесть», как когда-то выразился сталкер-фотограф Ньютон, фанат этих негостеприимных мест.

— А можно вопрос? — спросил Тигрёнок.

— Нельзя, потому что ты должен молчать, пока тебя не спросят, — строго сказал я. Но тут же показался самому себе угрюмой сволочью и смягчился: — Но сейчас можно. Все равно надо немного отдохнуть да осмотреться.

— Тут что, совсем-совсем ничего не растёт?

— Растёт. Отсюда не видно, но трава, а иногда и кусты попадают в низу, в ложинах между дюнами. А лучше бы не попадались.

— Почему?

— Потому что именно там приходится ходить нашему брату-сталкеру. По гребням дюн ходить нельзя, по траверсам — очень неудобно... Да и тоже, по большому счёту, нельзя.

— А что на гребнях дюн?

— Да есть тут один эффект... Его называют «огни святого Эльма», хотя мне эта гнилая пиратская романтика не по нутру. Время от времени на вершинах дюн возникают аномалии вроде электры. С таким же точно действием: получаешь в лоб молнию и откидываешь коньки.

— Но ведь сейчас вроде ничего такого нет.

— Правильно, сейчас нет. Возникают они абсолютно спорадически. Только что не было, и вдруг хлоп — все дюны по гребням обсижены электрами. Как будто кто-то разом лампочки в огромном зале включил. Ну и сам понимаешь: включится такая «лампочка» рядом с тобой... шарах! и ты уже превратился в труп с красивой зажаристой корочкой.

— Ну а по траверсам почему нельзя?

— Да паршиво. Склоны крутые. Этот так называемый белый песок под ногами все время очень нехорошо ползет. Он податливый, сволочь... как мука, что ли... или как пыль из пылесоса... Проваливаешься чуть ли не по колено... Ну и рассказывают...

Я на секунду замолчал. Я колебался: пересказывать ему эту сомнительную байку или пощадить хрупкую молодежную психику? Решил: нечего жалеть! Если уж приперся в Зону — привыкай!

— ...Рассказывают, что если с полминуты постоять на дюне... То понемногу погружаться начинаешь... И когда по колено где-то провалишься, там, внизу, включается какая-то дрянь... особый физический механизм, что ли... и тебя уже вниз так начинает тянуть, будто ты в трясины уходишь... Были люди, которые так погибли. Вроде и свидетели есть.

— И что, внутри каждой дюны такой механизм?

— А кому охота проверять? Вот ты — стал бы? Согласился бы на каждой дюне постоять неподвижно минуток по пять?

— Ну если за миллион денег...

— Дурак ты. И молодой еще. На такую хрень ни за какой миллион нельзя соглашаться.

— За миллион вы правы, наверное. Но за «кварцевые ножницы» я бы согласился. Железно.

Я окинул спасеныша взглядом, в котором смешались насмешка и недоверие, но промолчал. В его возрасте все приличные самцы хотят казаться всем — и в первую голову самим себе — во сто крат отважней и круче, чем они есть на самом деле.

Есть ли смысл высмеивать его? За что? За возраст?

— Смотри, — только и сказал я, — как бы не услышали тебя Хозяева Зоны. А то ведь и впрямь предложат такую сделку. У них с чувством юмора как бы порядок.

— А что, я готов!

— Даже если действительно готов — вслух такое не надо говорить.

Мои слова прозвучали достаточно веско. По крайней мере он заткнулся.

Еще мне хотелось рассказать ему про Аллею Висельников. Но я решил, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Пора было идти. Я свою норму безопасности на границе уровня отстоял и никаких пугающих патологий не заметил.

Ну что же. Вот мы, вот тропа... вперед!

Первым неприятным сюрпризом стало состояние тропы.

Плохое, думаете?

Да вот нет, слишком уж хорошее. Это-то и настораживало.

Здесь ходили. Ходили больше, чем мне хотелось бы.

Тропа почти везде шла ровно посередине между двусоседними дюнами. На ней кудрявились куртинки невысокой травы, а местами и вовсе ничего не росло.

И вот там, где трава все-таки имелась, она была притоптана. И притом, заметно.

Ну, допустим, здесь недавно прошли «двое злых» — как назвал излом сталкеров, бросивших Тигрёмка умирать в петле Мёбиуса.

Но двое так траву не уложат. Никак. Для этого требуется прохождение нескольких групп с небольшим интервалом... А еще — плодятся мутанты и зомби. И их, зомби с мутантами, должно было пройти не меньше, чем сталкеров.

Я начал присматриваться и на глинистых проплешинах вскоре обнаружил более-менее четкие следы подошв. Можно было однозначно определить, что шли двое. Двигались они след в след, как положено, но идущий сзади имел меньший размер обуви, да к тому же иногда ступал со смещением на пару-тройку сантиметров.

В другом случае попало множество следов, оставленных однотипными подошвами.

Рисунок подошвы указывал на какой-то из иностранных армейских ботинок — то ли немецкий, то ли французский, я тот еще следопыт, в таких вопросах путаюсь.

С каких это дел потаенные Дюны вдруг превратились в проходной двор?

Нервировало все это, врать не буду. В глубине души я уже пожалел, что жадность и обстоятельства гонят меня через этот странный уровень.

И неудивительно, что мне очень захотелось сбросить Синоптику запрос типа «Дай всех радиус 300 м южного конца Аллеи Висельников». Но опасения вновь напороться на тройные тарифы меня удержали.

* * *

Что такое Аллея Висельников?

На юге России в сельской местности почти все дороги обсажены деревьями. Идет, скажем, трасса, а от нее — кое-как заасфальтированный отводок к какой-нибудь там Красноперцевке или Неулыбовке. И вот по обе стороны такого отводка растут пирамидальные тополя. Или, если дело происходит еще южнее, что-нибудь повеселее: шелковица с грецким орехом вперемежку или абрикосы.

Видать, когда-то, до Катастрофы, и здесь такая дорога шла. Обсажена она была как раз тополями.

Потом стряслась Катастрофа, были Выбросы и прочая апокалиптика.

И вот тогда часть деревьев приподнялась вместе с новорожденными дюнами, а часть — утонула в аномальных белых песках, из которых дюны состояли. Но и приподнявшиеся деревья, и поглощенные, все изогнулись — так от летнего зноя опадают набок парафиновые свечи.

Верхушки деревьев уткнулись в соседние дюны, а кое-где — просто в землю. Причем у многих деревьев, которые, казалось, полностью и навсегда в дюнах утонули, некоторые ветви снова показались на свет божий.

Изгибаясь всё сильнее и сильнее, они проткнули песчано-мучнистые склоны и торчали из них скрюченными пальцами исполинских мертвецов.

Однако из большинства деревьев получились не скрюченные пальцы, а сводчатые арки. Довольно-таки зловещего вида. Ведь если одна сторона арки была сформирована стволом дерева, то вторая — его кроной.

И, стало быть, со стороны кроны в землю уходило сразу несколько толстых ветвей.

После всех пережитых катаклизмов древесина полностью изменила свойства, окаменела. Я бы даже сказал — «ожелезилась». По крайней мере пули ударялись в эти удивительные арки с

таким же нестерпимым звоном как если бы вы стреляли в опору ЛЭП или железнодорожную цистерну.

Но Аллея Висельников не заслужила бы свое невеселое название, если бы не омела.

Омела — это растение-паразит, чьи многочисленные шаровидные кусты неспешно жирели на момент Катастрофы в кронах несчастных тополей.

Многие омелы после Выбросов погибли. Ведь погибли растения-хозяева, от которых кусты омелы получали вкусные и питательные жидкости!

Однако некоторые паразиты успели мутировать.

Причем удачные мутации выжили и благоденствовали.

Насколько вообще можно благоденствовать в Зоне, если ты не Хозяин и не Болотный Доктор.

В ходе мутации куст омелы заметно вытягивался вниз и становился гуще, формируя совсем уж непроглядный кокон. А несколько ветвей омелы превращались во что-то вроде щупальцев. Частью этих щупальцев омела продолжала держаться за ствол погибшего хозяина, а другие бросала вниз, чтобы дотянуться до земли с ее живительной влагой. То есть омела, мутировав, обзавелась очень длинной воздушной корневой системой.

Издали омелы-мутанты, покачивающиеся на ветру под арками, походили на повешенных людей. Вот отсюда-то и название...

— Так вот она какая, Аллея Висельников, — тихонько, будто сам себе, сказал Тигренок, когда за грядой особенно высоких дюн пошли песчаные горбы поскромнее. Они были украшены арками, арки же — мутировавшими кустами омелы.

Давненько я их не видел... В тот день они произвели на меня особенно гнетущее впечатление. Многие растения-мутанты настолько разрослись, что стали больше взрослого человека раза в полтора.

— Если так дальше пойдет, — сказал я Тигрэнку, — пора будет переименовать ее в Аллею Повешенных Великанов... Э-э, погоди! А ты откуда про Аллею знаешь?

— Слышал... Краем уха... Давно... А где здесь красные висельники, Владимир Сергеевич?

О висельниках ходили разные страшилки. Наиболее популярная гласила, что при помощи воздушных корней они не только тянут влагу из земли, но могут задушить и высосать зазевавшегося сталкера — досуха, как кровосос.

А одна из редакций этой же страшилки повествовала о красном висельнике. Дескать, и само растение-мутант красное, и корни его — красные. И по ночам оно снимается со своей родной арки и ползает по Дюнам, промышляя беспечных сталкеров.

Ну не смехотура, а? Детский сад, штаны на лямках!

Хотя, конечно, смехотура смехотурой, но Аллею Висельников я не любил и лишний раз через нее не пошел бы.

— Красные висельники, отец, — назидательно вещал я, — это из той же оперы, что и зеленые человечки на летающих тарелочках.

— А что за опера такая? — Плаксивое лицо Тигрénка было серьезным-серьезным!

— Тьфу ты. Это образное выражение. Нет никаких красных висельников! Но это не значит, что мы можем расслабиться. Наоборот: теперь от нас требуется предельная концентрация! Потому что, к сожалению, тропа ведет нас прямо к висельникам... А когда я был здесь последний раз, тропа шла стороной, кстати.

— Почему?

— Потому что это Зона. Всё, молчим.

Да, это Зона... Терпи, сталкер! Скажи: «Ох уж эта паскудная Зона со всеми ее паскудными ежеминутными переменами!» — и шлепай по тропе, не выкобенивайся.

Глава 5 Свинцовое колесо

Better run through the jungle,
Better run through the jungle...

Run Through The Jungle, Creedence Clearwater Revival

Мы почти поравнялись с первой аркой, украшенной упитанным молчаливым висельником.

Тигрёнок, само собой, пожирал сей малоприятный объект глазами. Он хотел что-то у меня спросить, но побоялся, так я его застрашал.

И правильно. Нечего меня отвлекать!

Я был занят важным делом: отслеживал аномалии.

И очень хорошо, между прочим, что отслеживал.

Потому что шагов через двадцать, в очередной раз применив детектор аномалий в сочетании с тремя болтами, я обнаружил, что дорогу нам преградило шикарное свинцовое колесо.

Первые два болта, которые я бросил, бесследно исчезли в центре глинистого участка, подозрительного во всех отношениях: ровного, как стол, и почти идеально круглого.

Я уж было подумал, что перед нами изрядно выдохшийся гравиконцентрат, когда, среагировав на третий болт, из-под глины начала проступать густая жидкость недоброго темно-серого цвета.

Жидкость взялась словно бы из ниоткуда — как ведьмин студень. Но в отличие от ведьминога студня, она знала свое место, бесконтрольно не расплзлась.

Образовав идеальную окружность метров восьми в поперечнике, свинцово-серая масса неспешно завращалась. Ёхан Палыч!

Обойти колесо казалось делом непростым.

Справа мешал крутой откос дюны. Мало того что он сам по себе был на вид практически непроходим, так в аккурат над ним еще и болтался висельник. Я не верил в байки про хищную, бросающуюся на людей омелу, но понимал: под такими штуковинами в Зоне по-любому ходить нельзя.

Слева от свинцового колеса стояла высокая, в рост человека, трава. Идти туда мне очень-очень не хотелось.

У сталкеров есть разные мнения насчет травы.

Обычной травы, я имею в виду. Травки-муравки.

Многим в Зоне по лугам и лужайкам ходить нравится. Потому что большинство аномалий на них проявляется: на гравиконцентрах трава ложится, под жарками — выгорает, желтеет. Знай только примечай да делай выводы!

Но я траву не люблю, особенно высокую. Даже самый несчастный тушканчик, притаившийся за крошечной кочкой, может одним укусом испортить вам весь рейд по Зоне. А уж более серьезные противники вроде крыс, предводительствуемых крысиным королем, получают шансы заполучить вас на обед без единого выстрела.

Я стоял на месте, не зная, что предпринять. Тигрёнок терпеливо молчал.

Словно бы подтверждая худшие мои опасения, трава в нескольких шагах от нас подозрительно шевельнулась.

Что-то было там. Что-то там было...

Не люблю в Зоне лишний раз шуметь и безобразничать, но альтернатив я не видел. Я загнал в подствольник зажигательную гранату и выстрелил — туда, где загадочное нечто демаскировало себя шевелением травы.

Тут же с паническим визгом из зарослей повалили злогребучие тушканы: два, еще два, и еще...

Я был уверен, что они не будут нападать. Но на всякий случай, чтобы они боялись даже смотреть в нашу сторону, дал по стае несколько коротких очередей.

Двух мелких мутантов я угробил, остальных и след простыл.

— Тушканы? — спросил Тигрёнок.

— Ну да, так называемые.

«Тушканы» никакие не тушканчики, то есть это вовсе не попрыгучие степные грызуны-милашки. И даже не мутировавшие попрыгучие степные грызуны. А существа, образовавшиеся в результате смешения генетического материала крыс и перелетной саранчи. Собственно прыгательные лапы «тушканчиков» — они как раз от саранчи.

Так по крайней мере утверждают все авторитетные некробиотики наших дней.

Тем временем трава, хоть и была сочной, ярко-зеленой, кое-где занялась от горячего состава, разбрызганного моей гранатой. Густой белесый дым пополз между травинками...

Это навело меня на мысль. Я выпустил в самую гущу разнотравья две дымовые гранаты, не пожалел.

В итоге весь травяной массив через минуту был затоплен удушливым дымом.

А еще через полминуты из травы повалило выкуренное население, которому хватило выдержки не драпануть при взрыве зажигательной гранаты.

Со страшной скоростью промчались две крупные мутантные змеи — одна двухголовая, а другая, наоборот, вовсе безголовая, этакий исполинский червяк.

Семена шестью лапками, пробежал ёжик с рыльцем, преобразовавшимся в полуметровую костяную иглу для высасывания крови.

Смешно переваливаясь с боку на бок, от ежа не отставал крошечный поросенок псевдоплоти. Это мне совсем не понравилось: где поросенок — там и мамочка.

Последними район локальной экологической катастрофы покинули какие-то непонятные слизи с множеством ножек и красными перьями на горбу — скорее всего результат произвольной пересборки нескольких геномов в зыбь-воронках.

Из всей этой зловредной фауны некоторую ценность представлял, пожалуй, только ёж-хоботоносец.

Насколько я знал, их всего-то пару раз наблюдали и ни разу не ловили живьем.

Но я не промысловый сталкер, мне с редкими зверушками возиться лень. Нужно специальное оборудование, всякие хитрые парализаторы, дорогая химия, особые контейнеры для транспортировки...

Поскольку ёж не бросился на нас с криком «банзай!», мы пощадили его. Как, впрочем, и всех остальных, не исключая даже поросенка псевдоплоти.

Можно сказать — патронов пожалели, а можно сказать, и просто пожалели.

— Теперь понял, рази чего я извел три гранаты? — спросил я Тигрёнка, ткнув пальцем вслед улепетывающим слизням, от одного вида которых даже я испытывал почти непреодолимые рвотные спазмы. — Это Зона, отец.

И мы уже почти решились идти через дымящуюся траву... Почти-почти решились... Когда мне почудилось, что дым ведет себя как-то странно.

Присмотревшись, я убедился, что это вовсе не моя паранойя: ровно там, где я наметил для нас с Тигрёнком проход через траву, клубы дыма начали как-то чересчур бодро закручиваться и разделяться на отдельные струи. А струи эти, завиваясь штопором, потянулись раздельными свечками вверх.

Эффект был не то чтобы угрожающий. И аномальность была выражена слабо. Допускаю, что поведение дыма объяснялось какими-то вполне нормальными, физическими особенностями течений воздуха конкретно в этой лощине. Но мы были в Зоне, а в Зоне ты просто не имеешь права верить в «нормальные физические особенности».

— Так что, идем? — спросил Тигрёнок.

— Посмотри-ка лучше вперед, радиоактивное мясо.

— Ну, смотрю... И что?

— К дыму присмотришься, балда. Внимательно.

— Ой, что это?

— Ой, я не знаю! — в тон ему ответил я.

Получилось довольно смешно. Тигрёнок улыбнулся — первый раз с момента нашего

знакомства.

Построжев, я продолжил:

— Действительно не знаю. Какая-то аномалия. В любом случае, я туда не пойду. Если бы я был состоявшейся свиньей я бы не стал привлекать твое внимание к поведению дыма. Я бы приказал тебе идти вперед и смотрел: опасная аномалия или нет. Вполне возможно, ты навсегда остался бы здесь, а я бы обогатил свои знания о Зоне еще одним ценным обстоятельством.

— Спасибо, Владимир Сергеевич. Вы добрый человек, — сказал Тигренок с чувством.

— Добрый, не добрый, но я по крайней мере не чудак на букву «м». Отмычкой тебя вперед не погоню. Но всё же должен быть и от тебя какой-то прок...

— Я... Я всегда! Я же говорил, что готов исполнять любые ваши приказания!

— Значит, вот чего... — С этими словами я сбросил с плеч рюкзак и открыл его. — Берешь это, — продолжил я, доставая моток веревки и протягивая его Тигренку, — лезешь вон туда, — я ткнул пальцем на вершину арки, образованной согнутым стволом дерева с болтающимся висельником, — и крепко-накрепко привязываешь веревку там, в точке перегиба. Будем, отец, тарзанку мастерить.

План мой заключался в следующем. Если невозможно свинцовое колесо обойти, значит, придется через него переправиться. А как через него переправиться? То-то же.

Честно говоря, в тот момент я — что бы там ни говорил — все равно использовал Тигренка по прямому назначению. А именно, как отмычку.

Потому что имелись, ох имелись в моем задании подводные камни.

Чтобы залезть на арку, Тигренку требовалось взойти почти к самому гребню дюны. Именно туда, где то и дело появлялись блуждающие электры.

Кроме того, перемещаясь по окаменевшему стволу дерева, он должен был пролезть над точкой крепления висельника. Не страшно вроде бы, но кто его знает?...

Ну и наконец, имелась вероятность сверзиться с высоты четвертого этажа в свинцовое колесо. А это смертельно, не сомневайтесь.

Но Тигренок всё проделал отлично, и ничего с ним не случилось (все же новичкам везет, действительно везет!). Спустя десять минут он вернулся ко мне сияющий как электросварка и вообще страшно собой довольный.

Я подобрал длину веревки так, чтобы она заканчивалась примерно на расстоянии метра от земли. Там я навязал сложный узел, чтобы было за что ухватиться.

Оставшуюся часть веревки я отрезал, еще пригодится.

— Прыгаешь первым. Расшнуруй ботинки.

— Зачем?

— Ты расшнуровывай давай и меня слушай.

Тигренок повиновался.

— Не приведи Господь упадешь в свинцовое колесо — главное устоять на ногах. Сразу не утонешь, оно очень густое, недаром свинцовым называется. Но очень важно, чтобы ты его не коснулся ладонями или там коленями. Короче говоря, падать нельзя. А из расшнурованных ботинок ты сразу сможешь выпрыгнуть и приземлиться уже за пределами аномалии. По крайней мере какой-никакой — шанс. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Невероятно, но всё случилось в точности по моим словам.

Тигренок как следует раскачался на тарзанке. Я еще придал ему на прощание изрядное дополнительное ускорение, толкнув изо всей силы под зад коленкой. И все равно он умудрился шмякнуться на прямых ногах в свинцовое колесо! Ровно полметра не долетел!

Издав дикий нечленораздельный крик — что-то вроде «ЁБЛИНМАМА!», — он явно поставил личный рекорд по прыжкам с места, рванувшись из расшнурованных ботинок всем телом. К счастью, на это ему сил и удачи хватило, и Тигренок наконец оказался по ту сторону свинцового колеса. На твердой земле.

Смех и грех...

— Ну ты и дурак, — сказал я в сердцах. — Ладно, бить тебе морду за утрату ценного обмундирования в виде ботинок потом будем. Сейчас твоя задача — поймать меня за ноги. А поймав, затащить как можно дальше за свинцовое колесо.

И вот, пока ботиночки его, издавая забавное шипение и потрескивание, дрейфовали по свинцовому колесу, одновременно с тем неспешно в нем утопая, ваш Комбат раскачивался на тарзанке над проклятушей аномалией и над этими самыми ботиночками.

Но все плохое рано или поздно заканчивается. И вот уже я, громко выматерившись, свалился плашмя сверху на свой тридцатикилограммовый рюкзак.

Что ж, мы были по ту сторону колеса.

Минус ботинки Тигрэнка.

А без них, босиком, он бы точно из Зоны не вышел.

Да что там! Непонятно, как бы он Дюны прошел!

Но Хозяева Зоны в тот день явно взялись юморить на совесть.

Через двести метров мы обнаружили обезглавленный труп.

Это был сталкер — точнее сказать, судя по хреновости обмундирования, такой же отмычка, как и Тигренок.

Помимо головы, неизвестный лишился также одной руки.

По характеру ранений можно было сделать однозначный вывод, что его убила химера.

Значит, где-то здесь гуляет химера...

Плохо. Хуже не придумаешь.

Но имелись и хорошие новости: нога покойного была всего лишь на полразмера больше, чем у Тигрэнка. Похоже, перед нами лежал обещанный изломом «второй злой», на следы которого я обратил внимание, еще когда мы шли к Аллее Висельников.

— А вот и новые ботиночки для тебя. Разувай.

Чистоплюйский Тигренок посмотрел на меня с негодованием. Носить обувь с трупа... Как это гадко!

— Разувай-разувай!

Чтобы подать ему пример, я присел на корточки и взялся деловито шарить по карманам покойника.

Так мы запятали себя мародерством — самым распространенным грехом сталкеров после богохульства и укрывательства от налогов.

Глава 6 Химера

Black forest of evil, a demons possession
A beast in the wild with nocturnal dementia
Scent of fresh human blood invades its dominion
Surrounded in darkness, she enters a realm of hell.

Raped By The Beast, Cannibal Corpse

Не отходя от свежеразутого бедолаги, я хотел устроить Тигрэнку дознание по всей строгости. И все-таки выспросить у него имя сталкера, который вначале бросил его, Тигрэнка, в петле Мёбиуса, а потом лишился и второй отмычки — сцапанного химерой.

Но тут «пошел металл», как выражается один мой приятель, сталкер Малёк, в прошлом литейщик.

То есть: события понеслись лавиной.

На гребне одной из соседних дюн мелькнула серая молния.

На мгновение застыла. Позволила разглядеть себя во всех устрашающих подробностях.

Химера!

И не просто химера. А химера в двуликой ПС-форме, искупавшаяся в свинцовом колесе.

Потому что если химера серая — значит после свинцового колеса.

А если после свинцового колеса — значит она практически неуязвима.

«Мне бы человека три-четыре... Нормальных бойцов... — со смертной тоской подумал я. — Были бы шансы... Приняли бы в несколько стволов. И хорошо бы, чтобы один из стволов был типа «метал шторм»... Скажем, модели «Tsunami»... Ухлопать эту тварь мы, может, и не смогли бы, но перепугали бы крепко. Как в том анекдоте про кабанчика. «Убить не убили, но так отмудохали!». А без «метал штормов», конечно, дело наше табак».

— Быстро за мной, — приказал я Тигрёнку. — Но — след в след, как обычно.

Не дожидаясь его реакции, я пошел вперед. Я даже не стал ему показывать на химеру. Лишняя паника нам ни к чему.

Надо просто идти. Ногами. Быстро и собранно.

Авось пронесет. Авось она не по нашу душу.

А вот смысла оставаться на месте точно нет.

Зачем оставаться?

Чтобы попробовать химеру подстрелить? Из АК-47?

Смехотворно! Ну попаду я в нее раз. Ну — два...

Толку ли? Две пули она даже не заметит.

Для всех нормальных мутантов свинцовое колесо означает такую же неотвратимую и мучительную смерть, как и для людей. А вот химера, будь она неладна, может в этой дряни выкупаться! То есть — залезть в него и вылезти обратно.

После такого купания шкура химеры приобретает на пару деньков впечатляющую прочность. Не всякая гауссовка прошибет!

Ну то есть гауссовка прошибет, наверное. Но из-за низкой скорострельности этого оружия шансов попасть в химеру практически нет. Ведь обычно химера перемещается со скоростью львицы в броске. А то и быстрее.

В общем, я себя уже мысленно похоронил. Ну и Тигрёнка тоже, конечно. Хотя мне было на него совершенно наплевать. Поэтому я мог бы мысленно его и не хоронить, а оставить неупокоенным.

Химера догонит, химера атакует, химера убьет нас.

Имелся лишь один призрачный шанс на спасение.

Его я и отработывал.

— Лезь наверх, — приказал я спасеньшу, когда мы поравнялись с очередной аркой.

На этой арке висельник был особенно мерзкий: черный, лохматый, скукоженный. И пованивало от него нехорошо. Ох нехорошо...

Но варианты отсутствовали. Надо было действовать как можно быстрее. До следующей арки мы могли уже и не добежать...

К тому же имелся у этой арки и плюс. Стояла она на редкость удобно — не на гребне дюны, а почти у самой ее подошвы. Это избавляло от опасной необходимости карабкаться на дюну, во второй раз за час испытывая судьбу на благосклонность. Ведь возможности внезапного появления на вершинах дюн смертоносных «огней святого Эльма» никто не отменял.

— Зачем лезть? — искренне изумился Тигрёнок. — Вы же только что...

— Лезь немедленно.

Свои слова я подкрепил выразительным взглядом.

Парень понял, что мне совсем не до шуток и два раза я повторять не буду.

Заткнулся, полез.

Сам я обернулся, сжимая АК-47. Химеры нигде не было видно. Но это ничего не значило. Она могла преспокойно сближаться с нами, мчась по обратным скатам дюн.

— На самый верх лезь, — не глядя на Тигрёнка, негромко бросил я через плечо. Не сомневался: услышит!

За ним намеревался последовать и я.

Мой расчет основывался на том, что в один прыжок химера нас наверху арки не достанет. Все-таки высоко.

В то же время химера может проявить достаточный азарт и попытаться залезть к нам по окаменевшему стволу. Но вот тут-то у нее уже никак не получится выдерживать прежнюю скорость! И это делает ее куда более удобной мишенью.

Более того: тварь окажется достаточно близко, чтобы можно было рискнуть и применить против нее последовательно гранату из подствольника, полный магазин АК-47, полный магазин «стечкина» и, на закуску, ручную гранату РГС-2.

Собственно, из перечисленных предметов только граната РГС-2 имела шансы нанести нашей бронированной химере повреждения, несовместимые с ее некрожизнью. Но с гарантией применить гранату РГС-2 можно было только после того как химера будет оглушена и сброшена с арки. А затем буквально вбита в землю длинными очередями автоматического оружия и тем обездвижена хотя бы на две секунды.

Потому как что такое РГС-2?

РГС-2 это ручная граната специальная, модель номер два — плод инженерно-саперной, фантазии ученых с Янтарного. Эта эргэесина чудо как хороша против крупных монстров. Калечит их термическим ударом и совсем не дает осколков, вредных для сталкерского здоровья.

Однако же радиус действия у нее скромный, и поэтому попасть ею в монстра надо как можно точнее.

Что в случае с химерой возможно лишь если ты наперед знаешь абсолютно точно, что монстр не изменит своего положения в пространстве за то время, пока к нему летит граната.

Итого, еще раз: надо подождать, пока химера полезет за нами на арку, затем ошеломить ее ураганом пуль и долбануть термической гранатой — пока не опомнилась.

Прекрасный план! Полагаю, моему тактическому гению позавидовали бы и Стервятник, и Хемуль, и сам Дима Шухов.

Но, как почти всегда в Зоне и случается, мой прекрасный план выродился в трагифарс.

Итак, я извлек из рюкзака гранату РГС-2, сам рюкзак оставил внизу и, чертыхаясь, полез на арку, чтобы составить компанию Тигрёнку.

Краем глаза я все время косился на подозрительного висельника. Мне казалось, что с каждой секундой от него смердит все сильнее и сильнее. Кроме того, верхняя группа воздушных корней, при помощи которых висельник крепился к нашей арке, находилась совсем близко от Тигрёнка. А в Зоне желательно держаться подальше от ее порождений — даже от тех, которых принято считать совсем безопасными.

Ну а куда подевалась нижняя группа воздушных корней? Их вроде как не было вовсе... А странно ведь!

Химера появилась как раз в тот момент, как я удивился отсутствию у этого висельника нижних воздушных корней.

Вместо того чтобы лезть к нам, химера взялась обнюхивать мой рюкзак.

Вернее сказать, «они взялись обнюхивать». Потому что это была химера, повторюсь, в двуликой парастабильной форме. То есть у нее сбоку, слева от основной морды, была как бы прилеплена еще одна морда, поменьше...

Можно даже сказать не «морда», а — «голова» или «передняя часть головы». Но это не сильно прибавит внятности к портрету этого жуткого монстра. Дать внятное словесное описание химеры невозможно, тут и любой Паустовский спасовал бы.

Морды-головы менялись ролями. Сперва одна обнюхивала рюкзак, в то время как другая, недружелюбно взрыкивая, косилась на нас.

Потом наоборот: голова побольше взрыкивала, а голова поменьше — тыкалась носом под клапан рюкзака.

— Это... это что? — прошептал Тигрёнок, бледный как смерть.

— Химера. Тоже, по-моему, колбаски хочет. Сегодня все хотят нашей колбаски, а?

Я говорил в голос, не таясь. Мне хотелось, чтобы химера поскорее отвлеклась от рюкзака и

попробовала заняться нами.

Еще я лихорадочно соображал: стрелять, пока она на месте стоит? Или ждать, пока она все-таки попробует нами поживиться и полезет к нам на арку?

Был еще вариант сразу хлопнуть по ней гранатой РГС-2, но очень уж мне было жалко своего рюкзака, забитого множеством полезных и дорогих вещей. Граната РГС-2, напомним, термическая. После нее от рюкзака останется только вонючий спекшийся ком.

— Я думал, химеры черные и на пантеру похожи... — стуча зубами от страха, разглагольствовал Тигренок.

— Есть и такие. Химеры очень разные. Потому что разные у них парастабильные формы. Теперь — не мешай.

Я тщательно прицелился в глаз большей головы.

Тем временем химера подцепила зубами меньшей головы лямку моего рюкзака. При этом она косилась на меня, как мне показалось, с ехидством. Дескать, смотри, смешной мягкий слизняк, уношу твои вещички.

Я решил стрелять: оставаться без рюкзака, повторяюсь, я не собирался.

Ну, Комбат, давай! Была не была...

Выброс сонмища хватательных корней красным висельником — а рядом с нами на арке, как оказалось, покачивался именно красный висельник! — опередил мой выстрел на десятые доли секунды.

Корни, ранее спрятанные внутри непроглядного кокона из глянцевитых листьев, как щупальца спрута, схватили химеру и подняли в воздух.

Моя пуля вошла в землю, не повстречавшись с целью.

Химера, совершенно не ожидавшая нападения со стороны вроде как безобидной мутантной омелы, заорала так, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

— Быстро вниз! — скомандовал я Тигренку и, поскольку мне предстояло слезать первым, немедленно подал пример.

Мутантная омела вдруг разом вывернула все свои темно-зеленые, практически черные листья.

Теперь наружу глядел их багровый, лоснистый испод. Всё растение вмиг поменяло цвет, превратившись в этакий сплюснутый с боков перезревший плод адского граната высотой под два метра. И гранат этот стремительно покрывался крупными каплями некоей жидкости, которую выделяли тысячи мелких красных листьев растения-мутанта.

— Красный висельник, — констатировал Тигренок. — Или нет?

Вынужден сделать ему комплимент: держался он молодцом.

— Да! — заорал я. — Быстрее, быстрее, прыгай давай! — Сам я спрыгнул за секунду до того и теперь стремительно отбегал вбок.

Химера, издавая леденящие кровь рыки, бешено работала мощными лапами с когтями длиной с мясницкий нож каждый. Один за другим рвались охотничьи корни красного висельника.

Но корней было много, очень много. Они всё туже затягивались у химеры на шее и поперек туловища в районе таза.

Химера гневно рычала, однако по-прежнему не выпускала из пасти лямку моего рюкзака!

Я уже внутренне согласился с тем, что рюкзак придется бросить, и собирался отдать Тигренку приказ на стремительный организованный отход, плавно переходящий в паническое бегство, когда красный висельник взялся за химеру всерьез.

Жидкости, выделенной его листьями, стало так много, что она собралась в огромные блестящие капли.

Капли составили ручейки.

Ручейки скатились вниз и обрушились на химеру.

Там, где жидкость — а это был, конечно же, пищеварительный сок — попадала на кожу страшного монстра, та мгновенно шла светлыми пятнами, шипела, дымилась, а затем лопалась, точно от сильнейших ожогов. И это крепчайшая шкура, свежесвыдубленная в свинцовом колесе!

Это было даже для химеры чересчур. Ее меньшая голова наконец ослабила хватку, и мой многострадальный рюкзак шлепнулся на землю.

Вокруг него проливался неласковый дождь из пищеварительного сока красного висельника.

Чтобы схватить рюкзак, мне пришлось поверить, что мой чудо-комбинезон СПП-100К в состоянии выдержать попадание полулитра агрессивной жидкости неизвестного состава.

Что ж... комбинезон задымился, но выдержал!

— А теперь уходим! — приказал я Тигрёнку, забрасывая рюкзак за плечи.

— Почему вы не стреляете?

— Смысла не вижу.

Это было очень беспечно. Мне следовало попытаться добить химеру тут же. Благо, мишенью она стала почти неподвижной и я мог попробовать попасть в одну из свежих дыр в ее бронированной шкуре. Но в ту секунду я верил, что минуты и секунды некрожизни монстра уже сочтены и он наверняка пойдет на обед красному висельнику.

Итак, я взвалил рюкзак на спину, и мы пошли прочь как могли быстро. Мне очень хотелось побежать, но по Зоне бегать нельзя. Аномалии не дремлют, ждут бегунов!

За спиной какое-то время раздавались леденящие душу вопли химеры, потом — сочный хруст, глухой удар, и внезапно всё стихло. Я оглянулся, но место фантастической схватки уже скрылось за очередной дюной.

Возвращаться, чтобы поглазеть на исход противоборства? Да ну на фиг!

Мы прошли еще шагов сто и наткнулись на растерзанную взрослую псевдоплоть. Определенно, ее прикончила химера.

А вот нескольких поросят псевдоплоти упокоили пули...

Я припомнил того поросенка, которого мы среди прочих мутантов выкурили из травы, и понял, что то был определенно последний выживший член этого невезучего семейства.

— Что ж, еще одной головной болью меньше, — прокомментировал я ситуацию для Тигрёнка. — Нам сейчас только живой псевдоплоти не хватало.

Сказав эти слова, я вдруг краем глаза заметил какое-то движение справа.

Резко повернулся, вскидывая автомат.

Как там Тигренок изволил выразиться, когда упал в свинцовое колесо? «Ёблинмама»?

Точно, она.

ЁБЛИНМАМА!

На нас перла химера.

Она хромала на все четыре ноги. На ней не было живого места. Более крупная ее морда была словно исхлестана железными плетьюми. На ней белел единственный уцелевший, неистовой злобой пылающий глаз.

Меньшая морда, по-моему, вообще умерла. По крайней мере признаков жизни не подавала. Глаза ее были закрыты. А может, вытекли, я не разобрал.

За химерой волочилось множество охотничьих корней красного висельника. Некоторые из них были перебиты ударами когтистых лап монстра. Другие, похоже, химере удалось вырвать вместе с «мясом».

По крайней мере за спиной монстра покачивалось что-то вроде огромного красно-черного букета. Этот омерзительный букет, конечно же, был куском растерзанной мутантной омелы.

Прежняя победительная прыть оставила химеру.

И все равно она галопировала с приличной скоростью.

С такой скоростью, которая полностью исключала саму возможность нашего с Тигрёнком бегства.

Да и устал я бегать, родная...

Я высадил в химеру полный магазин «калаша».

Это ее не остановило.

Бросил РГС-2.

Увы, это самопальная, весьма громоздкая ручная граната. Бросить ее с приемлемой точностью весьма непросто.

Температура в объеме нескольких десятков кубических метров вокруг точки инициации гранаты рывком поднялась до полутора тысяч градусов по Цельсию.

Вспыхнула трава. Заклубилась белесыми облачками выпаренная из почвы влага.

Загорелись воздушные корни, листья, какая-то неведомая мне отвратная начинка тех кусков красного висельника, которые химера тащила за собой.

Вспыхнули задние лапы химеры.

Такого страшного рева я не слышал уже давно.

Возможно, даже никогда в жизни.

Увы, монстр продолжал движение и был уже в считанных метрах от нас.

— Стреляйте! Стреляйте же! — блажил Тигрёнок, выпучив свои детские глазенки.

Ощущая себя никчемным деревянным Буратино, я каким-то механическим, как говорят, «деревянным» движением сменил магазин автомата, вскинул его к плечу, спустил курок.

«Зачем? Зачем... я... это делаю? Эту тварь... тридцать пуль... не остановят. Не... остановят, — колотились в моей голове, в такт биениям автомата, быстрые, обжигающе-горькие мысли. — Нет времени. Времени нет. Еще бы один магазин. Один магазинчик! Успеть бы в нее всадить! Был бы со мной Тополь... Эх, Тополь... Мы бы с тобой... Вон, в прошлом-то году? Сколько бандитов положили? Серьезных, матерых бандитов. А все потому, что вместе были. Работали как две руки одного тела...». И тут до меня кое-что вдруг дошло.

«Что-то больно много я всего передумать успел», — вот что до меня дошло.

Длинноват внутренний монолог получился для тридцати пуль, которые покинули ствол моего автомата за три секунды. А я стою, бормочу что-то...

Три секунды?

Воздух был густ, как кисель. Химера находилась близко, невероятно близко, но теперь она двигалась как в замедленном кино. Более того: и несколько моих пуль в полете так замедлились, что я их увидел. Они сблизилась с химерой и прошли над самой ее головой.

Неудивительно. В финале длинной очереди пули почти всегда уходят выше цели.

Ничего не понимая и не желая понимать, я вновь сменил магазин.

Если судьба (Или Бог? Или Хозяева Зоны? Или кто?) дарит мне шанс, я обязан его использовать.

Я прицелился как мог тщательно в огромную дыру, которая была прожжена в шкуре между мордами химеры пищеварительным соком красного висельника.

Нажал курок и сразу же отпустил. «Пах-пах», — сказал автомат.

Нажал курок. Отпустил. «Пах-пах-пах».

Я бил практически в упор. Промахов почти не было.

Одну за другой я методично всаживал пули в дыру.

В замедленном кино летели клочья химерической некроплоти. Били тугие струи черной крови. Где-то в глубине организма химеры двигались мои пули, ломая кости, разрушая жизненно важные органы.

Химера завалилась набок, когда нас разделяли четыре шага. Которые она преодолела бы за полсекунды.

Полсекунды нормального, «жидкого» времени.

Глава 7 В гостях у Мисс-86

Hold on to your head
Hold on to your hat
You're screaming down the alley
And never coming back.

Hold On To Your Hat, Rolling Stones

Поскрипев тормозами, электричка остановилась на платформе с надписью «Обнинск».

Ваш Комбат, на себя обычного совсем не похожий, поставил пустую баночку из-под пива у серой выгородки тамбура.

Двери рывком распахнулись в пасмурный майский день.

И я, повесив на плечо выдавшую виды спортивную сумку с надписью «Eurovision-2023», сошел по ступенькам на платформу.

Огляделся.

Обнинскдохнул мне в лицо сыростью и лесом. А еще пахло гудроном, которым поливают шпалы.

Платформа быстро пустела — пассажиры, покинувшие ту же, что и я, электричку, деловито спешили по своим делам. Лишь я стоял возле путей, такой раздумчивый.

«Совсем ты, Комбат, с ума сбесился, если приехал черт знает куда на встречу с этой полуфантастической лаборанткой Лидочкой Ротовой, наплевав на заветы великой Птицы Обломинго», — сказал себе я глумливым голосом своего друга Тополя, в тот момент находившегося на тайландском курорте в обществе бывшей жены минигарха Юлии.

«Да, сбесился. А что мне делать-то ещё, а?» — ответил сам себе.

Гостиница «Юбилейная» была старым, дешевым двухзвездочником, единственным достоинством которого было его центровое расположение.

Я снял дешевый «стандарт» и поднялся в свой номер. Номер оказался с видом на привокзальную площадь — прямо скажем, не самую впечатляющую достопримечательность.

На душе у меня было тревожно. В паспорте дожидался своего часа согнутый вдвое листок бумаги для записей.

На нем был начертан адрес и два телефона — мобильный и домашний.

«Ротова Лидия Станиславовна», — почерк у Синоптика был детским, корявым, с сильным наклоном назад.

Да оно и понятно, гений коммутации Синоптик наверняка пишет своими белыми ручками крайне редко, предпочитая всё-всё-всё печатать на принтере. Непонятно только, почему он адрес Лидочки не напечатал.

Принтер сломался, видать.

«Она почти совсем не изменилась», — подумал я.

Передо мной распахнулась тяжелая, обитая синим дерматином дверь, и женщина лет сорока со стрижкой «под пажа», белым печальным лицом и густыми, загнутыми вверх угольно-черными ресницами поприветствовала меня приветливой и чуточку надмирной улыбкой.

Умом я понимал, что моей Мисс-86 должно быть уже под шестьдесят. Но на вид больше сорока дать ей было никак невозможно!

Я не мог взять в толк, что оказалось для ее молодости более важным — то, что она, как и я, побывала в аномальной «воронке», или то, что она, судя по всему, женщина небедная, а значит, весь ассортимент современной индустрии красоты — ну я не знаю там, ботоксы, пластические операции, живительные уколы и прочие «спа» и «пилинги» (что бы эти слова ни значили) — он весь на службе у ее прекрасного лица.

В ту секунду я мысленно решил называть ее про себя по-прежнему Лидочкой.

— Комбат... это... вы? — смиряя удивление, проговорила Лидочка, заправляя за ушко локон.

— Это невероятно, но факт, Лидия Станиславовна! — Я галантно склонил голову.

— Ну... заходите, ежели пришли!

Через хорошо отремонтированную прихожую — на полу бразильский орех, твердое дерево впечатляющей цены, стены обиты белой пробкой — мы прошли на кухню. И она предложила мне место в плетеном ротанговом кресле.

Я затребовал кофе. С коньяком.

Пока Лидочка Ротова варила его, стоя ко мне спиной, я имел возможность беззастенчиво прийти к выводу, что фигура у Лидочки хуже не стала — та же осиная талия, те же точеные ножки, та же грудь, приятновысокая... Интересно, у нее есть дети?

Вначале я хотел спросить ее об этом — ну, для затравки разговора.

Но потом одернул себя. Для нас, чернобыльских (а я ее тоже причислял к «нам»), это слишком щекотливый вопрос. Еще начнет тут рыдать...

Чтобы я не скучал, пока она собирает на стол, Лидочка протянула мне пульт телевизора, висевшего на стене. Я нажал на красную бусину включения.

На канале «Ретро» одутловатый немолодой певец с гитарой затянул: «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...»

— Ах! Антонов! Вот уже тридцать лет обожаю его! — всплеснула руками Лидочка.

И наша совместная прогулка по аномальным Касьяновым топам вновь встала передо мной как наяву.

— Вы извините, что я такая нервная, Володя. Завтра Тата приехать должна... Я уже две недели готовлюсь. Даже гардины новые купила и обои переклеила...

Тата у меня в Ростове-на-Дону живет. В аспирантуру только что поступила. Физику плазмы изучает... Сообразительная — страсть. Не чета мне, если по совести.

— Тата — ваша дочка?

— Да. Она очень похожа на меня, — ответила Лида, протягивая мне фотографию в деревянной рамке. — На ту меня, которую вы... знали. Там, в Зоне.

Я посмотрел на фотографию. Изящная брюнетка с длинными каштановыми волосами — Лидочкина дочь — и впрямь была улучшенной, подновленной копией матери, которую аккуратно сработала щедрая природа. Те же тонкие запястья, тот же очаровательный носик, те же четко очерченные линии бровей.

Мне даже стало непонятно, что там делал отец девочки. Казалось, Тата появилась от Лидочки посредством черенкования. Набравшись наглости, я спросил:

— Вы были замужем?

— Я и сейчас замужем! — На правой руке Лидочки блеснуло обручальное кольцо.

Лидочка сделала жест рукой, который я интерпретировал как «погодите же, сейчас расскажу».

Разлила кофе в две чашки. Поставила бутылку с коньяком.

Втиснула между нами блюдо, разделенное на сектора, в каждом из которых лежала какая-нибудь одна соблазнительная вкуснятина — фисташки, сухарики, чищенные семечки.

Я благодарно кивнул. Откинулся на спинку кресла и... Лидочка зачирикала.

— Я познакомилась с Анатолием Китайченковым на следующий день после того, как мы с ребятами вернулись из лесу, с той роковой вылазки... Надо ли говорить, что у меня было такое чувство, будто я сошла с ума? Пока мы ехали домой, меня колотило. Я обещала себе пойти к психиатру прямо утром. Ребята поили меня спиртом и успокаивали. Но какой там спирт, Владимир?! Что мог сделать спирт? В общем, когда мы вернулись в город, я поняла, что к психиатру попаду еще не скоро... И хотя масштабов катастрофы тогда еще никто не понимал, все только говорили, мол, на Четвертом энергоблоке ЧП, один человек погиб и еще один умер от ожогов, все же что-то чувствовалось такое, роковое...

Помню, отец позвонил домой, а он на ЧАЭС работал, и на мамин вопрос, какая радиация, сказал, что не знает, какая радиация. А откуда бы ему знать было, когда на всей АЭС имелось только два прибора для измерения радиации свыше тысячи рентген в час, причем один из них под завалами остался?! А на следующий день, это было двадцать седьмое апреля, начали эвакуировать нашу Припять. — Лидочка вздохнула так, что у меня, у меня, черствого бессердечного сталкера, едва сердце не разорвалось. — Мы благодаря папе были более-менее готовы... А вот другие, которые ориентировались только на официальные сообщения и которые вообще были не в курсе, что произошло... Так вот наши соседи — они в пижамах эвакуировались. Вещи брать собой не разрешали. В чем эвакуаторы застали — в том и вывозили.

Ну я загодя свои джинсы козырные надела... И кофточку венгерскую с надписью «Футбол»... Правда, их все равно потом отобрали и сожгли... Так вот про мужа.

Очень мы хотели с родителями собаку нашу забрать, овчарку-призерку, ее Альмой звали. У нее еще трое щенков было — Чиж, Ласточка и Фердинанд. До сих пор помню, как их зовут, представляете?! Потешные такие зверята были, славные... Мы уже даже насчет новых хозяев договорились, Альма их последние дни докармливала. Мы даже авансы взяли! Недаром же породистых наших отдавать... А эвакуаторы — ни в какую.

Не положено, говорят, зверей брать. Категорически.

Папа, конечно, пробовал скандалить. Пробовал даже звонить кому-то из обкома партии! Мама плакала. Так мы и стояли перед автобусом эвакуационным — рядом Альма и трое ее щенков. Смешно теперь вспоминать.

Столько наших соседей после этого болело лучевой, а я собаку какую-то жалею...

— Да я понимаю вас, сам их всегда жалею... Их почему-то жалче иногда, чем людей. Кажется, что люди-то сами виноваты в том, до чего дошли... А собаки ведь не виноваты...

— Может и поэтому, — скорбно согласилась Мисс-86. — Так вот стоим мы перед автобусом. Альма скулит, да так жалобно, кутята пищат... Тут подходит ко мне человек в бежевом плаще. И протягивает коробочку какую-то. Наподобие спичечного коробка, только поменьше. Я его тогда плохо рассмотрела вообще — у меня глаза от слез красные были, казалось, что все это не важно, только судьба собачки нашей важна... Я этого человека спрашиваю: «Что это?». А он шепотом так, на ухо говорит: «Это яд!». Я спрашиваю отшатываясь: «Зачем мне яд?». Он говорит: «Чтобы собачку отравить. И щенков». Я как взвилась: «Зачем ее травить? Мы же через три дня вернемся?». А он посмотрел на меня так сочувственно-намекаяюще, мол, «не вернетесь, даже и не мечтайте», пожал плечами и ушел.

— Это и был ваш будущий муж?

— Да, это и был Анатолий. Яд я, конечно, тогда не взяла у него. И Альму с кутятами не отравила. Хотя в принципе Анатолий оказался прав — всех животных, оставленных хозяевами, потом ликвидаторы перебили... Ну, кроме тех, которым убежать удалось... Надеюсь, моя Альма всё же убежала, — Лидочка улыбнулась печальной улыбкой.

«Убежала, дожила до Второй Катастрофы, в ходе которой мутировала и стала родоначальницей особо опасной ветви породы слепых припять-псов... Которых ты тоже увидела бы, если бы эти псы не обходили Касьяновы топи десятой дорогой», — цинично подумал я, но, конечно, промолчал.

— Анатолий меня потом нашел, уже в Киеве, где мы у тетки жили. Говорил, что влюбился в меня с первого взгляда. Начал ухаживать. Очень долго меня добивался, потому что я идти за него не хотела... Он на десять лет старше был. А мне тогда только сверстники нравились... Он был специалистом по физической химии. — Лидочка передала мне еще одну фотографию.

Я приблизил карточку к лицу. С нее на меня глядело костистое бледное лицо интеллигента восьмидесятых с редкими, зачесанными набок волосенками, высоким лбом и цепкими глазами, космически сияющими из-под бесцветных бровей.

— Вам интересно про Анатолия? — справилась вежливая Лидочка.

Я кивнул. Про Анатолия мне было, конечно, интересно. Хотя и не так интересно, как про детали ее возвращения в 1986 год из нашего времени. Но я понимал: — Лидочка неисправимая болтушка. И пока она не наболтается всласть, я не смогу выведать у нее ничего ценного.

— Так вот Анатолий... Когда мы познакомились, он был без пяти минут доктором наук в свои тридцать с небольшим. Это было очень солидно тогда! Это означало, что перед вами — настоящий гений. Многие его коллеги утверждали, что это так и есть... Тогда кого попало в Академию Наук не брали... В общем, когда шарихнуло на ЧАЭС, Анатолия записали в правительственную комиссию, которая расследовала причины аварии. И еще эта комиссия придумывала, чем там можно помочь... На месте катастрофы мой Толя появился одним из первых... Говорят, именно благодаря его решениям дальнейших взрывов удалось избежать... Это по его отчетам Политбюро принимало решения... Он был даже в составе советской делегации, которая рассказывала миру о катастрофе на специальной встрече МАГАТЭ... Он выступал там с

докладом... Помню, за этот доклад ему премию заплатили, как за сверхурочные.

Шестьсот двадцать пять рублей! Так он мне на них путевку в Крым купил. В санаторий «Мисхор»... А из Вены сервиз чайный привез, фарфоровый, с ручной росписью — дамы, кавалеры, цветочки... До сих пор его храню, три чашки уцелели и четыре блюдца...

Я улыбнулся. В умудренной светской львице Лидии Станиславовне я вновь со всей пронзительной ясностью узнал наивную лаборантку Ротову, что вкушала свой безмятежный бутерброд в сердце Касьяновых топей.

Тем временем Лидочка вновь построжела и продолжила:

— Анатолий был настоящим рыцарем науки. Мне даже иногда казалось, что его в жизни интересуют только две вещи: я и физика. «Моя новая тематика — это вы и математика», — как сказал поэт... Но физика, к сожалению, была главнее, чем я. Из-за этого обстоятельства мой любимый провел в Зоне и ее ближайших окрестностях пять месяцев. Вместо предельно допустимых двух-трех недель. Это не могло не сказаться на его здоровье.

Мы, конечно, лечились... С курорта на курорт... Благо деньги у нас были... Толик получил кафедру в Институте атомной энергии имени Курчатова... Затем мы переехали сюда, в Обнинск, где Толик стал директором института... Но здоровья было уже не вернуть... Когда нашей Тате исполнилось семь лет, Анатолий... скончался.

Я опустил глаза. Подсознательно я был готов к такому финалу. Пять месяцев в Зоне? С тогдашними средствами защиты? С приборами образца 1986-го года? Это он еще долго протянул, ее супруг. Здоровье небось изначально богатырское было.

— Но в душе, в моей душе Анатолий... в общем, он жив. Я разговариваю с ним, — с какой-то странной стеснительностью в голосе сказала Лидочка. — Не верите?

— Почему, верю. Я во все верю — с некоторых пор...

Я же сталкер.

Так мы перешли с тем бытовых на темы... так сказать, небытовые. И крайне необычные.

То есть занялись тем, ради чего я, ваш побитый жизнью Комбат, и купил приличный пиджак, розовый галстук и коричневые туфли.

— Скажите, Лидочка, — начал я, прихлебывая коньяк, — а как вы себя чувствовали после того как... вернулись с Касьяновых топей в свое время?

— Отвратительно! Начать с того, что я начала падать в обмороки... Вот пойду, скажем, на кухню, чай заварить. И на полдороге в коридоре растянусь. Хорошо еще, если кто-то дома... А если никого нет? Встаешь, не понимая, какой день на дворе... и вообще что творится.

«Ого! Так, значит, это и меня ждет? Как писали в старых романах, «во благовремение»? И это хорошо еще, если я буду падать в обморок по пути на кухню. А если проходя через какую-нибудь Темную Долину?»

— А ещё?

— Вы серьезно спрашиваете или для вежливости?

— Серьезно, конечно.

— Еще я начала видеть странные сны... Как бы сны наяву.

— Вещие?

— Ну, вроде того. Но не в том смысле вещие, в каком вши снятся к деньгам...

— ...Или огурчик и два помидорчика — к приятному свиданию, — продолжил я, но тут же осекся.

Лидочка-то женщина старосветская. Не чета нашим «попочкам» из «Лейки», которые считают песни группы «Поющие трусы» эталоном духовности и светлой грусти!

— Ну, что-то вроде того, — лукаво улыбнулась Лидочка. — Мои сны — они про реальные места и события были. В которых я ну никак принимать участие не могла... Про будущее.

— Что-то вроде парапсихологических способностей открылось, да?

— Профессор Вассерфаль предпочитал называть такие вещи «альтернативной системой ориентирования», — сказала Лидочка.

— Ориентирования? Ориентирования в пространстве?

— Ну да, в пространстве. И вообще — в жизни.

Повисла пауза. Каждый из нас думал о своем. Я лично припоминал, что мне снилось в последние недели.

— А кто такой этот профессор Вассерфаль? — спросил я, подумав о том, что если это не слишком сложно, то, возможно, поговорить с ним было бы полезно. — Он русский? Или иностранец?

— Демьян Теодорович Вассерфаль, сын немецкого военнопленного — понятное дело, обрусевшего — и русской пианистки... Он ученый... Замдиректора Института специальных проблем псионики и психологии. Все эти годы меня курировал он... Если бы вы знали, какой это компетентный и кристально чистый человек! — Лидочка закатила глаза, как мне показалось, экстатически.

— Хм... Познакомите?

— Когда Демьян Теодорович начинал рассуждать о сути «внекосмической пустоты», которая, согласно Демокриту, разделяет разные вселенные, я переставала бояться и начинала понимать, что в мироздании все логично и целесообразно.

Я вдруг отдал себе отчет в том, что в разговоре с Лидочкой чудовищно напрягаюсь. Примерно так же, как напрягался когда-то в универе на сдаче экзамена по матанализу.

«Плохой признак, — подумал я. — В этой самой Зоне сам не замечаешь, как потихоньку превращаешься в хищное и достаточно тупое животное, чей, так сказать, «кругозор» ограничен хабаром, выживанием и размножением (а точнее, механической симуляцией его начальной стадии)...». С Лидочкой же приходилось подбирать слова. С Лидочкой приходилось делать интеллигентное лицо... А в баре «Лейка»? Кому там нужны «интеллигентные лица»? Вышибалам Хуареса? Или отмычкам Корвалолола, упыханным вдрабадан?

— Демьян Теодорович умер год назад... — Лидочка вздохнула и залпом опрокинула свой бокал.

В ее глазах заблестели слезы. На миг ее лицо приобрело усталое и растерянное выражение, и я вдруг сразу же поверил, что ей столько лет, сколько должно быть написано в ее паспорте.

— Вы были с ним дружны?

— О да! Лишь благодаря ему я не окончила свои дни в психиатрической лечебнице.

— Вот как? Это все из-за обмороков? — Я продолжал деликатно нажимать.

— Не только... Ведь вы же за этим приехали, да?

Я едва заметно кивнул.

— После того как я побывала в этой, как вы ее называете, «воронке», я вдруг приобрела способность делать некоторые странные вещи... — Глаза Лидочки лихорадочно заблестели.

— Например, какие?

— Ну, иногда у меня получалось разговаривать с животными. Иногда я могла видеть будущее. Или прошлое... Это очень странные вещи. Мне даже говорить об этом неловко...

Я понимающе кивнул. Потому что я сам с некоторых пор научился делать все эти и некоторые другие «странные вещи». Собственно, именно поэтому я и решил приехать в Обнинск. Хотя мне было муторно и лениво. Я вон к родителям по два года выбраться не могу...

— А ваш муж, Анатолий, — он как к этому относился?

— Жалел меня... Это он меня с Демьяном Теодоровичем познакомил... Думал, тот вылечит...

— Ну и как, вылечил?

— Нет. Зато объяснил, что болезни никакой нет! А есть — псифизический эффект! За что я невероятно ему благодарна.

Я невольно улыбнулся. Этот сюжет подозрительно напоминал мне анекдот про человека, страдавшего ночным недержанием мочи, который обратился к психиатру и месяц ходил на лечение. А когда друг несчастного, знавший о проблеме, спросил, как продвигается терапия, тот ответил: «Отлично продвигается! Как писал в кровать, так и писаю. Но теперь мне все это по фигу!». Оно, конечно, было бы совсем смешно. Если бы только я сам не был теперь таким...

гхм... «человеком с псифизическими эффектами!» Поэтому я слушал Мисс-86 очень внимательно.

— Но что-то же он делал, этот ваш... Теодорович?

— Конечно, делал! Начать с того, что он сделал мне шлем. — Лидочка посмотрела на меня со значением. — Муж называл его «шапка». Этот шлем блокировал повышенную психическую активность в те периоды, когда по каким-то причинам она казалась мне самой нежелательной. Грубо говоря, когда у меня начинались сны и видения наяву, я могла надеть шлем, и все прекращалось...

«Ценная штука. Незаменяемая даже!» — с завистью подумал я. Меня мои персональные «видения», к слову крайне нечастые, начинали потихонечку напрягать.

— А вы сможете показать мне... этот шлем? Может, я и себе такой... сошью?

— Сейчас... Сейчас!

С этими словами Лидочка скрылась в своей спальне. Протяжно скрипнула дверца платяного шкафа. Зашаркали по паркету тапочки без задников.

Возвратившись, Лидочка протянула мне изобретение профессора Вассерфалья. Оно подозрительно напоминало головной убор, который напялил на меня покойный Лодочник, когда мы вместе с ним совершали противозаконное проникновение на территорию Зоны на его моторной стелс-лодке.

— Вот...

Я внимательно рассмотрел шлем. Снаружи он был войлочным, неброским. Зато его испод поблескивал, поскольку был обшит чем-то похожим на кристаллы кварца черного цвета.

Я почти сразу опознал этот чудо-минерал. «Молоко ночи» — вот как он назывался. Когда-то его в достатке поставляли окрестности ЧАЭС. Но лет семь назад он пропал. Совсем.

— А что... этот ваш профессор — он бывал в Зоне?

— Бывал! И притом неоднократно!

Я не мог отвести зачарованного взгляда от шапки профессора Вассерфалья. От шлема. Будто магнит, он притягивал мои мысли. И я все думал, думал... Я молчал, наверное, минут десять.

— Я вижу, вам нравится эта штука. И я вам ее подарю! — сказала Лидочка.

— ?...

— Да-да, подарю!

— Такие дорогие подарки, дорогая Лидия Станиславовна, надо дарить на трезвую голову! — Я взглядом указал на бутылку коньяка, которую мы тем временем опустошили практически наполовину.

— Да за кого вы меня принимаете, Володя! — расхохоталась своим уже знакомым мне хрустальным смехом Мисс-86. — Неужели вы думаете, что я могу опьянеть от полбутылки коньяка?

— Ничуть не думаю... И все же... — я покраснел.

Я часто краснею, когда вру.

— В общем, отставить препирательства, как говорил мой Толенька. Я дарю вам шапку! И точка! — Лидочка сверкнула хмельными глазами.

— Даже не знаю, чем я заслужил... — я потупился. — В конце концов, она дорогая...

Да-да, в переложении на составляющие ее артефакты эта вещь имела цену. И немалую. «Молоко ночи» как-никак!

— Может, я заплачу? У меня вообще-то есть деньги, и довольно много! — проблеял я.

— Никаких заплачу, Владимир! Мне был вещий сон. Надо сделать так. И я сделаю! В конце концов, если бы не вы, если бы я не встретила вас тогда, на Касьяновых топях, я бы, возможно, никогда и не вернулась назад, к своим... Я — ваша должница!

Я утомленно кивнул. Сон так сон. Должница так должница. Собственно, с первых минут знакомства с Лидочкой мне было ясно, что девушка она своеобразная. И что переубедить ее так же сложно, как взойти на Эверест без кислородных баллонов.

Но главное, я давно знал — мы с ней держимся за одну и ту же невидимую ниточку. И идем вдоль нее по одному и тому же зловещему лабиринту.

Что будет там, в конце лабиринта, — я не знал.

Лидочка — тоже.

Мы попрощались очень тепло. Я оставил ей свой адрес и телефон. Чтобы, значит, держать связь. И еще раз поблагодарил за подарок, который хотелось именовать старинным словом «дар».

Нутром я чувствовал: настанет день, когда мне этот шлем, который шапка, очень даже пригодится.

Глава 8 Белый дом на белых песках

Save us front fate, save us from hate,
Save ourselves before it's too late.
Come to our need, hear our plea,
Save ourselves before the earth bleeds.

Blitzkrieg, Metallica

Иногда спрашиваешь себя: а не ну ее, эту Зону?

Но нет. Без Зоны человеку, хоть раз видевавшему ее, хоть раз вдыхавшему ее воздух, никак нельзя.

За то Зону и любит, что бы он там ни трындел, наш брат-сталкер, что она обыденное — и этой своею обыденностью опостылевшее вкрай — сделала фантастическим, наполнила новыми красками и смыслами.

Обсаженную тополями дорогу, каких сотни и тысячи в одной только Киевской области, она превратила в Аллею Висельников.

Свиней — в смертоносные псевдоплоти.

Куриц — в не менее смертоносных псевдогигантов.

Но одну из самых невероятных метаморфоз пережил безымянный коровник, располагавшийся чуть в сторонке от той самой местной дороги, что стала Аллеей Висельников.

Коровник этот превратился в Белый Замок.

Говорят еще «Белый Дом». Но тогда может показаться, что намекают на сходство с российской резиденцией правительства или с американской резиденцией президента. Но ни первая аналогия, ни вторая не подходят. Потому что не похоже совсем.

— Это что? — спросил Тигрёнок, еле шевеля языком.

— Это Белый Замок.

— Как такое вообще могло?...

— Никто не знает.

Что-то невероятное, совершенно непостижимое случилось в том месте с пространством, с самыми фундаментальными свойствами его, во время Второй Катастрофы.

Коровник и примыкающую к нему встык силосную башню для начала сплющило с боков и вытянуло вверх.

Из-за этого их кряжистые, предельно прозаические формы приобрели готическую возвышенность и заостренность.

Затем материя, из которой состояли коровник и силосная башня, полностью и бесследно исчезла. В смысле: все материалы — кирпич, доски, балки, шифер, кровельная жесь — будто бы провалились в параллельное измерение.

Но прежде чем исчезнуть, коровник с силосной башней послужили как бы формой для отливки.

В них «отлился» тот самый белый песок, которым засыпан весь уровень Дюны. И не просто отлился, но и затвердел, запекся, стал однородной, несокрушимой массой.

Это надо видеть, клянусь удачей! Благоприобретенные готические формы были полностью безупречны, без швов и трещин, сплошь из окаменевшего белого песка.

— Но почему так? — не унимался Тигрёнок. — Это кто-то специально строил?

— Да нет же, само получилось. Обычный коровник. Обычная силосная башня.

— А что это за машина странная? Может, все-таки это она строила?

«Машина странная» была второй достопримечательностью Дюн.

Сбоку от Белого Замка, наполовину утонув в дюне, давненько уже скучал монструозный восьмиосный тягач МАЗ-79221 — подобные возят на себе тезок моего закадычного друга, стратегические ядерные ракеты «Тополь».

— Нет, Тигрёнок, — ответил я. — Этот МАЗ ничего не строил. Потому что перед тобой самоходная микроволновая пушка.

Да, это был хитрый МАЗ.

Во-первых, он имел на себе внушительное дополнительное бронирование. Во-вторых, у него на спине торчали огромные прямоугольные «уши».

Я бы сказал, что эти «уши» — какой-то радар. Но мой Костя, который в таких вещах получше разбирается, в свое время объяснил мне, что это МКВП — микроволновая пушка.

МКВП — страшная дрянь. Ее лучи, имеющие длину волны порядка нескольких миллиметров, проникают в тело человека, не считаясь ни с какой одеждой. То же относится и к любой другой цели: монстру, мутанту, матрикату. Из-за воздействия этих лучей непосредственно на отдельно взятые молекулы начинают закипать вода и кровь в подкожном слое человека (или любой другой цели).

Разумеется, это вызывает вспышку острой боли.

А кожный покров разогревается до пятидесяти градусов Цельсия. Что, между прочим, уже превышает болевой порог обычного человека.

Дальнейшее зависит от мощности импульса микроволновой пушки. Если импульс не очень мощный, тогда человек (или другая цель), испытывая непереносимую боль, все-таки сохраняет сознание. И может со всех ног улепетывать из зоны действия МКВП.

Если же микроволновая пушка достаточно мощная и работает она на поражение, то — ой-ой-ой...

Судя по размерам «ушей» МКВ-излучателей, установленных на МАЗе, эта пушка была очень мощной и могла испепелить любого монстра на расстоянии в пару сотен метров.

Кто и зачем загнал этого бронированного богатыря сюда, в Дюны, и как это вообще удалось, я не знал.

Знал другое: МАЗ этот — очень плохая вещь.

Трое ребят из клана «Долг» когда-то залезли внутрь этой огромной машины. Залезли обычным способом, через двери кабины.

Полазили по машине, вылезли, чего-то даже там нашли интересное... Пару каких-то артефактов, что ли...

Потом двое из них залезли снова — захотелось им еще пробраться в отсек отдыха экипажа...

И всё. Спустя минуту они бесследно исчезли.

Их товарищ, который осматривал с ними внутренности бронетягача в первый раз, составил достаточно подробный отчет о случившемся и сбросил его мессагой в штаб-квартиру «Долга». Вторая его мессага гласила:

«Иду спасать ребят. Прощайте, если что».

Интуиция его не подвела: он исчез, растворился где-то в таинственном безмолвии бронетягача.

Стоит ли говорить, что с тех пор желающих изучать огромную железную коробку в Дюнах больше не находилось?

И МАЗ, и Белый Замок — несмотря на все свои зловещие особенности — меня совершенно не интересовали и особо не пугали, потому что были хорошо известными мне

достопримечательностями этого уровня.

А вот змеистый, пышущий жаром и мощными потоками ионизирующего излучения разлом был чем-то новеньким.

Разлом пролегал как раз посередине между Белым Замком и МАЗом.

В одной из его излучин блесло черным зеркалом мелкое озерцо.

Если где-то и ожидал нас с Тигрёнком наш «подсолнух», то именно на дне этого безобидного на вид водоема.

Что такое «подсолнух», спросите вы? Неужели он настолько ценен, что ради него имеет смысл тащиться в глухомань вроде Дюн, не страшась химер и прочих матрикатов? И ради него действительно стоит шариться по озерцам, образуемым разломами, где фонит так, что 4-й энергоблок ЧАЭС кажется в сравнении с ним средиземноморским курортом?

О да, «подсолнух» — ценная штука.

За него платят бешеные бабки все известные мне барыги зона-индустрии.

Говорят, что для этого артефакта найдены десятки различных применений в авиакосмической и военной промышленности. Ну а мы, сталкеры, ценим «подсолнух» за то, что в пределах Зоны он обладает свойством отклонять вражеские пули. Если, конечно, он свеженький и как следует заряжен.

Я помню те золотые времена, когда «подсолнухи» родились в Зоне как грибы. И каждый уважающий себя сталкер не снимая пояса такую штуку. Но потом «подсолнухов» стало меньше, а жадности у сталкеров больше...

В общем, почти все из нас, включая меня, со временем начали загонять свои «подсолнухи» денежным дядям. А в плане вражеских пуль рассчитывать на Бога, бронезилет и великую русскую тройку «авось», «небось» и «как-нибудь»...

Внешне «подсолнух» выглядел не сказать чтобы пафосно.

Он представлял собой нечто обтекаемое, гладкое, внешне напоминающее двояковыпуклую линзу. Линзу размером с две составленные вместе мужские ладони и сделанную из вещества, напоминающего мутное стекло.

Однако в отличие от любого стекла субстанция «подсолнуха» проявляла удивительную вариативность коэффициента преломления в зависимости от условий.

Например, в воде «подсолнух», как самое обычное нетонированное стекло, становился практически невидим. (В этой связи мне, когда речь заходит о «подсолнухах», сразу вспоминаются бриллианты чистой воды, которые, как известно, потому и «чистой воды», что в чистой воде совершенно не видны.) Но, что удивительно, в лучах направленного голубого или фиолетового света «подсолнух» не только менял коэффициент преломления, но и проявлял диковинную внутреннюю структуру.

Центральная зона «подсолнуха» темнела до полностью непроглядного черного цвета. А периферия, напротив, разгоралась желтыми лепестками невиданной интерференционной картины. В итоге все это вместе действительно напоминало цветок подсолнечника, заплавленный в стеклянную линзу...

— Ну и где тут этот «подсолнух»? — спросил Тигрёнок. Лицо у него было несчастным и очень усталым.

— Да вот в этой грёбаной луже. — Я указал на озерцо, образовавшееся рядом с разломом.

— А в луже вода?

— Условная вода. Скажем так, непитьевая.

— То есть мы сейчас будем там шарить и искать «подсолнух»... правильно?

— Неправильно, — отвечал я. — Если ты будешь там шарить, то за пять минут схватишь лучевую четвертой степени...

— Так что же делать?

— Не шарить надо. А брать наверняка. Это тебе не раков из-под коряги таскать.

— А как мы узнаем наверняка, где лежит «подсолнух»?

— Вот для этого нас двое здесь и есть. «Подсолнух» вдвоем добывают. Один фонарь

держит, другой за «подсолнухом» лезет. А чтобы никому не обидно было, кто что делает, определяется жеребьевкой...

— А зачем фонарь?

— Надо, чтобы у «подсолнуха» под воздействием светового луча определенного цвета лепестки загорелись. Потому что, пока они не загорятся, ты его попросту не увидишь.

— Так что, жребий будем тянуть? А потом светить фонарем в озеро?

— Светить по-любому придется ночью.

— Ночью? — Тигрёнок не сумел скрыть свой крайний испуг, хотя, по-видимому, и старался.

— Ну да. Днем слишком яркий естественный свет. Он мешает голубому лучу инициировать «подсолнух»...

— А где мы будем дожидаться ночи? Вот в этом вашем Белом Замке?

— С чего бы это?! — Я недоуменно вскинул бровь. — Запомни, родной, без крайней надобности в Зоне сталкер под крышу помещения не лезет. Ладно еще Выброс переждать... Или там артефакт добыть... Но просто так — ни за что!

— Тогда где?

— Да вон между теми двумя валунами вроде сносная площадочка есть... Там можно на спиртовке обед себе сообразить...

— И кофе... — мечтательно произнес Тигрёнок.

— И кофе, — кивнул я. — Надо только проверить, не контактная ли пара — эти два валуна...

Следующие три часа мы провели в необычайном комфорте и спокойствии, так мало ассоциирующимися у нашего брата с Зоной.

Между валунами (нет, не контактная пара, слава Богу) я поставил спиртовку, на которой подогрел банку тушенки «Китайская стена» и поджарил полбатона белого хлеба. Баночку «Завтрака туриста» и остатки колбасы «Любительской» тоже, пожалуй, стоит упомянуть.

Хотя я лично к колбасе и не притронулся, все отдал Тигрёнку.

Когда мы поели и заправились кофейком, я решил пустить в дело мою коньячную фляжку. Я прикинул, что до ночи еще довольно много времени и алкоголь, тем более в таких детских дозах, вполне успеет выветриться.

От коньяка на меня накатила проникновенная мечтательность. Я вдруг подумал, как было бы здорово, когда Тополь наконец-то вернется, закатиться с ним в боулинг на всю ночь... и чтобы идти потом домой под обсыпанным звездами небом, таким близким, и орать что-нибудь неистовое... Типа «По полю танки грохотаа-али...».

Я поплотнее завернулся в свою куртку, прислонился спиной к валуну и закрыл глаза.

А вот Тигрёнок — тот раскраснелся и растрепался.

Непривычный к алкоголю, он стал необычайно откровенен и болтлив.

Болтал он по преимуществу про свою девушку Алёну — ту самую, которая в коме лежала.

— ...Ведь как несправедливо все получилось! Как несправедливо, Владимир Сергеич! Она на велосипеде ехала, из детдома, где работала волонтером. Она у меня на преподавательницу английского учится. И в свободное от учебы время ходит детдомовским преподает, детям с дефектами развития... Курс у нее такой... «Веселый английский» называется... Она им там сказки разыгрывает при помощи домашнего кукольного театра...

Английские сказки, конечно... А они отзывчивые такие, эти дети... Алёна мне фотографии показывала — мордашки грустные, но сообразительные все равно! Так вот она занятие закончила, на велосипед села и домой поехала. Было еще светло. Часов шесть. И на парковке возле супермаркета ее машина сбила. «Бээмвэ»! За рулем сидел какой-то мутный хрен, прокурор области — Ровенской, что ли... Она кубарем с велосипеда полетела и о столбик парковочный головой ударилась...

— Небось переломов много, да? — спросил я не столько потому, что был охоч до всяких катастроф и их последствий, сколько для поддержания беседы.

— Переломов — ни одного. Единственная ссадина на голове плюс шишка. Даже синяков — и то на теле не было. Но когда «скорая» приехала, Алёнка моя уже без сознания лежала... И в таком вот бессознательном состоянии с тех пор и находится. Целых два месяца. Мы, конечно, все к ней ходим — и я, и одноклассники ее, и дети эти, которых она английскому учит. Мы с ней разговариваем, тормошим ее. Но она лежит без движения.

Как спящая красавица из сказки. Непонятно только, где тот принц, который ее оживит, — грустно подытожил Тигрёнок.

— Как это — где?! — неподдельно возмутился я. — Ты! Ты и есть тот принц, который заставит спящую красавицу проснуться!

Тигрёнок посмотрел на меня испытующе своими умными серыми глазами.

— Вы правда так думаете, Владимир Сергеевич? — спросил он совершенно серьезно.

— Да.

— Не врете?

— К чему мне?

— Уверены?

— Спрашиваешь!

На самом деле я, конечно, ни в чем уверен не был.

Тем более в том, что девушку можно вывести из комы при помощи каких-то артефактов из Зоны.

Чтобы в этом быть уверенным, нужно темой интересоваться. Что-то узнавать, информацию собирать...

Но не мог же я сказать это пацану, которому всего-навсего нужна была надежда? Тем более неуместны были такие сомнения в Зоне!

В Зоне вообще надо быть прямым и твердым, как рельса. И ни в коем случае не сомневаться в глобальном хеппи-энде. Такое тут у нас, извините, комильфо.

Когда сгустились сумерки, мы наконец-то приступили к тому, за чем пришли.

Никакой жребий мы, конечно, не тянули. Потому что защитный костюм класса «А» у нас был только один. И это был мой костюм.

Поэтому Тигрёнок получил в руки мой большой полевой фонарь «Гелиос Люкс» (на который я предварительно накрутил светофильтр) и был назначен «сканирующим», как называем эту роль мы, радиоактивное мясо.

А я сам стал «ловцом».

Для этого мне пришлось войти в горячее пятно, обрамляющее лужу возле разлома. И внимательно наблюдать за перемещениями по дну светового пятна от фонарика в руках Тигрёнка.

Ну а Тигрёнок, стало быть, аккуратно и неторопливо водил фонариком, воздев руки высоко над головой, чтобы обеспечить как можно меньшее отклонение луча от нормали (которое, увы, и так было очень внушительным).

— Давай-ка чуть левее... Нет! Назад! Чуть левее я сказал... У меня интуиция... — командовал я. — Нет, это чересчур... Так можно его проворонить... Да что у тебя, руки, что ли, трясутся?! Или ты специально ими трясеешь, мамкина норка?!!

Так мы и работали, экзаменуя лужу метр за метром.

Несмотря на то, что всматривание в темную толщу радиоактивной жидкости полностью поглощало мое внимание, я все же находил в себе силы изредка отрываться от подсолнухоискательства и окидывать окрестности Белого Замка, а также гребни дюн цепкими опасливыми взглядами.

Один раз мне показалось, что в окнах Белого Замка мелькнул некий неясный силуэт. Но датчик движения ПДА был безмолвен.

Когда на дне лужи засиял неземным цветом волшебный цветок, предмет наших поисков, я был потен, изможден и... счастлив!

— Нашел, Тигрёнок! Всё в порядке! — крикнул я. — Так и держи, пока я не скажу.

До «подсолнуха» было десять шагов. Но это были не самые легкие шаги в моей жизни.

Начать с того, что лужа была заполнена камнями, точнее — маленькими вулканическими «бомбами» из спекшейся глины, которые охотно выплевывают разломы в процессе своей эволюции.

Как ни называй их, камни эти были чудовищно скользкими. Два раза я едва не упал на спину. А один раз чувствительно подвернул ногу, которая угодила в узкую расщелину между двумя особо крупными вулканическими «бомбами».

Интенсивность излучения росла от краев к центру лужи, достигая тысячи рентген в час.

Это тоже не прибавляло оптимизма. Защитные ресурсы моего костюма были отнюдь не безграничны.

— Ну как там? — звонко спросил Тигрёнок, которого, видать, удивлял тот факт, что все происходит так медленно.

— Погоди... Сейчас...

Я уж было примерился к тому, чтобы наклониться и поднять «подсолнух» со дна, когда луч фонаря вдруг метнулся вправо-вверх и раздался громкий вскрик Тигрёнка. Не то «ой!», не то «ай!», не то «аой!».

— Что там, итить твою двести? — поинтересовался я нарочито спокойным голосом.

— Тут кто-то камнями кидается! — прогундосил мой спасеньш.

У меня возникло сразу несколько версий относительно услышанного. И любая из версий заставила бы менее опытного сталкера, чем я, затрястись крупной дрожью от адреналиновой лихорадки.

Но один из главнейших законов Зоны гласит: конец — всему делу венец. Иными словами, сначала добудь артефакт, а потом уже дознания устраивай. И трясись в адреналиновой лихорадке, если хочешь.

— Отставить панику, — скомандовал я. — Посвети фонарем на меня, а потом на дно, как и раньше. Это ясно?

— Да ясно... ясно...

Во второй уже раз я сфокусировался на «подсолнухе», ответившем притягательными переливами лучу света от фонарика «Гелиос Люкс».

Я осторожно наклонился и наконец-то взял артефакт в руки, прижимая мокрое, неистово фونهاщее сокровище к груди. Как вдруг рядом со мной в воду плюхнулся изрядной величины камень!

Я чертыхнулся и едва не выронил скользкий «подсолнух».

Тигрёнок испугался еще пуще!

— Что происходит?! Владимир?! Владимир!.. Сергеич!.. — истерично заорал он.

Со всей возможной в подобной ситуации ловкостью я поспешил спрятать «подсолнух» в свой контейнер для артефактов.

Затем, чувствуя закипающую ярость, сорвал с плеча «Калашников» и, включив укрепленный на планке Пикатини тактический фонарик, взрезал им темноту в направлении нашей дневки.

Как я и ожидал, обоих валунов там уже не было.

Зато над белым песком стелилось призрачное изумрудно-зеленое сияние.

— Это полтергейст, Тигрёнок! Полтергейст! — крикнул я. — В переводе с нерусского — «буйство духов»!

В фильмах герой постарше обязательно добавил бы «Не бойся!». Но я добавлять не стал.

Потому что причин бояться полтергейста было очень много. Начать хоть с того, что в отличие от зомби, псевдогигантов и даже химер эту напасть не брали ни пули, ни огнеметы, ни гранаты. Оставалось лишь надеяться, что конкретно этот полтергейст окажется вялым и нецелеустремленным...

— Что я должен делать? — спросил Тигрёнок.

— Замри на месте и читай «Отче наш», — посоветовал я.

В следующий миг произошло событие, возможность которого я целый день продержал в

самом дальнем чулане своего ума, а потом позабыл о ней так надежно, что, когда событие все-таки случилось, я едва не заорал от ужаса.

Зажглись «огни святого Эльма»!

Они вспыхнули на гребнях ближайших дюн мертвенно-голубыми кострами.

Множество тонких молний беззвучной зыбью заструились вниз, по белым склонам.

Если бы кто-то из нас в этот миг находился вблизи гребня любой дюны, этому кому-то сильно не поздоровилось бы. Могучие электрические разряды, накатывая один за одним, не оставили бы несчастному ни одного шанса выжить. И никакой экзоскелет тут не помог бы!

В сравнении с электрами на других уровнях Зоны здешние электрические аномалии были самыми матерыми.

— Не дрейфь, Тигрёнок. До нас они скорее всего не докатятся, — ободрил я своего спасеныша. И, поскольку счетчик Гейгера истерично трещал, обещая мне скорое свидание с врачом-радиологом, я вышел из ступора и пошкандыбал наконец прочь из черного озерца.

На этом напасти не кончились.

Потому что полтергейсты наконец-то вошли во вкус ночного безобразия.

— Да что это такое?! — вновь взвился Тигрёнок.

— Что на сей раз?

— Кажется, опять началось...

Он не успел завершить фразу, как я и сам понял, что именно началось.

Теперь камни летели в нас не по одному, а настоящим градом.

Причем это были не те сравнительно безобидные обломки кирпичей и комья глины, которые попадались кое-где у подножия дюн. А оплавленные патологическими энергиями разлома, гладкие и страшно радиоактивные катыши со дна озерца!

Полтергейсты доставали их со дна при помощи телекинеза — а телекинезом эти твари владели в совершенстве — и метили ими в наши бранные тушки. А также, что было особенно неприятно, в наши бранные бошки.

Пожалуй, сцене очень недоставало зловещего уханья и демонического хохота. Которые, если бы мы находились внутри фильма ужасов, непременно изливались бы буквально отовсюду да еще и отдавались бы гулким, нефизичным эхом — даром что дюны, сыпучие субстанции, хорошее звукопоглощение...

В реальности же камни летели в полной тишине.

И вот это было по-настоящему жутко!

— Может, убежим? Давайте убежим, Владимир Сергеевич! — взмолился Тигрёнок, доведенный бомбардировкой до иступления.

— Ты ночью здесь побегаешь... До первой жарки...

— Но что-то же надо делать!

— Отступаем к МАЗу. А там видно будет, — приказал я и подал своему подопечному пример прыткости — моему возрасту уже, увы, несвойственной.

Я промолчал о том, что проклятый МАЗ был, в сущности, последним местом, где мне хотелось бы дожидаться рассвета. Но цепочка полтергейстов, фланирующих вдоль разлома с одной стороны, и гирлянды «огней святого Эльма», смертельным водопадом струящихся с другой стороны, не склоняли к привередливости.

— Так что, спрячемся в кабине? — проявил догадливость наивный Тигрёнок.

— Ни в коем случае! И даже не прикасайся к ее двери! Падай за колесом!

Тяжело дыша, мы оба лежали под брюхом могучей советской машины, без усталости бомбардируемой полтергейстами. Броня отзывалась ударам вулканических «бомб» низкими, короткими, но очень сочными звуками: «бэм», «бэммм», «бымм».

Обломки некоторых «бомб» падали достаточно близко от правого переднего колеса МАЗа. Радиационный фон в той точке, где мы с Тигрёнком находились, от этого неуклонно рос.

Дела наши были так плохи, что впору было запевать что-нибудь ободряюще-предсмертное, вроде «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг!»».

Спасения ждать было неоткуда.

До рассвета оставалось шесть долгих часов.

Да и, кстати, непонятно было, с какого бодуна здешние полтергейсты должны бояться рассвета...

Из недр гигантской бронированной коробки МАЗа вдруг начали доноситься подозрительные шелчки и потрескивания. Я не сразу выделил их на фоне ударов вулканических «бомб» как нечто, имеющее самостоятельную природу.

Но когда запахло горелой изоляцией и раскаленной канифолью, окончательно стало ясно, что внутри машины что-то происходит.

«Неужели чертов МАЗ еще и загорелся? — подумал я со злым сарказмом. — Или там проснулась еще парочка полтергейстов? Парочка, хе-хе, влюбленных полтергейстов, прячущихся там от строгих родителей...». Гипотезу насчет пожара следовало незамедлительно проверить, чтобы не стать жертвами внезапной детонации наполовину опустошенных баков с дизтопливом.

Я высунул голову со стороны левого, обращенного к дюне, борта МАЗа. — Ё-хан Палыч... — досадливо прищелкнув языком, протянул я.

— Что там? — робко спросил Тигренок.

— Песец на холодец во всей красе. Зона, похоже, живет с нашим МАЗом собственной половой жизнью...

И в самом деле!

Электры святого Эльма спустились гораздо ниже, чем я прежде в наивности своей надеялся.

Словно бы гигантский голубой язык протянулся от гребня дюны к корме МАЗа. С кончика этого языка раз в секунду срывался тонкий и прямой как спица разряд, впивающийся в основание решетчатой лафетной конструкции, увенчанной «ушами» микроволновой пушки.

Вдруг, опережая все мои самые смелые ожидания, могучий поток энергии сорвался с дюны и обрушился на МАЗ, затопив его ярким ослепительным сиянием.

Волосы на моей голове встали дыбом.

МАЗ над нами ожил.

Зажужжали сервоприводы.

Заныли вентиляторы систем охлаждения.

Запищали на пределе слышимости магнетроны.

Включились фары. И даже радио в кабине поймало какую-то далекую ретро волну.

Из полей доносится печаль,
И с души уходит прочь тревога,
Впереди у жизни то-о-олько даль,
Полная надежд людских дорога...

От всего этого смертельный холодок побежал у меня по хребту. Мне сразу же вспомнились сталкерские байки о ветхих грузовиках, десятилетиями газующих на одном месте. И знаменитое припятское колесо обозрения, катающее жизнерадостных мертвецов. А также сталкерские приметы о старых советских песнях в Зоне, которые вдруг нет-нет, да и зазвучат из брошенных квартир, обещая услышавшему кое-что похуже дальней дороги и казенного дома.

Я был уверен, что Тигренок только что обмочился от страха.

Однако не тут-то было!

— Видали, Владимир Сергеич? Машина-то сама завелась! — неуместно радостным голосом заметил мой спасеныш.

— Угу... Завелась... И сейчас поедет в Заозерье, мутантов поджаривать, по зову сердца...

Любопытно, но в основном я оказался прав.

МАЗ, конечно, никуда не поехал. Однако с премерзким скрежетом его микроволновая пушка продолжила прерванное невесть столько лет назад боевое сканирование местности.

Мощные потоки микроволнового излучения беззвучно и безвидно помчались сквозь ночь.

Целей для пушки имелось немного. Но тем, которые все-таки имелись, не поздоровилось.

Я услышал характерный визг заживо поджариваемой псевдоплоти...

Вот вскрикнул и тут же заткнулся навеки snork...

Да и все. Дюны в ту ночь были довольно пустынными.

Конечно, самый интересный вопрос был — как отреагируют на мощное излучение полтергейсты.

В первые минуты мне даже показалось, что никак — камни барабанили по МАЗу с той же интенсивностью, что и раньше.

Но потом вдруг все стихло. Так же внезапно, как и началось.

Похоже, при очередном проходе луча пушки в районе линии разлома микроволны все-таки смогли причинить полтергейстам заметные неудобства. То ли несовместимые с жизнью, то ли попросту несовместимые с продолжением банкета.

Впрочем, нельзя было исключить, что полтергейстам, кем бы или чем бы они ни были, все это просто надоело.

Глава 9 В колхозе «Хиросима»

We are the champions —
We are the champions
No time for losers
'Cause we are the champions — of the world!

We Are The Champions, Queen

Вы не поверите, но там, под брюхом МАЗа, нам с Тигрёнком даже удалось задремать.

Мы проспали часа три, а когда проснулись, над Зоной уже занимался рассвет...

Вообще-то, когда я говорю «мы проснулись», я имею в виду, что я проснулся первым и растолкал Тигрёнка. Не будь меня, никакие полтергейсты не заставили бы его проснуться раньше полудня.

— Где я? — растерянно спросил Тигрёнок, когда я потормошил его за плечо.

— На планете Дюна, — гнусно усмехнулся я. — У нас на планете все ходят на животах. В смысле ползают... А небо у нас из железа, и довольно ржавого.

В целях демонстрации сего космогонического факта я постучал по корродированному днищу МАЗа костяшками пальцев.

Спустя несколько секунд на бледном лице Тигрёнка наконец появилось что-то вроде улыбки. Дошло, значит, до жирафа.

— А где у вас тут на планете Дюна туалет? — робко поинтересовался он.

— Для тебя — везде! — ответил я.

Пока Тигрёнок возился со своим рюкзаком и охорашивался, я исполнял роль доброй мамочки — грел на спиртовке чай, разводил суповой концентрат, ломал на кусочки плитку черного шоколада. Хотя вид у меня был бывалый и равнодушный, от голода меня просто мучило. Эти вчерашние полтергейсты вымотали меня физически почище химеры. Кто бы мог подумать!

Ну и конечно, спать на голой земле — удовольствие ниже среднего. Так и воспаление почек можно подхватить. Будешь потом под себя кровью ходить, антибиотики горстями глотать и втирать тетенькам про платоническую любовь...

Я решил, что надо бы лекарств хапнуть для профилактики.

— Эй, Тигрёнок, почки не болят? — спросил я озабоченно, потрясая коробочкой с новейшим иммуномодулятором, который я совсем недавно купил у Любомира, счастливо женатого на заведующей сельской аптекой.

— Ничего у меня не болит, — с каким-то странноватым сожалением сказал Тигрёнок. — И

я готов идти за «ножницами»!

— Куда-куда идти? — переспросил я с презрительной гримасой.

— За «ножницами». За кварцевыми. Я же вам вчера говорил.

— Что ты мне говорил?

— Ну как же?! Что «ножницы» должны лежать на уровне, который вы, сталкеры, называете «Хиросима».

Колхоз «Хиросима».

— Это когда ты мне такое говорил? — Я искренне удивился.

Маразматиком, забывающим важные вещи, я никогда не был. Неужто становлюсь?

— Когда вы меня коньяком поили, после того как из этой... петли вытащили... Мёбиуса!

— И ты мне тогда сказал, что знаешь, где «кварцевые ножницы»?

Тигрёнок кивнул.

— Э-хе-хе... Ну допустим. Допустим, сказал. И откуда такая информация у тебя, насчет «Хиросимы»?

— Сам добыл!

— Обманным путем?

— Ну... — Щеки Тигрёнка покраснели. — Действительно обманным... А как вы догадались?

— Да тут догадываться нечего, родной. Вот я такой опытный, тертый калач. Я за информацию про «кварцевые ножницы» и прочие артефакты такой ценности информаторам отстегиваю процент, и немалый. Поэтому информаторы — они таким, как я, первыми информацию про ценные артефакты сливают. Чтобы, значит, с гарантией свои денежки получить. А таким, как ты, они информацию сливать не спешат. Потому что не доверяют. Да такие, как ты, и не знают обычно, к кому обращаться. Из этого я и делаю вывод, что если ты, салажонок, знаешь про «кварцевые ножницы», то перед нами либо случайность, либо результат удавшегося обмана. Возможно — кражи.

— Мне стыдно это говорить, Владимир Сергеич, — произнес Тигрёнок, не поднимая глаз, — но я действительно сжульничал... У меня старший брат есть, Станиславом зовут. Он старшим научным сотрудником работает в Институте проблем современной физики. В группе профессора Риммера. Его задача — анализировать потоки данных от системы спутников георазведки «Арктогея».

— Я и не слышал о такой, — честно признался я.

— Она новая совсем. Заработала в начале этого года. Стас обычно домой работу не берет... Его за это мама ругает... А тут он вдруг ветрянкой заболел. Ему доктор сказал, что выходить на улицу нельзя. Что он, мол, заразный и все такое... В общем, он взял домой флэшку со свежими спутниковыми снимками. Две ночи напролет работал, а потом написал впопыхах предварительный отчет для профессора Риммера. У них там научное заседание какое-то собиралось, он боялся не успеть.

Вот и попросил он меня отнести в институт свою докладную записку.

— Можно я дальше угадаю? — не сдержался я.

— Можно.

— Ты взял и скоммуниздил доклад брательника.

— Примерно так... Я в маршрутку сел и поехал в институт. А на проспекте Победы оказалась та-акая пробка! Сорок минут я в той пробке стоял. И поскольку делать нечего было, достал из папки отчет, начал читать. А там — подробная схема колхоза «Хиросима», аномалии всякие нанесены... И среди этих аномалий заштриховано пятно... А дальше — заключения брата. В указанной зоне, дескать, с вероятностью девяносто два процента следует ожидать рождения парного бимодального пенетратора второго рода, также известного как «кварцевые ножницы»...

— И ты поверил?

— Конечно! Да там обоснований на две страницы всяких! Дескать, по обратным теням на спутниковых фотографиях видно расположение шестерки аномалий типа «изнанка»...

Тигрёнок вещал вдохновенно, закатив глаза к небу.

Чувствовалось, что он зазубрил все это наизусть.

— ...Что создает все необходимые предпосылки для формирования в окрестностях центра тяжести гексагена, образованного аномалиями «изнанка», ансамбля сотовых каверн с последующим натеканием псевдокварцевого конденсата, ведущего к кристаллизации парного бимодального пенетратора...

— А брат-то у тебя не дурак, я смотрю. Небось зарплату большую получает, — сказал я, чтобы как-то отвлечься от лихорадочного галопы своих алчных мыслей.

— Да какую там большую! — махнул рукой Тигренок. — Мать говорит, менеджер в «Макдоналдсе» больше получает, чем наш Стас. Жениться вон пятый год не может! Говорит, денег на свадьбу нет! Так и ходят с Ленкой по кинотеатрам, за ручки держатся...

Я понимающе вздохнул. Трудно быть рыцарем науки. Особенно в столице, где все только про презренный металл и думают.

Все было почти гладко с этими «ножницами». Но одна мысль не давала мне покоя. И я решил ее озвучить.

— Тут вот что, Тигренок... Брат-то твой молодец. Энтузиаст и все такое... Но ведь профессор этот... как его...

— Риммер! — подсказал Тигренок.

— Да-да, Риммер. Так вот он уже наверняка ту аналитическую записку, которую твой брат выдал, продал налево, нашему брату-сталкеру... Или какому-то из тех научных центров, которые тут, у нас в Зоне, окопались.

По крайней мере я на его месте так и сделал бы.

— Да нет, не продал он! Точно не продал!

— Откуда данные?

— А откуда, что я отчет этот до профессора Риммера не довез! Зажал его. Украл, попросту говоря.

— Так ведь есть еще электронная почта... Твой брат мог отчет профессору по мылу послать!

— Не мог. Запрещено это. У них секретность и все такое...

— Вон оно что... Секретность у них, понимаешь ли...

— Ну так что, вы мне поможете? — В голосе Тигрэнка звучала искренняя мольба.

— Уговорил. Помогу. Все равно к Периметру нам на восток выгребать, — с напускным равнодушием сказал я. — Так что «Хиросима» нам, считай, по пути.

На самом деле мне было страсть как интересно посмотреть, что же это за «кварцевые ножницы» такие. Но я подумал, что Тигрэнку про мой ажиотаж знать совершенно ни к чему. Мой авторитет бывалого, всё-насвете-видевшего сталкера должен быть незыблем!

Спустя несколько часов мы с Тигрэнком обнаружили незнакомый труп. То есть это для меня он был «незнакомый», а вот Тигренок его, похоже, знал.

— Это Шланг, — уверенно сказал он, глядя в лицо покойнику.

— Откуда данные?

— А можно я не буду отвечать?

— Не пойдет.

Тигренок тяжело вздохнул.

— Я с ним сюда пришел.

— Что же ты раньше мне голову морочил?

— Ну я Шлангу поклялся самым дорогим, что тайну буду хранить. Он сам этой клятвы требовал.

— Да он же тебя в ленте Мёбиуса живого бросил! Помирать страшной смертью! А ты тайны его какие-то хранишь.

— Уговор есть уговор... — Тигренок пожал плечами.

— Ты мне белогвардейцев из фильмов напоминаешь. Те тоже благородные были, пока страну не профукали...

В глазах Тигрёнка я не встретил понимания. По-моему, он понятия не имел, кто такие эти белогвардейцы.

Я закрыл глаза Шланга и подумал: «В кои-то веки порок в лице Шланга наказан, да еще и так оперативно. Бросил пацана — погибни сам. Если бы в Зоне так было всегда, плохие люди здесь вывелись бы за месяц...».

Колхоз «Хиросима» в девичестве прозывался «Знамя коммунизма», о чем до Первой Катастрофы свидетельствовал большой жестяной щит, установленный у своротка на колхоз со стороны дороги Припять — Овруч.

Этот щит стоял там и до сих пор... Но только никакого «знамени» и никакого «коммунизма» разобрать на нем было уже нельзя.

Вместо этого на щите краснел зловещий силуэт, напоминающий классический ядерный гриб.

То ли поэтому, то ли из-за высочайшей степени радиоактивного заражения во время Второй Катастрофы этот уровень и назвали «Хиросимой», в честь того самого многострадального японского города, стертого с лица земли атомной бомбой демократической американской военщины 6 августа 1945 года.

Припоминаю, что тогда, в августе 1945-го, американская военщина распистонила еще один город — Нагасаки. Но у нас в Зоне никакого «Нагасаки» пока нет. Видать, по недостатку эрудиции у тех, от кого это зависит...

Колхоз отличался от прочих мертвых населенных пунктов Зоны. Во-первых, сравнительно хорошей сохранностью матчасти и жилфонда. А во-вторых, относительно малым количеством шатающихся по его окрестностям мутантов.

Но было отличие и в худшую сторону. А именно: здесь было полно разнообразных архивредных ловушек, в которые превратились многие сооружения и элементы ландшафта.

Феноменально высокий уровень радиации, который продержался в «Хиросиме» на протяжении пятнадцати лет, привел к множественным нарушениям молекулярной структуры многих материалов.

Стекло здесь было чудовищно хрупким. Хватало одного прикосновения, чтобы витрина сельпо рухнула вниз отточенной гильотиной, отрубая вам руку (я не преувеличиваю, мой старый приятель, сталкер Карась, действительно лишился кисти!).

Целые ряды кирпичей в стенах превращались в своего рода губки — по-прежнему сравнительно твердые, но при этом очень ломкие. Зайдешь в какой-нибудь с виду крепкий сарайчик, чтобы там переждать Выброс, а этот сарайчик тебя с удовольствием под собой и похоронит (вспомнили любимую застольную байку Сидоровича? Так она про «Хиросиму»!).

Но больше всего, конечно, там было «волчьих ям».

Идешь себе по местному бродвею, на совесть заасфальтированному к Апрельскому пленуму ЦК КПСС 1985 года, любишься красотами родного края — прелестной маленькой жаркой, бодренькой мясорубкой, могучим богатырем-гравиконцентратом, — песенку мурлычешь насчет «охотников за хабаром» и «слизи цвета ультрамарин», как вдруг... хрясь!.. и — оп-па!.. обнаруживаешь себя в трехметровой яме, заполненной невесомой пылью.

Вот поэтому в колхозе «Хиросима» перемещаться по улицам с твердым покрытием было категорически противопоказано. А за их пределами следовало выбирать участки, заросшие наиболее густой травой. Угадали почему?

Да потому, что густая, высокая трава имеет глубокую корневую систему. Каковая система, естественно, находится в нормальной земле, а не в рассыпчатом, рыхлом мертвом шлаке, сформированном из некогда нормальной почвы воздействием быстрых нейтронов.

А густую траву, напомню, ваш Комбат, увы, не любит, справедливо опасаясь аномальной фауны...

Короче, куда ни кинь — всюду клин.

Битых три часа мы сталкерили от границы уровня до силосной ямы, обозначенной на схеме,

которую Тигрёнок потибрил у своего ученого брата Стасика, как наиболее вероятное местонахождение «кварцевых ножниц».

Наша силосная яма являла собой простейшего представителя своего вида.

Это был бассейн глубиной метров пять со стороны метров семь.

Стены и дно бассейна некогда были забетонированы.

А сам он, разумеется, наполнен разными типами силоса.

Но поскольку Первая Катастрофа произошла в конце апреля, к тому времени почти весь силос колхозная скотина успела за зиму выесть. Ну а нового силоса наделать не успели, потому что весна. А потом грянула эвакуация...

Остатки силоса, естественно, сохлись в малоаппетитную корку, которая сейчас уже даже и не воняла.

Одна из стенок силосной ямы со всей очевидностью подверглась усиленной бомбардировке нашими любимыми быстрыми нейтронами и, так сказать, переродилась. Об этом свидетельствовал мумифицированный труп припять-кабана, придавленный огромным обломком пористого бетона.

Но отнюдь не этот труп привлек мое внимание, когда я, вдоволь набросавшись болтиков, все-таки отважился заглянуть внутрь ямы.

Стена, противоположная той, у которой раскорячилась мумия кабана, тоже обнаруживала все признаки физической ненормальности. Больше всего она была похожа на пещерный город Чуфут-Кале, куда любят возить лоховатых крымских туристов.

Нижняя половина стены была густо изъедена, так сказать, пещерками, которые жались одна к другой безо всякого порядка. Однако в отличие от пещер Чуфут-Кале все эти отверстия были закрыты на вид тонкими, но совершенно непрозрачными пленками. Этим аномальная структура походила на пчелиные соты, где в каждой ячейке лежит личинка, а сама ячейка надежно запечатана восковой крышечкой...

— Вот! Вот! Посмотрите! Это те самые каверны, существование которых предугадано отчетом Стасика!

— Ну и в которой из них выросли «кварцевые ножницы»? Там не предугадано?

— Нет, придется искать методом перебора. Вскрыть каждую ячейку. Посмотреть.

— Посмотреть? — взвился я. — А ты хотя бы приблизительно представляешь себе, что может прятаться в любой из этих ячеек? Ты думаешь, они все набиты ценным хабаром, перевязанным ленточками с надписью «Тигрёнок, возьми меня домой!». Ты так думаешь?

— Ну... Мнэ-э...

— Как я и думал, ты никак не думаешь.

Тигрёнок кивнул — потому что был честный.

Как часто бывает с опытными сталкерами в Зоне, следующее действие я проделал чисто на автомате.

Переставив переключатель режимов огня в положение «одиночный», я прицелился в перепонку, которая закрывала крупнейшую из ячеек, и выстрелил. К счастью, перепонка оказалась совершенно не эластичной и по своей структуре напоминала местное хрупкое стекло.

От попадания пули почти вся она осыпалась, открывая нашим взором пустоту.

Однако я не собирался останавливаться.

И уже третья по величине ячейка, вскрытая мною подобным образом, сверкнула... о, я никогда ни с чем не спутаю это чарующее сияние... сверкнула кварцем!

Не тем, обычным, который встречается за пределами Зоны. Но тем, что водится только здесь, по эту сторону Периметра. Аномальным кварцем, который похож на бриллиант значительно больше, чем хотелось бы экспертам по фальшивым драгоценностям.

В обыденном смысле «кварцевые ножницы» на ножницы похожи совсем не были. В своем естественном, первозданном виде они представляли собой пару сверкающих вертикальных образований — так сказать, сталактит и сталагмит. Они — сталактит и сталагмит — были остриями нацелены друг на дружку.

Каждый из них имел длину примерно полметра.

И уж конечно, не были эти сверкающие лезвия соединены гвоздиком, как думают некоторые идиоты...

— Это оно? В смысле они, «ножницы»? — дрожащим от волнения голосом спросил Тигрёнок.

— Без вариантов.

От этих слов я сразу перешел к делу.

Перво-наперво я достал веревку. Ту самую, которую мы использовали вчера для преодоления свинцового колеса при помощи тарзанки.

Я нашел в нескольких шагах от края силосной ямы металлическую петлю, образованную гнутой арматуриной, выходящей из бетонной плиты. Вот уж воистину вездесущий элемент русского пейзажа — хоть в Зоне, хоть за ее пределами!

Я споро привязал веревку к петле и бросил ее смотанный клубком конец вниз, в яму.

По этой веревке я собирался спуститься вниз и проделать самое элементарное действие, какое только можно себе представить: отломать обе половины сверкающих «ножниц» от ячейки, к которой они приросли.

Даже не глядя на веревку, я взял ее в руки, дернул за нее, чтобы удостовериться, что держится она как следует.

И тут... веревка порвалась! В смысле, лопнула.

Я с изумлением воззрился на витой нейлонный линь, выдерживающий вес до 1800 килограммов.

Как *это* в принципе могло порваться?

Увы, одного взгляда на место разрыва мне было достаточно, чтобы получить ответ.

Проклятый жгучий пух! Это был он! А точнее, его споры!

Но когда? Когда его споры успели внедриться в веревку? Разве были контакты с потенциально зараженными поверхностями? Ведь я купил веревку меньше недели назад! Она новенькая совсем, чистенькая, прямо из магазина!

Но тут я вспомнил наши вчерашние с Тигрёнком подвиги.

Вспомнил свинцовое колесо. И тарзанку, которую устроил Тигрёнок по моей указке для прыжка через колесо.

Вспомнил и смачно выругался. Что еще я мог сделать?

Итак, имеем: «ножницы» одна штука, Комбат одна штука, яма одна штука, веревка — восемь коротких обрывков (да-да, я изорвал ее в лапшу, надеясь отыскать хотя бы один достаточно длинный незараженный спорами участок).

— Ну что, отец, пойдем по колхозу в поисках лестницы. — Мне хотелось ободрить моего спасеньша. — В крайнем случае притащим со двора машинно-тракторной станции сегмент поливальной трубы. Они там длинные...

Говоря так, я, конечно, врал. И Тигрёнку, и самому себе.

Поднять подходящий кусок трубы мы вряд ли смогли бы. Да и использовать тоже, потому что он, этот кусок, либо проржавел насквозь, либо проеден ржавыми волосами, что, в сущности, с функциональной точки зрения дает совершенно одинаковые результаты...

Однако Тигрёнок совсем не выглядел расстроенным.

Скорее даже наоборот! В глазах моего спасеньша плясали задорные чертики!

— Да не надо никуда идти! У меня все есть! — воскликнул он.

— И что у тебя есть? Неужели пиво? — поинтересовался я с надеждой.

Вместо ответа Тигрёнок достал из своего рюкзака некий предмет, туго завернутый в упаковочный целлофан с воздушными пупырышками и явно занимавший львиную долю всего полезного объема этого отнюдь не самого внушительного рюкзака.

— Это бомба? — полюбопытствовал я.

— Бомба там тоже есть... Но это не главное! — Тигрёнок упивался моим замешательством.

Под упаковочной пленкой обнаружилась пенопластовая коробка. А внутри пенопластовой коробки — набор диковинных узлов и агрегатов.

Из всего набора привычный для меня вид имели только четыре колеса каждое размером с кулак.

Тифенок сел на корточки, разложил перед собой свое богатство и, не обращая на меня никакого внимания, начал быстро составлять детали друг с дружкой. Соединялись они исключительно на пазах и защелках, без единого винта, так что процесс напомнил мне сборку автомата Калашникова после каждодневной чистки...

Видно было, что Тигрёнок проделывал эту операцию не раз. И вероятно, мог бы повторить ее с завязанными глазами — точно так же, как я с автоматом Калашникова.

— Это робот! — доперло до меня, когда на земле перед Тигрёнком оформилась четырехколесная тележка с парой торчащих вертикально коленчатых манипуляторов.

— Верно. И его предназначение в том, — сияя, объявил Тигрёнок, — чтобы достать из ячейки «кварцевые ножницы». Он делает это при помощи своих лап! — Тигрёнок взвесил на ладони клешню одного из манипуляторов.

— Постой. — Я был ошарашен. — Но ты же говоришь, что узнал про «ножницы» совсем недавно... Когда же ты успел спроектировать и построить робота?!

— Да я же его не специально для этого строил! Я его на международный конкурс имени братьев Черепановых собирал... Конкурс в Нижнем Тагиле проводился в прошлом году...

— И что, занял что-нибудь? Какое-нибудь место призовое? — зачем-то спросил я.

— Да куда мне... — скромно вздохнул Тигрёнок. — Вы бы видели, с какими девайсами туда ребята приезжали! Я со своим роботом-официантом, собранным из китайских деталей, смотрелся там непреставительно...

— Не стоит переживать из-за ерунды. Подумаешь, какой-то конкурс. Очередная псюномерка!

— Да я и не переживаю. Все равно я им горжусь, — сказал Тигрёнок, прикручивая видеокамеры к кистям робота, которые служили ему заодно и головами. — Я этой машинке даже имя дал.

— И какое?

— Тентакль.

— Че-го?

— Тентакль... Ну было такое существо в «Хафлайфе». У него тоже три клешни так вот вверх торчали, как у моего робота.

— А-а, в «Хафлайфе»... В игре, что ли, компьютерной? — с трудом догадался я.

— Ну да, в игре. Где ж еще.

— Эх, племя младое, незнакомое, — изрек я с многомудрой и чуточку скорбной родительской наставительностью. — Я в ваши годы уже реальных монстров десятками косил из «стечкина»... А вы! Все компьютер да компьютер...

— Готово, Владимир Сергеевич! — прервал мои lamentации Тигрёнок.

Как бы в подтверждение слов хозяина робот Тентакль сделал манипуляторами синхронное хватательное движение. Цап-царап. И еще раз цап-царап!

— Левее, левее принимай! Ты что, не видишь? — Я пихал Тигрёнка в бок, а он при помощи пульта дистанционного управления рулил своим Тентаклем.

— Левее нельзя! — отвечал Тигрёнок. — Там на дне подозрительное пятно. Боюсь, как бы он не провалился...

— Будешь каждого пятна бояться, никогда к этой дырке не подъедешь! — Я выступал в несвойственном себе амплу «скорее-быстрее».

— Тише едешь — дальше будешь! — крыл мою карту козырями народной мудрости Тигрёнок.

После нескольких минут мучений Тигрёнку все-таки удалось подогнать робота в аккурат к каверне, где лежали «ножницы».

Нам несказанно повезло: длины манипуляторов достало, чтобы дотянуться как до нижней, так и до верхней половинок «ножниц».

Правда, силенок отломать верхний — «сталактический» — кусок «ножниц» роботу не хватило.

Он смешно жужжал, скрипел, рыл колесами ссохшуюся силосную подстилку... Но — тщетно.

— Боюсь, сейчас аккумуляторы закончатся... — сказал помрачневший Тигрёнок.

— ...И тогда нам придется связать наши куртки и штаны в некое подобие веревки и начать увлекательное путешествие в мир промышленного альпинизма без страховки...

— Примерно так, — согласился Тигрёнок, с тяжелым вздохом выключая Тентакль. — Надо немного подумать...

— Да чего тут думать?! Трясти надо!

— Трясти? — Анекдота про сержанта милиции мой спасеныш, конечно, не ведал и цитату из него не опознал.

— В смысле стрелять, — раздраженно буркнул я и выстрелил.

Две пули метко вошли в основание сталактического отростка и тем самым отделили его от материнского субстрата.

«Дзын-нь!» — пропел на хрустальной ноте клинок-половинка «кварцевых ножниц».

— Вот это да! — восхитился Тигрёнок.

— То-то же. Включай этого своего... пентакля! Я, правда, все равно не понимаю, как он вывезет «ножницы» наверх. Но буду надеяться на твою изобретательскую интуицию.

С непроницаемым видом Тигрёнок кивнул и принялся шуровать маленькими джойстиком на пульте управления.

Тентакль послушно подобрал и поместил обе половины «кварцевых ножниц» в примитивный контейнер-корзину из нескольких колец, нанизанных на два штыря.

Корзина размещалась по центру колесной платформы.

Затем Тигрёнок завел Тентакль в дальний угол силосной ямы.

Вдруг щелчком он откинул пластмассовую заглушку на пульте, под которой обнаружилась... красная кнопка размером чуть ли не со спичечный коробок. Она, казалось, прилетела в наш мир прямехонько из кинокомедий про Доктора Зло и его карманный ядрен батон.

Тигрёнок решительно надавил на кнопку и... Тентакль взорвался!

По крайней мере его металлическая колесная тележка окуталось густыми клубами дыма.

— Эй, ты чего?! — Я вытаращил глаза на своего спасеныша.

— А чего? — недоуменно переспросил тот.

В следующую секунду контейнер с «ножницами» — отстрелившийся от Тентакля при помощи достаточно мощного пиропатрона — приземлился по ту сторону силосной ямы.

Позабыв об осторожности, мы с Тигрёнком бросились к месту приземления.

Мое сердце громко бухало от радости. Пожалуй, такого восторга я не испытывал с того самого дня, как мы с Тополем добыли редчайшую «звезду Полян». Нету, друзья мои, для бывалого сталкера большей радости, чем заполучить знаменитый, оваянный легендами артефакт.

«Ножницы». Неужели?! Тополь мне не поверит!

Он-то, старый черт, небось уверен, что никаких «кварцевых ножниц» в Зоне уже не бывает... А может, никогда и не было... Что это какое-то преданье старины глубокой, времен Димы Шухова и Стервятника...

А вот ни фига не преданье! А очень даже явь!

Но моя радость не шла ни в какое сравнение с ликованием Тигрёнка.

Он обнял эти два куска псевдокварца. Прижал их к груди. Да так и застыл на коленях перед силосной ямой, как библейский пророк с гравюры Густава Доре...

О чем он думал? Я, конечно, не знал. Но догадывался. Наверное, об Алёне, с которой они поедут на Селигер, как когда-то друг другу пообещали... А может, о том, как они назовут своих детей, которых, конечно, будет двое. Смешные они, эти влюбленные...

Я не смел его трогать. Я повернулся к нему спиной, вынул из рюкзака флягу с водой и сделал три жадных глотка.

Глава 10 Демосталкеры

Fuck 'em and their law
Crack down at sundown
Fuck 'em and their law.

Their Law, Prodigy

— А что такое силос, Владимир Сергеич? — спросил меня Тигрёнок, когда мы отошли от силосной ямы метров на пятьсот. — Топливо?

— Топливо? — Я не сразу понял, о чем он.

— Ну вроде угля или торфа... да?

Я не смог сдержать гомерического хохота. Меня просто пополам перегибало. Я, конечно, подозревал, что городские школьники — это особый биологический вид. Но чтобы настолько...

— Силос, родной, это такой корм для скотины.

— Корм? Но из чего? Из зерна?

— Нет. Не из зерна. На то она и скотина, чтобы зерно на нее было переводить жалко. Силос — это такое говнище зеленое, вонючее, как туалет в кожвендиспансере. И мерзкое на ощупь, как брюхо псевдоплоти...

— Но этот силос — он из травы, да?

— Да из чего попало. Из ботвы свекольной, измельченных сорняков, капустных листьев, опять же травы...

Потом туда еще сыплют соль, чтоб оно не гнило уже совсем, а как бы образовывало такую новую биомассу, полезную для скотского здоровья.

— Супер... — очарованно откликнулся Тигрёнок.

— Вот именно что супер.

Тем временем мы приближались к центру колхоза «Хиросима».

По всему было видно, что некогда колхоз процветал, был «миллионером», как тогда говорили.

Впереди, слева от нас, сразу за облупившейся бензоколонкой, чванилось белыми колоннами по-своему величественное здание с надписью «Клуб».

Напротив клуба имел место железный павильон, именовавшийся «Кафе «Алёнушка»».

Перед ним стоял павильон-близнец с сохранившимися буквами «Продук...», а за ним была разбита клумба и маячил выкрашенный бронзовой краской памятник советскому воину — плащ-палатка, автомат ППШ, каска со звездой, взгляд сквозь века.

— А неплохо тогда в сельской местности жили... Не то, что сейчас, — грустно заметил Тигрёнок, озирая все это никому не нужное теперь великолепие.

— Зато сейчас на Марс летают, — невпопад заметил я.

— Так то ж китайцы, а не мы, — парировал Тигрёнок.

Вообще он был неглупый, мой спасеныш. И даже шутил иногда в тему.

Поэтому когда прямо перед Тигрёнком в землю впились несколько хищных пуль, я струхнул не на шутку. Это же как обидно, должно быть, погибнуть, когда ты вопреки всему здравому смыслу уже нашел то, что спасет от неминуемого распада души твою любимую девушку!

— Ложись! — заорал я Тигрёнку и, имея богатый опыт в таких вещах, рванул спасеныша за рукав, роняя его носом в пыль.

Главное — определить, откуда стреляют. Без этого невозможно принимать никаких решений.

В нашем случае, к счастью, это оказалось легко.

Нападающие били достаточно неосторожно из темных провалов окон колхозного клуба, и я сразу же засек контрастные вспышки порохового пламени, которые демаскировали их позицию.

Лежать вот так, считай, посреди центральной улицы «Хиросимы», было, мягко говоря, неразумно.

Поэтому я мгновенно прикинул, куда следует драпать.

Я бы с большим удовольствием рванул налево, в лабиринт ржавых конструкций бензоколонки. Но там, если верить моему датчику аномалий, слишком уж кудряво колосились аномалии. В общем, классический вариант «из огня да в полымя». Поэтому пришлось выбрать менее удобный, но зато свободный от аномалий продмаг по правую руку от нас.

Дождавшись паузы между очередями, я за шиворот втянул Тигрѐнка в мрачный сарай магазина, воняющий ржавым железом, прогорклым маслом и дохлятиной.

— Что они от нас хотят? — спросил Тигрѐнок, когда мы оказались в относительной безопасности.

— Хороший вопрос! — осклабился я. — Еще хорошо бы знать, кто — «они».

Собственно, от ответа на последний вопрос коренным образом зависели наши дальнейшие действия. Поэтому, не тратя ни секунды, я отбил мессагу Синоптику: «Дай всех радиус 200 метров сельский клуб колхоз «Хиросима».

К счастью, Синоптик ответил быстро. И даже не заикнулся про тройной тариф. Чем укрепил меня в изначально имевшемся подозрении, что тройной тариф он намерен драть только за информашки, в которых фигурируют бойцы клана КПП, «каперы».

«Аноним А-019 и некто Комбат, если ты такого знаешь».

Далее следовал не очень характерный для мессаг Синоптика смайлик.

«Выпимши», — догадался я.

Хорошо некоторым! На часах три десять пополудни, а они уже выпимши. И не в Зоне, а на своей хате, в удобном кресле, с чашечкой теплого куриного бульона, где плавает половинка перепелиного яйца...

Однако из сообщения Синоптика следовало, что возле нас никого постороннего нет.

Но как это нет, если по нам садят из четырех стволов одновременно?!

Вот это антиномии чистого разума, гребаный экибастуз!

Конечно, можно было бы снять этот парадокс, если предположить, что Синоптик попросту ошибся. Или, скажем деликатно, искажает картину. А именно врет.

Но и первое, и второе было совершенно исключено.

Значит, мне требовалось включить свои мозги на полную мощность и попытаться решить этот траханый ребус.

Кто это у нас такой умный, что умеет стрелять, но при этом не является сталкером, мародером, туристом, военным, ученым и вообще человеческим существом?

Предположим, это зомби. Но для зомби эти четверо слишком уж слаженно и метко садят.

Может, это снарки? Смотри параграф «зомби».

Контролеры? Покажите мне того, кто хотя бы однажды видел четырех вооруженных контролеров в одном месте одновременно. Я возьму у него автограф!

Изломы? Смотри параграф «контролеры».

Может, это темные сталкеры? А вот для темных это слабовато. Определенно слабовато!

Эти воспользовались бы гауссовками и отстрелили бы нам с Тигрѐнком головы быстрее, чем в них смогли бы зародиться какие-либо вопросы относительно стреляющих.

Значит, остается кто? Правильно, дети. Демосталкеры.

Эта дрянь завелась в Зоне сравнительно недавно.

Скажем, когда мы с Тополем спасали принцессу Лихтенштейнскую, о них только начали ходить первые слухи один нелепей другого. Но потом их начали встречать достаточно регулярно. Встречать — и гибнуть от их происков.

Прошло несколько месяцев, прежде чем сталкеры из клана «Долг» научились эффективно

валить этих тварей...

Демосталкер — это нечто среднее между зомби, полтергейстом и, если можно так выразиться, призраком. То есть получается, что это такой небробиологический зомби — столь же кровожадный и тупой, как зомби, но в то же время достаточно неуязвимый для обычного сталкерского оружия.

Сколько наших полегло, пытаясь насмерть прострочить демосталкера из стрелкового оружия! Их далеко не всегда брали гранаты! Даже гауссовки были бессильны!

Мы бы так никогда и не узнали, как справляться с этой напастью, если бы не случай с одним из «долговцев» по фамилии Голосовкер.

Этот сын народа Израилева, оставшись один на один с двумя демоисчадиями, растратил все боеприпасы и даже сломал нож. Твари теснили его по узкому коридору заброшенного овощехранилища в тупик, где, по всем законам триллера, несчастным должен был овладеть ценный пушной зверь.

Но Голосовкер и не думал сдаваться! Он вдруг обнаружил, что с ним его верная сигнальная ракетница!

От бессилия Голосовкер собрался уже стрелять по супостату обычной красной ракетой, когда его пальцы вдруг наткнулись в разгрузочном лифчике на малоценный артефакт, который мы зовем «пробкой» за его внешнее сходство с натуральными пробками от дорогих винных бутылок.

Поскольку больше ничего другого не было, Голосовкер зарядил ракетницу этой самой «пробкой».

И с криком «получите, гады!» нажал на спусковой крючок.

«Пробка», как известно, реагирует на резкие ударные воздействия, громко хлопая и формируя стоячую электромагнитную волну впечатляющей амплитуды.

И — о чудо! То ли электромагнитная волна была причиной, то ли звуковая волна подействовала должным образом, но демосталкеров словно бы контузило.

И два грозных самодвижущихся чучела превратились в два беспомощно копошащихся полуматериальных тьюфяка...

В общем, с некоторых пор мы все носили при себе «пробки», на случай встречи с этой новой в наших краях бедой. Ну и сигнальные ракетницы, само собой, тоже.

— Вот оно, наше спасение, — сказал я Тигрёнку, извлекая на свет ракетницу и заряжая его «пробкой».

Спасение-то оно, конечно, спасение. Но несмотря на волновую природу поражающих факторов пистолета системы Голосовкера, стрелять из него следовало отнюдь не по принципу «в сторону цели».

Нет, требовалось вести огонь прицельно и по меркам огневого боя практически в упор, с дистанции не более десяти метров.

Идеально — вообще с трех-пяти.

Тем временем характер стрельбы изменился. К сравнительно беспорядочной трескотне малокалиберных «калашей» АК-74М присоединился приглушенный, но такой зловещий говорок элитной снайперской винтовки «Винторез».

Демосталкеры со снайперскими винтовками... Вот так сюрприз! Лучше бы нам, конечно, обойтись без таких сюрпризов...

Тем более что снайпер каким-то шестым чувством нащупал наше точное положение. То ли попросту видел нас сквозь многочисленные дыры от пуль, навеченные его коллегами в жестяной стене продмага? Так или иначе, он повел огонь достаточно прицельно.

После его третьего выстрела до меня дошло, что, не будь при мне «подсолнуха», моя песенка была бы уже, наверное, спета.

Потому что снайпер, похоже, не мазал. Он бил точно. И если бы не «подсолнух» с его аномальной способностью отводить пули, я был бы уже мертв.

Мертв, итить его двести! И Тигрёнок тормозил бы мое беспомощное тело, что-то жалостное в своем комизме или комичное в своей жалостности причитая («Владимир Сергеич!

Что с вами? Вы умерли? Да или нет? Скажите что-нибудь, пожалуйста!»).

Тормошил бы, правда, недолго. До первой пули в голову. Потому что со снайперами шутки плохи.

Эта мысль о Тигренке неожиданно навела меня на решение нашей зловещей тактической головоломки.

Я извлек «подсолнух», который приветливо засиял встречу мне своими лучистыми, колдовскими лепестками.

Я задумчиво повертел его в руках — любуясь и будто бы даже прощаясь. Красивый... Словно ювелиром созданный, а не природой. Бывает же...

— Что с вами, Владимир Сергеич? Вы не ранены? — тревожно поинтересовался Тигрёнок, которого мое обращение к деятельному эстетизму в столь тяжкую минуту, конечно, испугало.

— Я тут маневр замыслил, — не отрываясь от созерцания артефакта, пробормотал я. — И притом, нравится тебе это или нет, маневр с твоим участием.

— Что за маневр? — напрягся Тигрёнок.

— Отвлекающий. Берешь «подсолнух», выбегаешь из магазина и шпаришь вперед, в сквер, который разбит за памятником воину-освободителю... А, забыл. Перед тем как выбегать — обязательно надеваешь противогаз, чтобы морду не поело жгучим пухом... Его в том сквере целый питомник, если это уютное слово вообще годится для описания такой мерзости...

— Но они же стреляют! — возмутился Тигрёнок.

— Вот именно. Их огонь должен сконцентрироваться на тебе. Но «подсолнух» отведет все пули, так что для твоей жизни опасности нет.

— А вы уверены? Что «подсолнух»... всегда отводит пули? А вдруг он... просроченный? Ну там... с вышедшим сроком годности... или что...

— Со сроком годности все в порядке. Я ведь жив, хотя меня уже минуту расстреливают из снайперки!

Тигрёнок насупился и замолчал. Я видел: ему очень страшно.

— Знаешь что, я не зверь, — вдруг сказал я. — Не хочешь с «подсолнухом» бежать, вместо тебя могу побежать я... Но тут есть одно «но»...

Тигрёнок посмотрел на меня недоверчиво и затравленно. Мол, какое еще «но»?

— Тебе придется сделать то, что в первом варианте должен был сделать я.

— А именно?

— Завалить четырех демосталкеров, которые сейчас стреляют в нас из клуба. Причем валить их придется, всякий раз вручную перезаряжая ракетницу, чтобы снарядить ее очередной «пробкой». Сможешь?

Тигрёнок отрицательно замотал головой.

Не могу сказать, чтобы это стало для меня неожиданностью.

— В таком случае возвращаемся к плану А. Ты бежишь, я занимаюсь демосталкерами.

— Я согласен... Давайте «подсолнух».

Тигрёнок бежал сквозь пули, как человек бежит сквозь ливень. Неприятно, но безопасно.

Тигрёнок кричал.

И кричал он свою фирменную «ёблинмаму», так хорошо запомнившуюся мне с окрестностей Водокачки.

Тигрёнок бежал довольно борзо, что было для меня неожиданностью, ведь впечатления спортсмена-разрядника он, мягко говоря, не производил. Что значит адреналин!

Увы, у меня не было времени досматривать его показательное выступление до финиша в кустах за статуей.

Мне было важно только одно: удостовериться, что горячую плоть Тигрёнка пытаются нащупать и все три «калаша», и роковой снайперский «Винторез».

А удостоверившись, я сразу превратился в наэлектризованный комок мышц и с низкого старта рванул через улицу к бензоколонке, соседствующей с клубом.

Я спрятался за плакатом, призывавшим колхозников повышать удоимость КРС (то есть крупного рогатого скота) и урожайность бобовых вкупе с обмолачиваемостью зерновых. Мое дыхание было тяжелым и прерывистым. Но мне достало тренированности для того, чтобы совладать с собой и стать тихим и незаметным, каким и должен быть безжалостный истребитель нежити.

Вопли Тигрѐнка наконец-то затихли. Хотелось надеяться, что он благополучно достиг укрытия, а не стал жертвой гравиконцентра или птичьей карусельки.

Но как бы ни сложилось с Тигрѐнком, у меня лично не было других вариантов действий.

Сигнальный пистолет, заряженный «пробкой», приятно тяжелил ладонь.

Короткой перебежкой я достиг пожарного выхода из клуба.

Проржавленная, обильно покрытая жгучим пухом железная лестница вела на второй этаж.

Но мне нужно было на первый. В дверь с табличкой «Посторонним вход запрещен».

Дверь со скрипом закрылась за моей спиной, и я очутился в достаточно просторном кинозале.

Там не было привычных мне, горожанину, рядов однотипных кресел с откидными сиденьями.

Колхозникам кресел не полагалось. В сельском кинозале кино смотрели с лавочек. Или со стульев — разнокалиберных, разной степени потерханности и засиженности.

Я прошел по центральному проходу, бдительно озираясь.

Сквозь прореху в крыше в кинозал попадал дневной свет, он заливал утробу кинозала мертвенно-серым.

Дойдя ряда до пятого, я обернулся к пожарному выходу и посмотрел на экран.

Его уже давно недевственная белизна была покалечена размашистой уродливой надписью, выполненной от руки при помощи строительной кисти и банки коричневой масляной краски.

«Люди не ночуйте здесь это один сплошной...». Кто именно сплошной — ад, кошмар или песец, — история умалчивала. На слове «сплошной» предостережение интригующе обрывалось.

Что заставило умолкнуть заботливого автора надписи, оставалось только гадать — шальная пуля, случайно свалившаяся на голову псевдоплоть, а может, обширный инфаркт миокарда...

Ночевать в кинозале я не собирался. Но мысленно поблагодарил его, анонимного добряка-писаку. Побольше бы таких предостережений, глядишь, и нашего брата-сталкера на ерунде гибло бы поменьше...

По возможности бесшумно я достиг двери на противоположной от выхода стене. К счастью, в двери имелись несколько вертикальных щелей. Вполне возможно — след давнего удара когтистой лапы кровососа средних размеров.

На расстоянии четырех шагов за дверью я увидел спину демосталкера с винтовкой «Винторез».

Черт возьми, со спины он ничем не отличался от обычного сталкера! Свободные штаны, измазанные грязью берцы, коричневая куртка с капюшоном, накинутым на голову...

Я едва поборол искушение прошить его из «Калашникова».

Но разум все-таки возобладал.

Я вскинул ракетницу и выстрелил в проклятое существо сквозь дверь, благо деревянная дверь электромагнитному импульсу была не помеха.

«Пробка» издала свой фирменный оглушительный «бабах».

Сквозь щель я увидел, как осело наземь тело демосталкера.

Громыхнула упавшая винтовка.

Я перезарядил ракетницу и вошел.

Демосталкер лежал на куче созревших журналов «Здоровье», глядя глазами, начисто лишенными глазных яблок, в прохудившийся, с плесневелыми перекрестьями drankи, потолок.

— Первый нах, — тихонько пробормотал я.

Хотя искушение взять у мертвого (обездвиженного? выключенного?) демосталкера снайперскую винтовку было велико, я все же воздержался от этого акта трофеесобирательства. А

вдруг она после демосталкеров какая-то «законтаченная»? И фонит какими-нибудь бешеными нейтронами?

Основным вопросом текущего момента был такой: отреагировали ли оставшиеся трое демосталкеров на звук выстрела пистолета системы Голосовкера?

Я прислушался. Если судить по звукам стрельбы — редкие короткие дежурные очереди явно в том же направлении сквера возле памятника воину-освободителю, — демосталкеры не насторожились.

В ту минуту я был готов полностью согласиться со своим старым приятелем Кабулом, по вероисповеданию мусульманином, который в вечерней молитве любил благодарить Аллаха, всемилостивого и всеблагого, за то, что Он сотворил тварей Зоны такими беспредельно тупыми...

Следующим помещением оказался зал игровых автоматов, древних, как говно плезиозавра.

Я едва сдержал вопль восторга, когда вошел в него.

Мать моя женщина! «Морской бой»!

Скармливаешь автомату монетку, становишься на ящик из-под помидоров, прижимаешь свою мордашку к перископу из низкосортной резины и давай давить на гашетку с целью уничтожения вражеских линкоров, крейсеров и транспортов, с вызывающей вальяжностью проползающих по горизонту...

А здесь у нас что? «Футбол»!

Ряды красно-синих футболистов, нанизанных на никелированные вертящиеся штыри. С гладкими розовыми ногами и ничего не выражающими, какими-то итальянскими рожами.

А это? Это «Охота»!

Как жаль, что винтовка, из которой положено бить по жестяным зверям, вырвана с мясом каким-то анонимным идиотом. Поймал бы — голову отвинтил!

Мои затянувшиеся ностальгические восторги едва не стоили мне жизни.

На пару мгновений я запоздал с идентификацией демосталкера на фоне всего этого великолепия. Впрочем, оно и неудивительно, ведь данный экземпляр в отличие от предыдущего не походил на человека совершенно.

В это трудно поверить, но туловищем демосталкеру служил сгусток чего-то, более всего походившего на крепко спрессованное пшено. Да-да, пшено, я не сошел с ума, друзья! А роль конечностей, в которых некроорганизм сжимал АК-74, выполняли туго скрученные куски грязной засаленной парусины. Лишь ладонь и пальцы с розовыми пластинами сравнительно ухоженных ногтей были у него вполне человеческими.

Кошмар наяву, честное слово...

Так вот: этот многосоставной кошмар неким образом обнаружил мое присутствие и, резко развернувшись, вскинул автомат, изготовившись стрелять.

Меня спасло то, что «пшеничный человек» был всё-таки достаточно неуклюж. И, вскидывая ствол, задел переключателем видов огня окованный железом угол игрового автомата «Баскетбол».

В итоге переключатель видов огня встал в положение «на предохранитель». Спусковой крючок щелкнул впустую. Драгоценная секунда была потеряна, и щелчок «пробки» в моей сигнальной ракетнице положил конец существованию этого мерзостного монстра...

Покинув зал игровых автоматов, я вступил в холл.

Ну или как оно называлось в СССР, понятия не имею.

Это было достаточно просторное помещение с высокими окнами (разумеется, по большей части разбитыми) и мягкими, обитыми велюром диванчиками (по большей части выпотрошенными, с пружинными внутренностями наружу), каждый из которых должен был наглядно демонстрировать преимущества колхозного строя перед мелкособственническими фермерскими хозяйствами.

Холл был густо увешан портретами передовиков колхозного производства. Доярками с изрядными формами, обветренными механизаторами в кепках и опрятными управленцами:

парторгом, главным агрономом, зоотехником и, конечно, председателем — Прокопенко Гаврилой Тарасовичем.

Но на этот раз, помня свой промах в зале игровых автоматов, я не дал себе расслабиться и засмотреться на выцветший красный нос Гаврилы Тарасовича.

Я сразу же атаковал.

Поразив выстрелом в спину левого демосталкера — их было двое в этом холле и обоих я даже не успел толком рассмотреть, — я прыжком ушел назад, в зал игровых автоматов.

И очень вовремя.

Второй демосталкер уже поливал свинцом то место, где я был секунду назад.

В висках бешено стучала кровь. Я выбивал импровизированным шомполом из каленой проволоки предыдущую «пробку» из ствола сигнальной ракетницы и сразу же нащупывал следующую в кармашках разгрузки.

И какой же у меня в голове расцвел, извините за выражение, когнитивный диссонанс, когда я обнаружил, что «пробок» у меня больше нет!

— Брат, а у тебя патроны вообще остались?! — громко крикнул я, обращаясь к демосталкеру.

Не спрашивайте, на что я рассчитывал. Ответом мне послужила длинная, не по-человечески расточительная очередь из «Калашникова», которая завершилась характерным сухим щелчком досылателя над пустым магазином.

Тут же я сорвал с плеча свой бессменный «а-ка сорок седьмой» и, отважно ворвавшись в холл, обрушил на исчадие ада густой поток раскаченного свинца.

Для понимания моих действий принципиально важно знать, что: — каждая четвертая пуля в магазине была зажигательной; — демосталкер на восемьдесят процентов состоял из соломы.

Да-да, по сути, это было соломенное чучелко! Развоплотившееся, охреневшее, никчемное и одержимое внушенной ему Хозяевами Зоны жаждой разрушения.

И оно запылало! Гигантским огненным факелом!

Не успел я воссоединиться с Тигрёнком — да я вообще ничего не успел, только выйти из клуба, — как вновь услышал щелчок затвора. Музыка Зоны, так ее за ногу.

— Оружие на землю, руки за голову, говори, как зовут, — произнес бесцветный голос за моей спиной.

«Не демосталкер. Те так складно чесать не умеют. На счастье всем нам».

Я положил рядом пистолет системы Голосовкера и автомат, поднял руки и назвался.

— Комбат, значит? Тот самый, который принцессу немецкую... того... спас? — В голосе послышались нотки теплоты.

— Я, да. — Я усмехнулся. Местной знаменитостью мне давали побыть редко — у сталкеров плохая память.

— Это точно Комбат. Мы его вчера с Водокачки видели, — добавил другой голос, пониже и поавторитетней. — Одного взять в толк не могу. С ним же какой-то малец вроде вертелся навроде отмычки... Где твой отмычка, Комбат?

Я быстро прокачивал ситуацию.

«Дела так себе. Если они меня вчера видели с Водокачки, значит, это «каперы». А про «каперов» нам известно что? Что больно жадны они до ценного хабара. А ценный хабар у нас где? Правильно, в рюкзаке у Тигрёнка, которого они приняли за моего отмычку. Только бы Тигрёнку хватило сообразительности посидеть там в скверике еще хотя бы десять минут! Пока я не закрою вопрос с этими хищными кентами!». Думая так, я отвечал:

— Это не мой отмычка был. Да и вообще он не отмычка. Турист. Недоумок такой... опривеченный. Я его вчера из петли Мёбиуса вытащил. — Я всегда имел в виду, что самая лучшая ложь делается из правды, поэтому врал по минимуму. — Довел до границы Дюн... И сдал военсталкерам с Янтарного.

— А здесь ты чего делаешь?

— Да вот тут наводочку дали одну. Старовата, но шансы есть. Проверю наводочку и на хату

потопаю.

— А можно вопрос не по теме? — спросил третий голос.

— Можно. Только разрешите я к вам повернусь и руки опущу. Глупо как-то говорим, не по-людски.

— Валяй.

Я повернулся. Действительно, «каперы». Действительно, трое. Атос, Портос и Арамис... Мушкетеры, твою дивизию.

У одного из «каперов» рюкзак был необычного для Зоны типа «карандаш», а в нем явно находилось что-то очень высокое, габаритное.

«Капер» с загадочной ношей выглядел наиболее компетентным, серьезным. Так сказать, Атосом.

Двое других были обычными «среднячками». Ни особых успехов, ни особых провалов... Сколько таких по Зоне лазит — мама не горюй!

— Так что за вопрос? — сказал я, потихоньку овладевая ситуацией.

— Что ты в Зоне вообще ловишь, если ты тот самый Комбат? Ведь ты, говорят, до хренища капусты тогда с гражданских взял! На всю жизнь хватить должно было!

Поскольку на этот вопрос я уже отвечал раз сто, у меня кристаллизовалось несколько замечательных отмазок. Первую попавшуюся из них я и использовал.

— Питаю страсть к азартным играм. Красиво пожил... Спустил деньжата все в Сочах.

— Что, вот так все и спустил? — спросил меня самый молодой из троицы. Арамис, так сказать, хотя по смыслу даже скорее д'Артаньян.

— Да. Чеки из казино, извините, предъявить не могу. Не захватил с собой почему-то.

— Ладно. Это все очень интересно, — сказал старшой «каперов» изменившимся голосом, и я сразу же внутренне напрягся, — но что у тебя с хабаром?

— С какой целью интересуешься? — обнаглел я.

— Купить хотим. По хорошим ценам!

— Купи-ить?

Я был бы искренне удивлен — с каких это пор в Зоне трое вооруженных мордovorотов покупают хабар у одного невооруженного, да еще и «по хорошим ценам», — но про «каперов» слышал разное. Так что, может, старшой и не врет...

— Купить. Но не продать ты не можешь. Вот в этом и трюк, понимаешь?

— Чего ж тут непонятного.

— Поэтому показывай контейнер. И рюкзак тоже.

Меня, конечно, сильно злила такая постановка вопроса. Я бы с большим удовольствием отмудохал их совковой лопатой. Да вот беда: совковой со мной не было. Только саперная.

Короче говоря, показал я им контейнер. Пустой контейнер престарелого лузера.

— Тю-ю... — разочарованно протянул д'Артаньян. — Ну ты даешь! Третий день по Зоне шарисься, а в контейнере даже «вертячек» нет... Хоть бы «волчьи слезы» какие подобрал.

— «Волчьих слез» у вас, похоже, у самих полрюкзака.

— Это ты о чем? — не понял тот «капер», которого я определил в Портосы.

— О том, что по виду у вас в «карандаше» лежит дурища килограмм на семьдесят. Как такую можно носить без антигравитационных артефактов — ума не приложу! А значит, «волчьи слезы» у вас имеются.

— Да где там семьдесят! — возразил старшой. — Там и пятнадцати нет. Кстати, знаешь, что лежит в рюкзаке?

— Откуда мне.

— Надгробие.

— Надгробие?

— На том краю «Хиросимы» Королек пять дней назад гробанулся. Слышал о таком?

— Племянник Сидоровича, у которого пальцы сросшиеся на ногах?

— Он.

— Так вот нет его больше. Несем ему памятник на могилу.

— Это что-то новое. С каких пор сталкеры памятники друг другу в Зоне ставят?

— А с таких пор, что Шива с Макаром думку имеют, откуда демосталкеры берутся. Считают они, что над «Хиросимой» особая блуждающая аномалия ходит, которая силу витальную из растений да зверья всякого в людские останки переносит. И начинают эти останки потом шляться по Зоне да по нашим садить... будто нам зомбей со снорками мало.

— А надгробие что? Крест животворящий? — спросил я.

— Не крест. Восьмигранник. Шива это вычислил на научной основе. Конструкция у надгробия такая, что витальную силу оно над покойничком рассеивает, не позволяя тому матрицироваться и в демосталкера превращаться.

— Шива еще говорил, — прибавил Портос, — что демосталкеры эти не просто так появились. А что козел из «Наутилуса», профессор какой-то зарубежный, их специально разводит, чтобы нашему брату-сталкеру тяжелей было хабар таскать.

«Какой такой профессор? С какого такого «Наутилуса»?». Но от вопросов я воздержался. Из опасений, что вот-вот появится Тигрёнок. Тогда вся моя игра в бедную сиротку без грамма хабара будет разоблачена. И придется продать «подсолнух» за тридцать целковых.

И ладно бы «подсолнух»! Главное — «ножницы»! Их потерю Тигрёнок точно не переживет! Начнет блажить, орать...

Тут-то они его и пришьют. Запросто так. Как у нас это водится. Зона, дескать, брат.

— Ладно, Комбат. Интересно побазарили. Но пора и честь знать, — сказал старшой «каперов» так, будто это я, я их остановил и вопросами закидываю.

С этими словами они все как по команде развернулись и, не говоря ни слова, двинули на запад, прочь от клуба, в направлении на Дюны.

Я подождал пару минут, сидя на ступенях клуба и делая вид, что старательнейшим образом перешнуровываю свои высокие армейские ботинки. Удостоверившись, что «каперы» скрылись из виду, я пошел искать Тигрёнка...

...И обнаружил его сидящим за постаментом памятника воину-освободителю. Он рисовал обломком кирпича какие-то схемы.

— Во дает! Я тут воюю, я твой хабар спасаю... А ты, оказывается, художествами занимаешься!

— А чем ещё заниматься? — оправдывался Тигрёнок. — Я увидел, что вы с этими тремя типами разговариваете, и подумал, что мне, наверное, торопиться не следует. Вот я и решил пока прикинуть, а не съездить ли мне на студенческую конференцию по робототехнике в город Харьков... А если съездить, то с каким роботом? Ну не с Тентаклем же? Надо нового проектировать. Вот я и начал... Чего время-то терять?

«Хоть он и чайник, но интуиция у пацана что надо», — подумал я с одобрением.

— Ну, это... Светило робототехники... Надевай свой рюкзак и почесали. До Грибного Леса нам идти еще часов пять. Там заночуем.

Глава 11 Шерше ля фам в Грибном Лесу

Wise up, she's some kind of woman
Wise up, you can't get away
Wise up, ooh just when you think that its safe.

Some Kind Of Woman, Black Sabbath

Как я и планировал — спасибо Хозяевам Зоны! — на ночлег мы с Тигрёнком встали в Грибном Лесу, месте проклятом Богом, людьми и сталкерами.

Нет, Грибной Лес — это не уровень, как может подумать неискушенный читатель. Грибной

Лес — небольшой такой участок Зоны, размазанный вдоль западной границы Радара. Притом участок достаточно неказистый и скучный на вид.

Идешь себе, идешь, вдруг понижение. Все теснее жмутся друг к дружке ясени и дубы, все желтее трава.

Вдруг слышишь — где-то там внизу журчит ручей. Это значит, совсем рядом поляна, а на ней — родник.

Близ родника — три поваленных дерева с отстающей корой. Под этой корой сидят насекомые вроде жуков с блестящими синими спинками, я не видел таких там, за Периметром, никогда.

Да... Так вот поляна. На этой-то поляне и можно переночевать. А всё, что вокруг поляны, — это и есть Грибной Лес.

Что же за грибы в этом Грибном Лесу, спросите вы.

И можно ли их есть?

А ваш Комбат вам на это скажет, что те грибы не только нельзя есть, но даже и прикасаться к ним без костюма полной защиты категорически не рекомендуется. Да и в костюме лучше не надо — ресурс костюма тоже не резиновый, его экономить надо. Потому что прикосновение к такому грибку ведет к жесточайшим, невиданным ожогам. Ладонь на такой грибок положил — и ладони вместе с кистью нет, вместо них — шипящая кислотой культя.

Вдобавок ко всему эта грибоподобная дрянь, густо облепляющая толстые стволы деревьев, — невидимая.

Точнее сказать, настолько успешно мимикрирующая под цвет и фактуру материала, на котором она проживает, что становится, по сути, невидимой.

То есть прислонился ты спиной как бы к стволу дерева, а на самом деле — к сгустку кислотной этой гадости. И катаешься потом по земле с вынимающим душу воем, на помощь зовешь.

И хорошо еще, если анестетик есть, который тебе позволит от боли с ума не сойти и до доброго доктора кое-как добраться. А если обезболивающего нет? Тогда пиши пропало. Ты — скорее всего покойник.

Вот такие грибы у нас в Зоне, если кто не знает...

Немало stalkеров лишились пальцев, рук, ног, кожи или как минимум одежды, прежде чем до всех нас наконец дошло, что такое Грибной Лес и в чем его подлость.

Я лично дважды возвращался за Периметр не солоно хлебавши из-за того, что, зайдя в Грибной Лес, что-то там некстати задел, к чему-то там неловко прислонился...

В общем, Грибной Лес пользовался заслуженной дурной славой. И воду родничка, который жизнерадостно бил из земли в тени трех берез, закрученных штопором неизвестной аномалией, пить тоже категорически не рекомендовалось — мол, козленочком станешь.

А то и чем похуже козленочка. Допустим, псевдоплотью.

Я много лет старался держаться от Грибного Леса подальше.

До тех пор, пока два года назад мы с Костей Тополем не вляпались в одну историю, где фигурировали занятые нами и не отданные крупные суммы, оскорбленные нашим поведением кредиторы и несколько дурно воспитанных парней, в просторечье зовущихся мародерами, которым кредиторы поручили взыскать с нас занятые нами суммы вместе с немалыми процентами...

Мародерами этими предводительствовал некто по кличке Монах.

Они поймали нас у Овечьего брода и принялись профессионально и жестко прессовать...

Тогда нам с Тополем пришлось туго.

Оба раненые, мы, однако, разделались с частью наших пленителей, когда самый опытный из них — Монах — и двое его самых крепких и свирепых подручных как раз отошли ненадолго по вызову с ПДА. И сразу бросились спасать наши шкуры. Спасать их нам пришлось в Грибном Лесу. Где и застала нас ночь.

Ту ночьку я не забуду никогда!

У раненного в ногу Кости началось что-то вроде воспаления. Горячий, как кипятивник, он

лежал на жухлой траве, обхватив руками голову, и громко, вслух бредил выл по-собачьи и раз в десять минут просил воды.

Да так жалобно и убедительно просил, что слеза наворачивалась на глаза!

Я и сам, признаться, страшно мучился от жажды.

Наши фляги — вместе со всеми прочими манатками — достались людям Монаха. Мы не пили и не ели уже двадцатый час.

Ситуация усугублялась тем, что на расстоянии в три метра от нас соблазнительно журчал родничок...

Во мне долго боролись здравомыслие и физиология.

«Нельзя ее пить. Ни в коем случае. Самое малое — заболеешь лучевой. А то и сойдешь с ума, проживешь остаток жизни, изображая животное белку или животное антилопу», — бормотал упрямый Комбат-рационалист.

Ну а Комбат-пофигист возражал ему:

«Про лучевую бабка надвое сказала. Про животное белку — тоже может быть фантазии. Но главное, если я сейчас же не напою Тополя, он может от горячки и вовсе сканать. У меня на руках сканать. Без всякой лучевой. А если я не попью сам, у меня помутится рассудок, и я не смогу даже вытащить раненого Тополя за пределы Периметра!». Моя борьба с самим собой продолжалась часов шесть.

На рассвете — помню, как я искренне, по-детски радовался утренним сумеркам, — я положил с прибором на все «нельзя» и всё-таки погрузил ладони в текучий ледяной хрусталь родничка.

Умыл лицо — помню, как пощипывало рану на подбородке и свежую ссадину над бровью. Затем пополоскал рот. И сам не заметил как... выпил глоток! Потом еще глоток. И еще двадцать полноценных глотков.

Какой же сладкой, божественно сладкой была та вода!

Затем я подтащил беспрестанно бредящего Тополя к ручейку и дал ему напиться.

Я был уверен: теперь все пойдет на лад!

Помню, как я сидел в центре той самой поляны, в сердце Грибного Леса, и думал о том, что жизнь всё-таки прекрасна, что занимать деньги можно лишь в крайнем случае и то желательно у банков, а не у бандитов. И что Хозяевам Зоны определенно присуще утонченное чувство гармонии, если в таком страшном и неблагоприятном месте они поместили единственный на пол-Зоны источник чистой пресной воды...

А еще я думал о том, что за всю ночь нас с Тополем — таких беззащитных — не потревожил ни один мутант, ни один припять-кабан, словно бы и не в Зоне мы ночевали, а вне ее пределов, в обычном таком лесу.

Именно тогда я понял: если не лапать стволы деревьев, облепленные смертоносными грибами-невидимками, и соблюдать простейшие меры предосторожности, Грибной Лес ночью — это просто находка для сталкера.

Мутанты, которые боятся грибов-невидимок, туда не суются. Аномалий крайне мало (обычно на поляне возле родничка водится одна-единственная жадинка).

Кроме того, есть свежая вода — и для гигиены, и для питья. Чем не рай?

Конечно, делиться своими открытиями с кем-либо, кроме Тополя, я не спешил. Я же не ученый, в конце концов. Никаких клятв, пусть и чисто символических, про «знание, которое должно служить человечеству», выпускаясь из универа, я не давал...

В частности, потому, что универ так и не окончил.

Я думал так: кому надо, те и сами к тем же выводам, что и я, легко придут. А кому не надо — так тому и не надо.

Теперь вот Тигрёнок тоже будет знать про Грибной Лес, а значит, сможет разболтать.

Но чем больше я смотрел на тщедушное щуплое тельце, в котором жила дерзкая и отважная душа настоящего мужчины, тем меньше беспокоился по этому поводу. Такой не продаст. Скорее всего не продаст! И не предаст. Как не предал он свою девчонку Алёну.

— Ну, значит, так, младшой, — начал я веским голосом старейшего и мудрейшего альфа-самца, — мы входим в Грибной Лес. Грибы там такие, что лучше бы матери-природе вообще таких грибов не производить.

Эти зловердные грибы-невидимки растут на деревьях.

Поэтому к деревьям ближе чем на полметра не подходи.

Это понятно?

— Это понятно, — с обреченным вздохом пробормотал Тигрёнок.

— Теперь оглашаю развлекательную программу на сегодняшний вечер. Пункт первый — ужин. На ужин у нас банка тушенки на двоих и по брикету растворимого пюре на каждого. Чашка для растворимого пюре у меня только одна. И ложка тоже в единственном экземпляре.

Поэтому есть будем по очереди. Вначале ты, потом — я.

Это ясно?

— А почему вначале я? Как-то неудобно. Пюре всё-таки ваше... Да и по старшинству было бы логичнее, — пробормотал Тигрёнок.

— Первым ты будешь есть потому, что спать ты тоже будешь первым.

— Как это — спать первым?

— Напоминаю, что спальник у нас только один, Тигрёнок. Поэтому спать мы тоже будем по очереди. Вначале ты — потом я. Это самое спаньё у нас идет вторым пунктом нашей сегодняшней развлекательной программы.

— А можно я вторым?

— Что вторым?

— Спать я буду вторым! — спросил Тигрёнок.

— Нельзя.

— Но почему? Какая разница?

— Потому что ночью спать хочется гораздо больше, чем утром! А караулить себя, хабар и товарища хочется гораздо меньше! Поэтому перед тем, как караулить, тебе надо выспаться как следует.

— Вот как? — пробормотал Тигрёнок, озабоченно прикусив свою тонкую губу. — Значит, караулить... Что-то типа вахты на корабле?

— Ну да, типа вахты! Потому что мы не в пятизвездочной гостинице спать укладываемся. А среди леса, в Зоне, где бродят мутанты, мародеры, военсталкеры. И где ценнейшего «подсолнуха» и уникальных «ножниц» можно лишиться так же легко, как попасть в зыбь или гравиконцентр!

— Но послушайте, Владимир Сергеич... Двадцать первый век все-таки на дворе! Неужели нельзя что-нибудь более совершенное придумать? Ну типа сигнализации, что ли?

«Какой же ты все-таки глупый, Тигрёнок, несмотря на всю свою смекалку и образование», — подумал я, но благоразумно промолчал. Я знал, что «глупыми» мужчин возраста Тигрёнка имеют право называть только женщины. Мужчинам — нельзя. Просто нельзя — и все.

Я сделал терпеливое лицо.

— Видишь ли, Тигрёнок... Сигнализация у меня, конечно, есть. Причем достаточно дорогая и совершенная. И название у нее такое жизнеутверждающее — «Весна-3». У этой сигнализации имеется семь автономных датчиков. Я размещу их так, чтобы подобраться к месту нашего привала незамеченным было практически невозможно. Но!

— ...Но спальный мешок все равно один, поэтому... — продолжил за меня Тигрёнок, небесталанно имитируя мой занудноватый менторский тон.

— Спальный мешок тут ни при чем. Дело в том, что мы в Зоне. И то, что может служить весьма совершенной сигнализацией там, по ту сторону Периметра, — я махнул рукой куда-то в сторону Красноармейска, — зачастую является бесполезной игрушкой здесь. Начать с того, что здесь много электромагнитных аномалий. Некоторые из них вырубают сигнализацию на небольшое время — допустим, на десять-двадцать минут. А вот другие, позабористей, вырубают навсегда. Но мораль одна: ни на какую электронику полагаться на все сто процентов здесь

нельзя! Вот были бы мы в Рыжем Лесу, там иное дело. А здесь лес — Грибной, и, так сказать, погоды здесь стоят другие.

— И что я должен буду делать, если вдруг какой-нибудь... ну, там, допустим, кровосос...

— Первым делом ты должен будешь разбудить меня!

— А вторым? Вторым делом?

— А вторым взять пистолет, — я протянул Тигрёнку свой «стечкин», — и выстрелить в этого «допустим, кровососа»!

— Но я же не попаду?! Что толку стрелять? — Лицо Тигрёнка выражало искреннее недоумение.

— Знаешь анекдот про петуха, который бежит за курицей и думает: «Не догоню, так хоть согреюсь»? Знаешь или нет?

— Не знаю. То есть знаю. Теперь.

— Так вот и ты должен действовать, как тот петух. И думать «не попаду, так хоть согреюсь». То есть, тьфу, напугаю кровососа. И вообще наведу кипеж.

— Кипеж? — Как видно, этого жаргонного словечка наш инопланетянин Тигрёнок тоже не знал.

— Ну да. Кипеж — это значит суета. Такая конструктивная, деятельная суета, отвлекающая противника.

— Ага. Понятно. Буду наводить этот вот... кипеж!

— Ну и отлично!

Мы с аппетитом поели — несмотря на усталость, оба мы были в хорошем настроении.

Я рассказал Тигрёнку историю о том, как Костя Тополь катался пьяный на катере по Москве-реке, пока не врезался в теплоход, где праздновал свое шестидесятилетие один очень задорный генерал-майор милиции.

А еще — историю о том, как четыре года назад я обменял «мамины бусы» на новенький мотоцикл «Хонда».

Ну а Тигрёнок рассказал мне, как несколько лет назад он пробовал поступать в музучилище по классу скрипки, но во время вступительного прослушивания, которое проходило на сцене филармонии, упал в оркестровую яму. А все потому, что от лекарства, которое он принял, чтобы уменьшить абитуриентскую нервозность, у него закружилась голова.

История была действительно смешная. И Тигрёнок рассказал ее довольно талантливо. Это было неожиданно — что такой беспомощный ботаник, как Тигрёнок, оказывается, все же способен рассказать историю, которая насмешит такого бывалого слушателя историй, как я!

А потом я велел ему ложиться спать, что он с удовольствием и сделал.

Я был благодушен по случаю богатой добычи и спасения из призрачных лап демосталкеров. И поэтому добр. Очень добр!

Я разбудил Тигрёнка перед рассветом — ему оставалось караулить каких-нибудь несчастных два часа (в то время как я сидел в дозоре целых четыре с половиной).

Я еще раз проверил все семь датчиков электронной охранной системы «Весна-3», сунул Тигрёнку в руки термос с кофе. И наказал ему быть паинькой, ни в коем случае не засыпать и не выпускать из рук рюкзак, где в контейнерах томился хабар.

Я был уверен, ничего дурного не случится. И снились мне такие классные, такие комфортные сны — теплое сине-зеленое море, облизывающее пенным языком мелкий желтый песок... Высокие пальмы, бросающие тень на лазурный бассейн, на берегах которого, словно бабочки, примостили свои красивые тела девчонки, а вот уже бредет к ним бармен, подозрительно похожий на Неразлучника из бара, что на Дикой Территории... И на подносе у него бокалы с разноцветными коктейльными зонтиками и спелые, сочные фрукты, среди которых моя любимая маракуйя...

В общем, у меня не было никаких дурных предчувствий. Представляете?

Я проснулся за две минуты до того, как начал свое монотонное вяканье будильник на моем ПДА.

Я ужом выскользнул из теплого спальника. Выключил будильник. Быстренько ответил на два главных вопроса сталкерской повседневности — «кто я?» и «где я?».

Полной грудью вдохнул рассветную свежесть.

Бросил взгляд в сторону родничка — там, возле тихо журчащей воды, я оставил недотепу Тигрёнка.

Помню, перед тем как заснуть, я в последний раз по-черепаши выгнул шею, чтобы бросить контрольный взгляд на спасеныша — не добрались ли и тут до него какие-нибудь локальные полтергейсты?

Тьфу-тьфу-тьфу, все было в ажуре, Тигрёнок сидел, по-турецки скрестив ноги. Сколиотическая спина его была уперта в рюкзак с нашим хабаром. В руках он держал листик и огрызок карандаша — которые ссудил ему я.

На листке он собирался что-то писать. Не то любовное письмо к своей Алёне, не то драму в стихах «Демоны Зоны», не то завещание: «...а пару неodeванных носков «Адидас» и свою зубную щетку с эмблемой футбольного клуба «Динамо» я завещаю своему двоюродному брату Глебу, который живет в Омске...».

Два часа спустя Тигрёнок находился на том же месте, где я его оставил.

Однако не сидел, а лежал. Лежал же он в позе эмбриона, уютно скрестив руки на груди и подтянув к животу колени.

На его лице играла херувимская улыбка существа, которому уже ничего не надо от этой жизни, кроме счастья для всех даром и прочей духовности.

Ноздри его курносого носа с сопением втягивали сырой воздух.

Густо исписанный листок бумаги в клеточку и мой карандаш валялись рядом. Листок был придавлен булыжником, чтобы, значит, ветром не унесло. Рядом стоял мой термос.

В общем, наш Тигрёнок спал, господа присяжные и заседатели! Храпел! Дрыхнул!

В то время как рюкзак с хабаром... рюкзака с хабаром... при нем больше не было!

Хорошенькие дела, да?

Вначале мне показалось, я что-то напутал. Что у страха глаза велики.

Спорым шагом я обошел поляну и осмотрелся — ни под деревьями, ни возле моей лежки, ни у тропы. Никаких рюкзаков! Никаких одиноко валяющихся «подсолнухов» и «кварцевых ножниц»!

Я был так взволнован, что едва не зацепил плечом изрядную колонию грибов...

О, йопэрэсэтэикалэмэнэ! О, мать моя женщина!

Приходилось признать, что у нас с Тигрёнком, да что там «у нас», у меня, у опытного сталкера Комбата, увели прямо из-под носа один из самых ценных хабаров в моей сталкерской биографии!

Как тут не заорать благим матом?

Вот тебе и «новичкам всегда везет»! Везет-то везет!

Но, похоже, недолго!

По мере того как мое бешенство остывало, приходило любопытство — в профессорских очках и со следовательской лупой.

А как же сигнализация? Почему не просигнализировала? И вообще, «вот э фак из гоуинг он?» — как говаривал пиндос Джереми, мой трижды подопечный турист и заодно немножечко приятель.

Я бросился проверять датчики «Весны-3».

Как я и предполагал, датчики не работали. Их попросту отключили. Скорее всего — при помощи «сникерса», совершенно нелегального и довольно дорогого прибора, который производят рационализаторы и изобретатели зона-индустрии вроде покойника Лодочника. Надо же!

Как мне было тут не пожалеть о моих старых добрых «монках» — минах осколочных направленного действия, — оставшихся в схроне в Ёлкином Лесу? Вот их, мои «монки», никаким «сникерсом» не отключить!

Жаль только, весят мои дорогие «моночки» по пять кило каждая... Замахнешься с ними по

Зоне шароёбиться!

Тем временем, как будто что-то учуяв, проснулся Тигрёнок.

Он поднял над холодной землей свою продолговатую, накоротко стриженную голову на тонкой шейке.

Пару раз безгрешно хлопнул своими девчачьими ресницами. Принял сравнительно вертикальное положение. И глядя на меня глазами новорожденного ягненка, поинтересовался:

— Что-то случилось, Владимир Сергеевич?

— Ничего особенного. За исключением того, что у нас украли весь хабар.

— Весь хабар? — механическим голосом переспросил Тигрёнок, который, я допускаю, со сна подзабыл значение слова «хабар».

— Да-да! Весь! И твои «кварцевые ножницы» тоже!

— И мои «кварцевые ножницы»? — Мутные со сна глаза Тигрёнка сделались большими, как чайные блюдца.

— Да-да, и твои «ножницы»! Так своей девушке болезной и расскажешь! Мол, то да сё. Заснул на посту, как младенец. И пока я спал, вор отключил сигнализацию и вытащил рюкзак с артефактами прямо из-под моей костлявой задницы! Так что болей дальше, любезная Алёнка, пока я вора не поймаю!

Что ж, я был зол не на шутку!

Причем злился я даже не столько потому, что у нас украли артефакты — стыдно сказать, но это мне было не в диковинку, много раз приходилось мне терять ценные находки, становиться жертвой воров, мародеров, забывчивости и халатности — и собственной, и напарника.

В основном я злился потому, что меня, меня, опытного Комбата, унизил какой-то вороватый незнакомец! Практически плюнул мне в мое покрытое шрамами ветеранское лицо! Оскорбил меня страшным оскорблением — оскорбил действием!

Ну а еще, хотя я и не хотел в этом признаваться, я злился на самого себя.

Ведь я знал, почти на сто процентов был уверен, что мой башковитый и чертовски везучий спасеныш не высидит два часа в карауле. Я видел, что Тигрёнок слабенький, неорганизованный, не умеет концентрироваться, что он не выдержит, что он нюня и маменькин сынок, что он, в конце концов, не выспался прошлой ночью, да и кто бы выспался под ржавым брюхом МАЗа. Зачем же я поручил ему столь ценный рюкзак?

Нет бы самому спать с ним обнимку — и хрен бы кто-нибудь незаметно вытащил его из моих чутких объятий! Зачем я вообще заставил его караулить? Сидел бы уже до утра сам! В конце концов, я сам без сна спокойно могу сутки, особенно если стимуляторы нормально штырят...

Эх, воспитатель хренов. Макаренко недобитый...

— Но кто мог это сделать? Кто? Для мутантов это слишком сложно — отключить сигнализацию. Ведь так? — Тигрёнок мерил шагами серую проплешину поляны.

— Знал бы кто — убил бы на хер, — тихо произнес я.

— Неужели нету способа это узнать?

— Да какие уж тут способы... Могу посоветовать разве что гадание на кофейной гуще. Был у меня когдато приятель, сталкер по кличке План. Так вот он после того, как ему ногу на mine оторвало — тогда Периметр как раз в моду вошло минировать, — План податся в экстрасенсы. Теперь дурачит честных граждан в городе Луцке. Вот к нему бы обратиться не мешало! Он бы все прояснил: кто украл, какие кармы, что говорит эгрегор...

Тут мой взгляд упал на аномалию «царицыно зеркало», которое будто паутинка висело между двух стройных сосенок невдалеке от родника и слегка поблескивало своей невесомой псевдослюдяной поверхностью.

Зеркало, если кто вдруг не знает, имело такую странную особенность — записывать движущиеся картинки, которые в последние сутки-двое имели место быть непосредственно перед ним. И потом эти картинки воспроизводить.

Вот посмотришься в зеркало с утреца, пойдешь за хабаром, потом придешь к зеркалу спустя несколько часов, и оно — если его, конечно, не забыть инициировать — возьмет, да и покажет

твою небритую похмельную рожу в утреннем варианте. И еще прочее другое, что видело после, — допустим, драку трех оголодавших псевдогигантов над трупом четвертого...

«Инициировать» зеркало проще простого — достаточно провести источником открытого огня в десяти сантиметрах от его нижнего края.

И тогда слюдяной экран, невесомый, как паутинка, из пассивного «записывающего» состояния переходит в активное, «воспроизводящее».

«А что, если... А что, если зеркало «записало» и нашего вора? Ведь, когда Тигрёнок заступил на вахту, было уже достаточно светло! Могло бы и записать! Качество изображения у зеркала, и это известно каждой собаке, ни к черту. Но с другой стороны, какое такое качество мне нужно? Я же не собираюсь с этой записью на премию «Оскар» выдвигаться в номинации «операторское мастерство»! И по телевизору показывать его откровения не собираюсь!».

Это была неплохая идея. Неясно только было, где взять источник огня.

— Слышь, Тигрёнок, у тебя зажигалка есть?

— Ну... должна быть. — Спасеныш рассеянно похлопал себя по накладным карманам брюк.

— Ты же вроде не куришь?

— Не курю. Но Алёна курила. К сожалению, курила. Поэтому я всегда ношу зажигалку... Для нее. — Тигрёнок едва слышно всхлипнул.

Мы стояли возле царицына зеркала и под успокаивающее журчание родничка таращили глаза в изменчивые образы, которые отражала поверхность этой редкой и обычно совершенно бесполезной аномалии.

— Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи, — вспомнил я из классика, в очередной раз щелкнув зажигалкой у нижнего среза аномалии.

Появилось изображение.

Два темных ворочающихся свертка на земле, один чуть подальше другого. Вот эта гусеница в фиолетовом спальнике с оранжевой полосой — это я. А гусеница в кожаной куртке с капюшоном — это Тигрёнок. Налетевший порыв ветра раскачивает плавные еловые лапы.

Вот зюйд-вест гонит через зачарованную поляну Грибного Леса шар из сухих листьев. Гонит-гонит... гонит-гонит... и так пять минут.

До этого мы уже просмотрели несколько недлинных отрывков (зеркало не вело непрерывной «съемки», оно включалось и выключалось когда заблагорассудится) — и пришли к выводу, что документальный фильм «Хроники сегодняшней ночи» был редким занудством!

Практически артхаус, если вы знаете, о чем я.

Водись в Грибном Лесу какие-нибудь звери — как в нормальном, обычном лесу, — можно было бы рассчитывать по крайней мере, что «в объективе» появится попрыгучий четвероногий, как в передаче «В мире животных». Типа зайчик точит зубы об осинку. Медведик точит коготки о кору лежащего на земле дуба-исполина. Волчек глодает бедренную кость серенького козлика.

А так... мутанты в Грибной Лес, как уже было сказано, не ходили. А значит, даже на шоу вроде «две самца псевдоплоти дерутся из-за самочки» рассчитывать не приходилось...

Мы провели возле зеркала не меньше часа.

Да что там, я колесиком зажигалки мозоль себе на большом пальце натер! И я уже собирался потихонечку сворачивать этот унылый приватный просмотр, когда нам наконец повезло.

— Глядите-ка, Владимир Сергеич... Вот тень какая-то движется! — вкрадчиво сказал Тигрёнок, указывая пальцем на «экран». — Двигается. Со стороны тропы!

— Тень? Не вижу... Тебе показалось.

— Нет, не показалось, — настаивал Тигрёнок.

Через несколько секунд стало ясно, что он прав.

— А ты глазастый! Смотри-ка, действительно тень! Причем датчики «Весны-3» эта паскудная тень успела уже отключить! Вот сейчас он идет мимо этого пня — видишь? За ним спрятан датчик. Но датчик не реагирует. Значит, он уже что? Правильно, мертв.

Итак, мы увидели вора.

Тут не было сомнений!

И хотя грязное молоко утренних сумерек лишало картину четкости, мне лично было отлично видно, что вор, обогнув меня по максимальной дуге, сразу направился к шумно сопящему Тигрёнку.

Как видно, вор давно, возможно, уже несколько часов наблюдал за нами из кустов (наш брат-сталкер сказал бы, что вор «пас» Комбата и Тигрёнка). И загодя наметил план действий, которому потом неукоснительно следовал.

Вот он склонился над спящим. Вот он тянет, осторожно так, бережно, его ценный, набитый артефактами рюкзак.

Вот вор, не спуская с сопящего Тигрёнка глаз, надевает широкие лямки рюкзака себе на плечи. Плечи у него неширокие. Вообще он весь такой... не шибко накачанный.

Я, конечно, глядел на происходящее во все глаза.

Мне очень хотелось рассмотреть негодяя получше. Вероятность, что я знаю субчика, была не так мала, ведь зона-индустрия — она, как и Москва, нерезиновая. Однако ни на кого из моих знакомых, включая дальних недругов, вор не был похож. Ни походкой, ни жестами, ни манерой двигаться.

Как же выглядел человек, наказавший Комбата на хабар?

Невысокая юркая фигура, чьи движения, четкие и очень ладные, намекали, однако, на систематическую физическую подготовку.

Бейсболка с надписью «Nate Crime» (если кто не знает, это такой бесконечный сериал по общеевропейскому телевидению). В задней прорези бейсболки — хвост.

Камуфляжка и ботинки самого непритязательного фасона. Однако даже в зеркале было видно, что ботинки у персонажа хорошо сидят по ноге и плотно зашнурованы. По этой-то шнуровке, учил наставник моего наставника Дед Иван, аккуратная она или нет, всегда отличишь человека серьезного от человека пустого...

Наконец загадочный вор прошел совсем близко к зеркалу — на расстоянии вытянутой руки.

И я получил возможность, пусть промельком, но все же рассмотреть его лицо — с высокими, резко очерченными скулами, острым узким подбородком, слишком правильным, девчачьим каким-то носом... стоп!

Девчачьим носом.

В миг, когда я подумал про «девчачий» нос, наш вор остановился. Вытянул перед собой руку. И искательно проинспектировал... ногти на правой руке.

Что там, на ногтях, было не различить.

Но я знал, знал этот жест!

Он не мужской вообще-то. Совсем не мужской! Он женский!

И значил этот жест буквально вот что: «А ну-ка поглядим, в порядке ли мой маникюр? Не сломался ли ноготь на указательном пальце, который вчера маникюрша холила аж целых пятнадцать минут?». Я видел этот жест миллион раз. Вначале так делала моя дорогая мама, возвращаясь от своей двоюродной сестры тети Кати, которая работала в Институте красоты. Затем так делали мои жидкогрудые и писклявые одноклассницы перед Восьмым марта. Несколько лет спустя, когда я уже был студентом университета, так осматривали свои ухоженные коготки мои так называемые «девушки», потом мои так называемые «женщины».

Так делала даже моя первая жена Татьяна, вот именно так выгибая пальцы и испытующе склоняя набок голову. Так делала даже Ильза, принцесса Лихтенштейнская, после посещения сочинского салона красоты с непритязательным названием «Шарм»! А все почему? Потому что все бабы скроены по одному лекалу.

Как, впрочем, и все мужики.

— Послушай, Тигрёнок, — начал я несмело, — а тебе не кажется, что это...

— Что это девка, так?

— Фи, «девка»... Не «девка». Девушка!

— Кажется, Владимир Сергеевич. Уж больно талия у него... то есть у нее... узкая.

Я посмотрел на Тигрѐнка. Тот на меня. Нам было одновременно и смешно, и досадно, и чуточку страшно.

— Хренасе, — сказали мы в один голос.

Итак, выясняется.

Мало того, что нас обокрали. Так еще и обокрала нас девушка!

А кто у нас в Зоне девушки? Да никто.

Я лично девушку в Зоне не видел ни разу в жизни!

В качестве сталкера не видел, конечно. В барах-то пожалуйста, там сталкерские подружки попадаются... Ну или в качестве туристки — среди туристок изредка, раз в год, случаются даже условно симпатичные...

Ну то есть был еще, конечно, пресловутый сталкерский фольклор, по типу ОБС («один бармен сказал»)...

Мол, во времена легендарного Димы Шухова жила-была одна сталкер-девица, которую звали Василина, или Васенька.

Так эта самая Василина могла без всяких гаек да болтов по Зоне ходить, как по своей кухне. И, дескать, хабар эта самая Василина добывала в таких количествах, что пятеро ее братьев, которые остались без мамы и папы в далеком городе Мариуполе, ни в чем не нуждались: едали на серебре и золоте, чин чином, и поступили потом все пятеро, как положено, в Московский Государственный Институт Международных Отношений, на коммерческое отделение. На дипломатов учиться.

Но ни одной фотографии этой самой Василины я не видел! И ни одной видеосъемки! И никогда не знал лично никого, кто мне поклялся бы, что Василину эту видел и осязал как реального человека. Говорят, была эта Васинька плечистой шатенкой ростом 190 см. С длинной, до пояса, косой. Верите? Я — нет.

Кто у нас еще?

Еще имелся у нас персонаж по имени Евгения Петровна.

Когда я был зеленым долбоклюем с претенциозной кличкой Сэнсэй, ходили слухи, что орудует в Зоне особа предпенсионного возраста. Пред-пен-си-он-но-го.

Звали ее также тетей Женей. Припоминаю, говорили, что тетя Женя охотится исключительно за «черепаховыми панцирями», которые ее муж (говорили, существует и такой) сбывает какой-то загадочной израильской фирме за нормальное ловэ. По поводу того, что они там в Израиле делают с артефактом «черепаший панцирь» (который «сгущает» вокруг себя любую физическую среду, в которой оказывался), строилось много гипотез, включая самые странные. Помню, мой побратим Кнопка утверждал, что «панцирями» что-то там делают с бензином. Повышают его октановое число или что-то вроде.

Ну а кроме Евгении Петровны... Ничего на ум не шло.

Сталкерские подружки и туристки — те, конечно, не в счет.

С подругами все более или менее ясно. В эту категорию женщин заносила либо жадность (сталкеры — пацаны при деньгах), либо глупость (сталкеры — крутые пацаны, которым сам черт не брат), либо любовь (которая зла, поэтому, как обычно вводите козла).

Обычно же сочетание первого, второго и третьего, которое зовется «жаждой полноценной жизни».

Что же до туристок, то все женщины-туристки были гребанутые. Потому что нормальная женщина, имея немалые деньги на нелегальную туристическую «ходку», в Зону не пойдет ни за какие коврижки. Потому что это вредно для здоровья. Это старит. И главное, совершенно невозможно ходить по Зоне на каблуках!

Вот такой вот получался шерше ля фам.

И выводы из всех этих рассуждений следовали какие?

Да хрен его знает.

То ли такие, что раз нас обворовала женщина, то найти ее будет легко. Ну или, скажем, чуть легче, чем вора-мужчину.

А может, и такие, что раз мы имеем дело с женщиной, которая не боится ходить по Зоне одна, да еще и не дрейфит попятить у такого опытного добытчика, как Комбат, его хабар в самом сердце Грибного Леса, значит, найти на нее управу будет очень нелегко. Потому что скорее всего это не женщина, а сам дьявол в юбке.

Впоследствии оказалось, что насчет дьявола в юбке я был как никогда близок к истине.

— Вот поглядите, что я нашел, — громко сказал Тигренок.

Я обернулся. На указательном и третьем пальце мой спасеныш распылил резинку для волос. Розовую, как шиповников цвет. На резинке висел длинный черный волос.

«Это её...».

Глава 12 Погоня

I follow you
you smell so good
I find you — so good.

You Smell So Good, Rammstein

Завтракали мы с Тигренок в подавленном настроении.

Я мысленно называл нас словом «лузеры», которому научил меня подопечный турист Джереми. Почему бы и не лузеры? Ведь слово «лузер» — оно происходит от английского глагола to lose, терять. Потеряли хабар — лузеры.

Думал же я о том, как искать воровку.

И чем больше думал, тем вернее мрачнел.

То есть я не исключал, что благодаря какой-то случайности мы найдем ее за пределами Зоны — например, столкнувшись с ней нос к носу на рынке в Красноармейске, где сталкеры самого низшего разбора толкают таким же лохам, как они сами, самые дешевые артефакты. А вдруг она пойдет туда продавать «ножницы» и «подсолнух»?

А может, благодаря еще более случайной случайности мы столкнемся с мерзавкой в самой Зоне? В тот момент, когда ее будут курочить две упитанные химеры и два-три бюрера...

Да-да! Химеры! Мы укокошим химер, завалим бюреров и спасем красу-девицу от неминуемой гибели.

Тогда она растрогается, с искренними слезами на глазах извинится перед нами за то, что совершила, и вернет нам наш хабар с обещанием помогать нам словом, делом, а главное, деньгами до конца своей жизни!

«Интересно, как ее зовут?» — спрашивал себя я, перемалывая челюстями сухой крекер со вкусом креветок.

Получалось беспонтово. Ни один следопыт — в том числе и ни один Комбат — не сможет удерживать след другого сталкера сколь-нибудь длительное время. Ну вот, положим, обнаружим мы следы воровки. Неким загадочным образом. Ну начнем преследование. Но вот уже рассчитывать на то, что рано или поздно оно увенчается успехом, никак не приходится.

А что у нас техника? Ведь все-таки двадцать первый век, прогресс. В Японии вон даже биде к спутниковому телевидению подключены!

Я вновь вспомнил о Синоптике с его тройным тарифом. Позвонил.

— Алё, Синоптик? Как дела? — спросил я наигранно-бодрым тоном.

— Как в Польше. У кого толще, тот и пан.

Уже по первым словам я понял, что он снова выпимши и расположен поболтать.

— Что-то случилось? — поинтересовался я.

— Зуб вырвали... Коренной! Шестерку!

— Какой кошмар!

Я знал: о себе любимых — о своих зубах, своих болячках, своих детках и пищевых привычках — люди способны говорить часами, десятками часов. А если кто поддерживать такие разговоры не может или не хочет — тот, значит, враг народа, и тому не будет ни помощи, ни содействия. В то время как мне нужна была от Синоптика именно помощь. И именно содействие.

Поэтому я политично спросил:

— А наркоз-то хоть давали? Ну, когда зуб тебе рвали?

— Давали. Но больно было все равно, — заявил Синоптик по-мальчишески плаксиво.

— А я про наркоз стишок смешной знаю, — как бы невзначай ввернул я.

— Стишок?

— Да. Ну то есть может тебе не понравиться...

— Понравится.

— Тогда слушай:

Быстро подействовал общий наркоз,
Доктор со скальпелем руку занес...
Долго хвалили коллеги врача,
Свежее мясо домой волоча!

Синоптик громко заржал. И ржал довольно долго — минуты полторы, то и дело переходя на надсадный кашель курильщика, а из кашля снова возвращаясь в жизнерадостный гогот.

Таким образом, его смех стоил мне никак не меньше трех полных обойм к пистолету «Хай Пауэр». Но я надеялся, что они в итоге окупятся, ибо то, о чем я собирался просить Синоптика, было делом определенно непростым и по-своему опасным. В таких случаях почву надо подготавливать с особым тщанием и любовью.

Короче говоря, настроение у Синоптика вроде бы стало получше. Даже на расстоянии я чувствовал — он улыбается.

— Ладно. Говори, чего надо, Комбат.

— Нелегального, конечно. Ты же меня знаешь.

— Нелегального? — ухмыльнулся Синоптик. — Да у меня большая половина услуг нелегальная. А вторая половина — сугубо нелегальная. Конкретику давай.

— Грибной Лес погляди за сегодняшнее утро. С пяти до семи.

Синоптик завозился, заерзал там, на том конце.

Как видно, подъехал на своем колесном кресле поближе к клавиатуре компа.

— Ну... допустим... гляжу, — сказал он. — Что именно глядеть?

— Окрестности пятого-седьмого-второго квадрата. Это родник. Все транзитные прохождения нужны.

— Ну... Вижу некоего мужика по имени Комбат... И еще какого-то перца. Неидентифицированный, аноним. «А ноль девятнадцать». Но он все время находился рядом с Комбатом, этот аноним.

— А еще?

— В радиусе пятисот метров от вас никого не видать. И даже километра.

— А в радиусе двух? — У меня волосы на голове зашевелились от собственной наглости.

— И в радиусе двух. Кого ты, кстати, ищешь?

— Да бабу одну. На хабар нас выставила, сучка.

— Бабу? В смысле женщину-сталкера? — В голосе Синоптика сквозило искреннее удивление.

— Ну да. Не слыхал про таких, что ли?

— Разве что в похабных анекдотах.

— Вот и я. А теперь похабные анекдоты из анекдотов стали быльё!

— Сочувствую.

— Сам себе сочувствую, брат, — тяжело вдохнул я.

В общем, номер с Синоптиком не прошел.

Увы, отрицательный результат в нашем случае не был результатом. Потому что он почти ничего не значил. Кроме того, что посторонних людей с такими ПДА, трекинг которых можно было осуществлять при помощи сетей трекинга, доступных Синоптику для взлома, с пяти до семи утра через Грибной Лес не проходило.

Вам ясно?

Я обошел окрестности нашей ночной стоянки.

А вдруг где-то установлена белая табличка с разборчивой надписью «Я пошла вон в ту сторону»? Или, может быть, кружевные трусики вывешены как-нибудь этак, стрелкой, указывающей на северо-восток или юго-запад?

Однако ничего такого в реальности не наблюдалось.

— Может быть, она к бару пошла? И сейчас там за бокалом «Маргариты» отдыхает? — предположил Тигрёнок.

— Ага, нашел тоже дуру. Да она опытная и хитрая тварь! Знает, что такое «сникерс». А раз знает, что такое «сникерс», и особенно знает, где его купить, значит, после кражи в бар не сунется ни за какие коврижки!

Как будто единственную бабу в Зоне можно с кем-то «спутать» или «принять за другую».

В бар она не сунется. А куда сунется? Непонятно.

Вот если бы у меня было обоняние, как у собаки...

И стоило мне подумать про собаку, как я заметил перед собой, прямо на тропинке, ведущей к поляне с родничком, чернобыльского кобеля. Выродка, мутанта, исчадие местного некробиотического ада.

Пес стоял на своих четырех лапах довольно твердо, хотя сами эти лапы были тощими, мосластыми, похожими скорее на бамбуковые палки, чем на ноги физически полноценного животного.

Серо-черная шерсть зверя была словно побита молью. Тут и там его тусклую шкуру украшали длинные бурые шрамы.

Уши слепого пса были прижаты к голове. Глаза его были почти намертво залеплены желтыми восковыми веками.

Хвост совершал медленные колебательные движения, в которых было что-то гипнотизирующее. Я был уверен, Тигрёнок смотрит на нашего незваного гостя, отвесив нижнюю челюсть. Редкой мерзости экземпляр.

Через несколько мгновений между мной и Псом завязался такой вот телепатический диалог.

— Чего ты хочешь, человек? — спросил меня Пес.

Я явственно услышал этот вопрос внутри своей черепной коробки. Но в отличие от предыдущих разов не испытал приступа паники по этому поводу (может, общение с Лидочкой Ротовой подействовало?). Я даже закрыл глаза — чтобы визуальная картинка не мешала концентрироваться на получаемой информации.

— Я хочу найти женщину, которая была здесь. Это ее вещь. — Я растянул на двух пальцах розовую резинку, которую нашел Тигрёнок.

— Это просто, человек, — сказал Пес.

— А чего хочешь ты?

— Я хочу твоей воды. — Пес повернул морду туда, где журчала вода. Его ноздри жадно втянули воздух.

— Это вода не моя, — честно признался я. — Это вода общая.

— Пока ты и молодой из твоей стаи здесь, я не могу напиться, — сказал Пес. — А мне очень хочется пить!

— Я могу разрешить тебе напиться, — слукавил я.

Уж такая у нас, людей, натура — все время выгадывать и лукавить, пытаюсь обернуть ситуацию в свою пользу. — И сказать молодому, чтобы он разрешил тебе тоже.

— Я буду благодарен тебе, — сказал простодушный Пес.

— Но одной благодарности мне будет мало!

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе найти ту женщину?

— Да, я этого хочу. Я разрешу тебе выпить. Прямо сейчас. А ты поможешь мне найти женщину.

— Я помогу, — пообещал Пес.

Я открыл глаза и посмотрел на Тигрёнка, как мне показалось, ободряюще. Но со стороны, как видно, взгляд мой ободряющим вовсе не выглядел. А выглядел ошалелым и полубезумным.

— Что с вами случилось, Владимир Сергеевич? — спросил Тигрёнок.

— Да так, недавняя контузия. В воронке побывал... Голова болит иногда. Вроде как мигрень или что-то такое.

— А обезболивающие? Если что, у меня с собой есть кетанов...

— Ни к чему это. Ни к чему. — Я потер виски пальцами.

— Я, собственно, чего хотел-то, — после сочувствующей паузы сказал Тигрёнок. — Вон там, в кустах... видите? Пес черномыльский стоит... Страшный такой. И, похоже, голодный.

Пес был действительно страшен, как слово на букву «п», прекрасно рифмующееся со словом «конец».

— И ну? — не понял я.

— Может, пристрелить его? Или что? — предложил Тигрёнок.

— Что-то ты, друг мой, разборзился не на шутку. Пристрелить! Чего ж его стрелять, если он нам воровку нашу найти поможет!

— Он? Поможет? Шутите, что ли?

— Ни полпраза не шучу. Вот сейчас попьет, понюхает эту резинку для волос — и будет нашим проводником. Так что не мешай животному своими агрессивными мыслями. Он ведь все чувствует телепатически. И вообще, если хочешь знать, поумнее многих людей.

Тигрёнок смотрел на меня, как дети смотрят на фокусников — со смесью жгучего любопытства, страха и нетерпения. Мол, совсем не понятно, как ты это делаешь, дяденька, но побыстрее новый фокус показывай, мочи нет терпеть!

— Пропустим его. Пусть попьет.

Мы сошли с тропы. Тигрёнок даже немного развел руки в жесте интернационального примирения. Что было псу до лампочки, я полагаю. ...Пес пил долго и вдумчиво, пока обрюзгший и слегка обвисший живот, покрытый свалывшейся шерстью песочного цвета, не сделался похож на бурдюк.

А затем он встал в двух метрах впереди нас и, бросив царственный взгляд через плечо, пошел, медленно ступая.

«Она далеко. Будьте терпеливы. Идите за мной», — услышал я.

— Пойдем. Труба зовет, — бросил я Тигрёнку, надевая рюкзак.

Ходить за черномыльскими псами по Зоне — не самое простое занятие.

Начать с того, что слепой пес — он здесь абориген.

А мы, даже самые профессиональные из нас, — все одно чайники, как нас ни назови.

Пес соображает быстро — где повернуть, где обойти, а где, наоборот, ломануть напрямик. Настолько быстро, что я даже не уверен, что дело в соображении.

У пса, показалось мне, в мозг встроена антенна, через которую Господь Бог транслирует ему оптимальный маршрут...

Два раза тварь обминула гравиконцентраты в каких-то сантиметрах от границ зоны захвата.

Трижды мы едва не вляпались в птичью карусель, неверно истолковав маневр четвероногого мутанта.

Один раз Тигрёнок едва не угодил в зыбь...

К счастью, достаточно быстро Пес понял, что нам трудно держать заданный им темп, и чуток сбавил скорость.

В общем, мы счастливо миновали ельник, примыкающий к Грибному Лесу, пересекли

Черный Ручей и даже прошли через Пустыню — так назывался неприглядный и страшно богатый на аномалии пустырь, где не росло ничего, даже травы.

Мы настигли воровку уже затемно, возле Сторожки. Так называли мы, сталкеры, одинокую хату-мазанку, которая стояла на границе смешанного леса, начинавшегося сразу за Пустыней.

Хата была окружена садиком. Садик — забором из неокрашенных жердей. И если бы только стекла в строении не были выбиты, если бы не дышали такой первозданной жутью оконные проемы, взятые в аккуратные лазорево-голубые переплеты и заколоченные изнутри почерневшими от времени листами фанеры, ее можно было бы принять за вполне жилой домишко какой-нибудь хлопотливой старушечки по имени Матвеевна или Ильинична.

Да... А вон в том сарайчике у Матвеевны перетаптывается, ожидая дойки, вредная серая коза с желтыми глазами. А в том амбаре имеется погреб, набитый картошкой, луком и «консервацией»...

— Твоя женщина там. Внутри этого человеческого дома. Она уже спит. Я выполнил обещание. Мне пора, — сказал Пес, поворачивая к нам с Тигрёнком свою облезлую, в розовых язвах слепую морду.

— Спасибо тебе, Пес. И прощай! — мысленно ответил ему я.

Проводив тварь задумчивыми взглядами, мы с Тигрёнком заковыляли с возвышенности к Сторожке.

Воровка, значит, спит... Нам обоим тоже хотелось спать! Еще и как!

Увы, судьба не предоставляла нам такой возможности.

Я взял под прицел входную дверь Сторожки, направил на крыльцо луч своего мощного «Гелиоса Люкса» и сказал как можно более громко.

— Девушка! Уважаемая девушка не-знаю-как-вас-звать! Мы — те самые идиоты, у которых вы сегодня ночью украли контейнер с хабаром. Это было в Грибном Лесу. Мы выследили вас и настоятельно требуем, чтобы вы добровольно отдали нам украденное. В противном случае мы будем вынуждены применить силу! Возможно даже, я отстрелю вам ползадницы!

Повисла пауза.

В доме было тихо и совершенно темно.

«А вдруг Пес ошибся? И никакой воровки там нету?».

— Девушка! — продолжал прессовать гипотетическую незнакомку я. — Нас двое, а вы одна. Один раз вы смогли обвести нас вокруг пальца. Но во второй раз проделать этот фокус вам не удастся! Кстати, мы даже не настаиваем на том, чтобы вы вышли к нам лично. Нас устроит, если вы выбросите из двери рюкзак, который позаимствовали у нас, и два наших контейнера для хабара. Один — с артефактом «подсолнух». Другой — с «кварцевыми ножницами».

С теми или иными вариациями я продолжал зачитывать такие вот читки в течение десяти минут. У меня даже в горле начало першить с непривычки. И когда мое терпение уже почти истощилось, когда я уже решил вломиться в дом, предварительно высадив ногой хлипкую дверь, на пороге Сторожки появилась она, женщина-сталкер.

Что ж, несмотря на изможденный вид, несмотря на замызанное камуфлю, она была красива.

Отменно сложенная, с нежным, узким лицом, она была похожа на... античную богиню, зачем-то одевшуюся в современную нам одежду. Ее густые черные кудри струились по ее плечам, одновременно сообщая и о неугомонном нраве, и об отменном здоровье девушки. На вид ей было никак не больше восемнадцати.

«Маловато для такой негодяйки», — искренне изумился я.

В руках негодяйки был рюкзак Тигрёнка.

— Я сдаюсь! — громко сказала девушка. — Не стреляйте! Пожалуйста.

— Вот и славненько, — крикнул я и как-то очень по-ментовски потер руки.

Мы сидели в единственной комнате Сторожки возле печки — впрочем, нетопленной — и ужинали чем бог послал.

В ту ночь бог послал бутерброды с сыром, банку «Завтрака туриста» и шоколадку «Чайка»

— всем этим угощала нас запасливая девушка-воровка. Да-да, еще пятнадцать минут назад мы были смертельными врагами. Но теперь, после того, как она вернула нам украденное, врагами мы быть перестали.

Согласен, в жизни такие расклады маловероятны.

Но в Зоне бывает и не такое! Может быть, потому, что тут, случается, само время течет быстрее? А может быть, потому, что в Зоне ты начинаешь острее чувствовать условность всякой мелкой вражды. Какая уж тут вражда, когда сама Смерть ходит за тобой по пятам и вот-вот коснется твоего плеча своей холодной костлявой рукой?

— Как тебя зовут-то, кстати? — спросил я с набитым ртом.

— Гайка.

— А по-нормальному? По-человечески?

— Ира, — сказала девушка, как мне показалось, довольно неприветливо.

— Ириша, значит, — удовлетворенно заметил я. — А в Зону давно ходишь?

— Да больше года уже.

— Что-то я тебя раньше тут не видел.

— Да наверняка видели. Только из других отмычек не выделяли.

— Такую хорошенькую девушку я бы не пропустил!

— А я не как девушка ходила. Я косила под пацана.

Я посмотрел на нее с недоверием. Как девчонка может «косить под пацана»?

Впрочем, такая — может.

Фигура — спортивная. Лицо — волевое. Грудь можно спрятать (это не трудно, поскольку там явно никак не больше первого размера). Говорить следует поменьше и желательно баском...

Да, пожалуй, эту смелую брюнеточку, если она понижее натянет козырек своей бейсболки с надписью «Nate Stime», можно действительно принять за пацана.

Особенно если заранее не настраивать себя на неизбежность отыскания женских черт.

— Скажи, если ты раньше косила под пацана, то почему сейчас решила вернуться, так сказать, к корням?

— Чего? — Гайка неприязненно уставилась на меня, словно хотела сказать: «Ну ты дядя и загнул!».

— Ну, снова стать девчонкой?

— А надоело. Я тут с девчонками познакомилась. С феминистками. Так они мне все объяснили про то, как общество подавляет женское.

— С феминистками?

— Ну да. Короче, быть женщиной почетно. Я это, короче, осознала.

— Круто, — озадаченно промолвил я.

— И потом, раньше я беззащитная была, даже без оружия нормального. А теперь и сама за себя постоять могу. А раз могу, значит, и обличье пацанское мне больше ни к чему.

— Мародеров не боишься?

— Мародеров?

— Ну да.

— Боюсь, — честно сказала Гайка и потупилась. — Но вы же не мародеры?

— Матерых мародеров даже мы с Тигрэнком боимся. — Я кивнул в сторону своего молодого товарища.

Мы доели ужин. Выпили чай. Физиономия Гайки сделалась совсем печальной. Она поглядывала на нас искоса, словно маленький волчонок. Будто это не она у нас, а мы у нее хабар ночью стибрили.

— Что куксишься? — спросил я.

— Да вот размышляю. Как вы меня наказывать-то будете?

— Никак. Чего тебя наказывать?

Тигренок, до этого безучастно пожиривший свой ужин, поднял на меня недоуменный взгляд. Оно и неудивительно, ведь всю дорогу от Грибного Леса до Сторожки я втирал ему про кары, какие я обрушу на голову воровки, когда ее все-таки настигну. Было там и колесование, и

четвертование, и, конечно, скормливание заживо припять-плавунцам с раками-гороскопами.

— А с чего это вы такие добрые? — задача Гайка более чем резонный, но в ее устах неожиданный вопрос. — Я у вас хабар увела, а вы...

— Да что с тебя взять-то? Была бы ты мужик, я бы тебе репу начистил. В случае сопротивления — возможно, и пристрелил бы. Атак...

Гайка молчала — как видно, недоверчиво наслаждалась моим запредельным благородством. А затем сказала:

— Послушайте, мужики. Мне очень стыдно перед вами. Вы такие классные! — Мне показалось, она говорит искренне. — Но я знаю, как мне загладить свою вину. Ну хотя бы отчасти...

— Говори.

— За сколько вы планировали продать «кварцевые ножницы»?

— В смысле? — Мое лицо отразило недоумение.

— Ну вот кто скупает у тебя хабар, Комбат?

— Хуарес, который «Лейку» держит. Может, знаешь.

— И сколько Хуарес даст тебе за «ножницы»?

— «Ножницы» не продаются! — не дожидаясь моей реакции, запальчиво крикнул Тигренок.

— Правильно, «ножницы» не продаются, — согласно кивнул я.

— Хорошо, — терпеливо вздохнула Гайка. — А «подсолнух» — «подсолнух»-то хоть продается?

— «Подсолнух» продается.

— И сколько вы планируете за него взять?

— Ну... Три косых. Или четыре. Если реалистично.

— Говори максимальную цену, не стесняйся!

— Четыре с половиной.

— А я сделаю так, что вы с Тигрэнком получите шесть! — Глаза Гайки азартно заблестели.

— Но как? У тебя что, печатный станок дома?

— Зачем еще?

«Ох, туповата молодежь пошла», — подумал я.

— Станок, который деньги печатает.

— Нет у меня никакого станка. Но я знаю правильные каналы сбыта! — скромно заявила Ира.

— Что ж, я не против. И когда же мы получим наши шесть косарей?

— Если пойдете сейчас со мной — уже завтра днем.

«Стало быть, сделка прямо в Зоне состоится? Выйти-то мы явно не успеваем... Или она вертолет вызовет? Нет, чушь. Если бы по заявкам этой девицы вертолеты прилетали, у нас бы никак не вышло ее так легко догнать и сцапать».

— Допустим, мы согласны. Мы же согласны? — спросил я у Тигрénка для проформы.

Для Тигрénка, я подозреваю, шесть тонн были суммой, которую он ни разу в жизни не держал в руках.

К чести моего спасеныша, он смог сделать рожу кирпичом. И не только.

— Мы хотим шесть с половиной! — нагло заявил Тигренок и веско хлопнул себя открытой ладонью по колену.

От изумления я чуть не упал с перевернутого ведра, на котором сидел. Ну дает!

— Это обдираловка, — твердо сказала Гайка. — Если вы получите шесть с половиной, я получу всего пятьсот. А это как-то... маловато!

— Послушай, Ириша, — сказал я, — мне кажется, в твоём положении лучше того... быть поскромнее. Нихт?

— Ладно, — кивнула она после ярко выраженной внутренней борьбы, которая заключалась в полуминутном мрачном сопении.

— И еще я хотел бы знать, куда именно мы отправимся после того, как мы все трое

переночуем здесь, в Сторожке. Где это «подсолнухи» за внеэкономические деньги скупают?

— Мы отправимся на базу «каперов».

Я присвистнул от удивления. У девчонки, что называется, был кураж. И даже, так сказать, стиль.

Вот, к примеру, взять меня. Крутой? Крутой. А на базе «каперов», которые в последний год, что называется вошли в силу, я ни разу не был. Потому что боялся, уж очень стрёмные вещи про этих «каперов» рассказывали.

Я, значит, боялся. А эта малолетняя Гайка, значит, нет!

— И что, ты кого-нибудь из «каперов» лично знаешь? — осторожно поинтересовался я.

— Кое-кого знаю, — загадочно промолвила девушка.

Я примолк и налил себе еще чаю из заварочной чашки, которая томилась на хилом спиртовочном огоньке.

«Конечно, Гайка мерзавка, — размышлял я. — Мерзавка, да. Хотя девушка она по-своему симпатичная — дерзкая, отважная, интересная внешне... Но доверять ей ни в коем случае нельзя. Ни в коем случае».

Допив чай, я сказал Тигрёнку:

— Ну вот что, друг сердечный, таракан запечный... Спим, как обычно, по очереди. Несем вахту. Охраняем покой нашей дорогой подруги. А то мало ли что — захожий бюрер или, допустим, снарк...

— Вас понял, Владимир Сергеевич, — отрапортовал Тигрёнок. — С вашего позволения я запру входную дверь на засов и сяду возле нее. Окна ведь все равно заколочены, так? Значит, чтобы она не удрала, достаточно заблокировать дверь.

Конечно, ему требовалось поддержать мою игру и сказать что-то вроде: «Значит, чтобы снарк не вломился, надобно заблокировать дверь».

А называть вещи своими именами вредно, да.

От меня не укрылся гневный взгляд, который Гайка метнула в Тигрёнка. По этому взгляду было ясно, что лучшими друзьями они скорее всего не станут.

Но я сделал вид, что этого взгляда не заметил.

И что все к лучшему в этом лучшем из миров.

— И, кстати, мы тут одну ценную вещь подобрали, — сказал я, протягивая Гайке ее розовую резинку. — Забирай назад, пока я не продал ее извращенцам-фетишистам.

Глава 13

Как молоды мы были, как кровососов били...

Tell te why love is war
When the battle is done you still want more
Every broken heart is trying to even up the score
It's the way of the world, love is war.

Love Is War, Bon Jovi

К базе «каперов» мы подходили со стороны леса, а не со стороны того эпического вала, с недавних пор знакомого каждому сталкеру, который-то и стал своеобразной эмблемой этого клана. Скажем, если бы я был дизайнером, которому «каперы» заказали свой логотип (это из разряда ненаучной фантастики, конечно), на этом логотипе я бы изобразил их вал...

К слову, странные они были ребята, эти «каперы» — страннее «Монолита», «Долга» и «Свободы» вместе взятых.

Чего они хотели — толком никому было не ясно.

Понятно, что власти. Власти хотят все. Понятно, что денег — потому что без денег какая же

власть? Но зачем им была власть? Зачем деньги? Вот чего не понимал ваш Комбат. А когда я чего-то не понимаю, я этого сторонюсь.

А Гайка вот, значит, не сторонилась...

Что же, не один и не два раза мне говорили, что цены, по которым артефакты у населения скупают «каперы», — выше, чем цены у прочих барменов. Но чтобы настолько... Нет, вы не подумайте. Я не подписывал никаких контрактов, согласно которым я обязан сдавать хабар Хуаресу до окончания времен. Но все же ответ на вопрос, с кем именно из «каперов» надо на эту тему побазарить, чтобы оставить Хуареса без его прибыли, а меня с моими деньгами, для меня был туманным, гадательным...

А вот Гайка, оказывается, знала «концы». Хотя и была моложе меня лет минимум на пять. А может, и на все десять. С этими женщинами никогда не разберешь, сколько им лет...

В какой-то момент мне показалось, что я знаю ответ на вопрос, откуда у такой юной леди, которая вдобавок не так-то уж и давно в Зоне, такое количество дерзости, напора и такая осведомленность. Да она просто водит нас за нос! Берет на понт! Обманывает!

Я решил проверить свою смелую гипотезу.

— Послушай, Гайка... А ты сама-то была когда-нибудь на базе «каперов»?

— Конечно, была! Не меньше десяти раз. А может, и больше, — отвечала девушка, вполне профессионально обследуя подозрительную проплешину на нашем общем пути.

— Ты говорила, что знаешь кое-кого лично из этого клана? — не отставал я. — Это правда?

— Конечно, знаю! И много кого! Макара знаю, который у них по военной части самый главный... И бармена знаю. Его Верблюд зовут. Он хабар покупает...

Вербует новичков... Скользкий тип. — Гайка брезгливо подернула плечом.

— Про Верблюда я слышал, — соврал я. — А из старших кого-нибудь видела?

— Шиву видела... Один раз... И женщину его видела.

— Ее Шакти зовут, верно? — ввернул я. Даже удивительно, как я запомнил это имя. Память-то у меня в принципе довольно дырявая.

— Да, Шакти. Она сильная женщина. И, кстати, выше Шивы почти на голову... А может, и на две. Так это она без каблучков выше! А если она каблучки наденет, так будет выше на все три головы, представляешь? — Гайка озорно усмехнулась и посмотрела на меня самым что ни на есть девчоночьим взглядом.

Я тоже улыбнулся. В эту минуту мне стало жаль, что с озорницей Гайкой мы всего лишь партнеры по бизнесу. И что идем мы на базу к сумасшедшим психам, сдавать хабар. А вовсе даже не в танцевальный клуб на вечер аргентинского танго и не в ресторан тайской кухни...

Мы шли через еловый лесок по тропе, густо устланной сухой хвоей. Тропа была сравнительно безопасной — было видно, что ее прокладывали с умом и пониманием.

Неожиданно справа от тропы я заметил... телефонную будку самого что ни на есть кондового советского дизайнера — желтый металлический корпус с красными ручками. Таких будок было не меньше пяти в Мертвом городе... Да и на Дикой Территории они кое-где попадались (откуда взялись? еще одна загадка Зоны, кстати). Но только там они были старые и ржавые. А эта была новенькая, свежеокрашенная, без всяких следов гниения или ржавчины.

— Стойте здесь, — скомандовала Гайка нам с Тигрэнком.

И, сверившись с датчиком аномалий, двинула прямиком к будке.

Вошла внутрь. Закрыла за собой дверь. Набрала на дисковом циферблате старинного телефонного аппарата какой-то одной ей известный номер.

— Это Гайка. Несу хабар. Да, ценный... Ах, эти? — Гайка обернулась к нам и подмигнула мне с какой-то непонятной подначкой. — Мои друзья... Зовут? Одного зовут Комбат... Да-да, тот самый... А другого — Тигренок... Какой Тигренок? Наверное, уссурийский... Почему? Ну как почему... Есть же уссурийский тигр... Значит, должен быть и уссурийский Тигренок... Спасибо.

— Идем.

Мы с «уссурийским» переглянулись. Удивительная девушка была эта Гайка. Энергии у нее было так много, что рядом с ней мы оба смотрелись какими-то вялыми идиотами.

«Не баба, а ядерный реактор в юбке, — подумал я.

И добавил про себя: «А впрочем, в какой юбке? Юбку она небось со школьного выпускного ни разу не надевала...».

Странное дело! Охрана, которая у входа на базу «каперов», конечно, имелась, и притом в изобилии, не разоружила нас, как сделала бы охрана всех прочих сталкерских кланов. Нас лишь попросили отстегнуть магазины.

Нужно ли говорить, что я, завсегдагай бара, где, случается, шмонают почище чем в исправительно-трудовых учреждениях, был крайне удивлен.

— «Каперы» ни фига не боятся, — прокомментировала это обстоятельство Гайка.

— Неужели! Почему?

— Шива говорит, что силен лишь тот, кто позволяет другим проявлять свою силу.

— Цитирует кого-то, наверное? — предположил я.

— Наверное, цитирует. Шива мужик образованный... Книги читает... Не чета нам с вами...

«Нас с вами» я лично легко проглотил. А вот Тигрёнок, интеллигент в шестом поколении, которого, как я заметил, Гайка раздражала неподдельно, глотать такие оскорбления намерен не был.

— Я бы попросил не обобщать насчет образования, Ирина, — возмущенно прошипел Тигрёнок. — И насчет книг тоже.

Я думал, Гайка скажет: «Извини, не хотела тебя обижать». Но она этого не сказала. Лишь ухмыльнулась этак заносчиво.

«Девушка с характером, итить ее двадцать», — констатировал я.

Бар «каперов» располагался во чреве гигантского транспортного самолета Ан-124 «Руслан», который потерпел катастрофу над Зоной в незапамятные времена.

Ну как «катастрофу»? Если быть точным — он совершил вынужденную посадку, поскольку «Руслан» отнюдь не разбился вдребезги, как обязательно случилось бы при беспорядочном падении.

Ну как «в незапамятные времена»? Лет десять назад. Точной даты я, конечно, не знал. Как и причин катастрофы.

Скажем, когда я, бывший студент-физик, начал ходить за хабаром в обществе друга и земляка Кнопки, этот «Руслан» уже там лежал.

Правда, уровень, куда гробанулся гигантский воздушный красавец, был тогда, как говорим мы, сталкеры, закрытым. В первую очередь по причине зверской радиации. Никто туда не ходил, покой мертвых не тревожил. А потом этот уровень из закрытых вдруг перешел в разряд открытых (в первую очередь по причине резкой нормализации радиационного фона — такое в Зоне случается). Но я все равно им не интересовался.

А вот клан «Истина» — был такой — тот заинтересовался. И устроили они в брюхе того самого «Руслана» себе знатное обиталище — благо места внутри этого гиганта-транспортника очень много. Между прочим, доводилось мне слышать, что операция по очистке «Руслана» от аномальной флоры и фауны — не исключая и огромной колонии полтергейстов — сама по себе достойна анналов сталкерского искусства.

Длилась эта операция якобы три месяца, сожрала кучу ресурсов, и немало добрых молодцев сложили в боях с мутантами, монстрами и матрикатами свою буйну головушку. Зато и мутантов положили без счета. Говорили даже, одних щупальцев кровососов по итогам боев нарезали сотню штук. Я, правда, в эту цифру категорически не верю, но на правах метафоры и она говорит о многом.

Потом «Истина» как-то плавно сошла на нет, зато появился клан КПП, то есть «каперы». Было поначалу их совсем мало и никто про них, таких замечательных, ничего толком и не слышал. С «Истиной» их объединяло положение штаб-квартиры: во все том же «Руслане».

Бар тоже был там, в брюхе, разгороженном на манер столичных офисов, на множество отдельных, но все же сообщающихся друг с другом отсеков. Бар располагался совсем близко к

пилотской кабине.

Кто-то говорил мне, что в пилотской кабине у «каперов» якобы оборудовано что-то вроде мозгопромывочной. Там их старшой по имени Шива встречается с новобранцами, делает вливания «старослужащим», там он учит своих бойцов отличать добро от зла, ложь от правды, а говно от повидла...

Я лично в это не очень верил. Наверное, потому что знал: начальники любят, чтобы места в их святая святых было много. Чтобы сами объемы их кабинета уже подавляли подчиненного. А чем может «подавить» сравнительно компактная, даже на «Руслане» компактная, пилотская кабина с растрескавшимися стеклами вместо стен? Ну разве что осознанием того, что те, кто сидели за штурвалом этого самолета последними, — они уже мертвы. Но, честно говоря, даже самых малоопытных и нервно истощенных сталкеров таким трудно пронять...

* * *

Бар «каперов» оказался на удивление приличным и стильным — всюду стояла «дизайнерская» мебель, блестели хромированные детали, а стены украшали изрядные плазменные панели, где крутились у шестов и оглаживали себя по самым интересным выпуклостям... да-да, холеные загорелые телки, мастерицы стриптиза.

Столиков было нереально много — не менее двадцати. А вот народу — народу было много.

В самом дальнем углу сидел, сторбившись над тарелкой с перчеными куриными крылышками, какой-то неизвестный мне бродяга. Да еще рядом со стойкой отвисала пара сталкеров помоложе... Кажется, один из них, рыжий длинноволосый дылда в налобной повязке с обязывающей надписью «Resurrected», работал раньше на «Долг»...

Мы вошли, и Гайка, которая по-прежнему была в нашем отряде за главную, велела нам сесть за столик возле искусственной пальмы. А сама двинула напрямик к бармену, потолковать.

Расстояние между нашим столиком и барной стойкой было как раз таким, чтобы мы слышали звуки голосов — низкий хрипловатый голос Гайки и бархатный баритон бармена Верблюда, — но не могли разобрать толком ни одного слова.

К чести Гайки, первым делом она распорядилась поднести нам с Тигрёнком по сто грамм «синьки».

В обычной жизни я бы, конечно, предпочел пиво. Но в Зоне был верен заветам старика Хемуля: по эту сторону Периметра только «прозрачное»...

Тигрёнок испуганно покосился на ладный стаканчик водки, принесенный официантом, лощеным хлыщом лет двадцати пяти в стандартном камуфле и бандане.

— А закуски какой-нибудь у вас нету? — спросил Тигрёнок у подручного Верблюда.

— Какой именно закуски, брат? — с едва уловимым вежливым презрением, характерным, по моим наблюдениям, почти для всех халдеев, поинтересовался тот.

— Ну... конфет, например.

«Конфет! Держите меня семеро! Кто же это водку закусывает конфетами?» — подумал я, едва сдерживаясь, чтобы не улыбнуться.

— Конфет? К водке? — вторил моему недоумению официант.

— Ну или огурцов, — сдал назад Тигрёнок.

— Огурцы закончились.

— Закончились? Вы это серьезно? — удивился Тигрёнок, и меня вновь едва не скрутило от хохота.

— Совершенно серьезно, брат. Мы же все-таки в Зоне, а не на Тверской-Ямской. — Бармен, судя по всему, был россиянином, а не местным.

— А что есть? Ну, чем вообще закусывают водку?

— Чем-чем... Грибами, например. Принести лисичек?

Я посмотрел на пунцовые щеки Тигрёнка и решил положить конец мучениям моего малоопытного спасенья.

— Значит, так, — веско начал я. — Неси черные оливки с косточкой, зеленые без косточек, сырную тарелку и колбасную тарелку тоже. И еще по сто неси, наверное, сразу. Потому что погода шепчет: займи, но выпей.

— Про погоду это вы точно, — осклабился официант и взглядом указал в сторону ближайшего окна, стилизованного под иллюминатор (или это и был иллюминатор? не уверен). Окно было чисто вымыто. Сквозь него виднелась улегшаяся на лес свинцовая грозовая туча.

— Еще кое-что, — сказал я. — Вон той девчонке, которая сейчас с Верблюдом чирикает, — я указал на Гайку, которая, сняв свою бейсболку, стояла, выставив в нашу сторону свой спортивный задок и уперев локти в барную стойку, — вот ей двойной грейпфрутовый фреш.

— С коньячком?

— Без. Рановато ей еще коньяк хлестать, — ухмыльнулся я. — Пусть подрастет сначала.

Тем временем малолетний наш Тигрёнок смотрел на свой водочный стаканчик, как будто он был говорящий.

— Да ладно тебе стрематься. Опрокинул — и все дела, — поощрил его я.

Не подумайте чего — я категорически против спаивания подрастающего поколения. Просто бывают такие ситуации в жизни, когда надо. Просто надо — и всё.

Наконец Гайка, всласть наговорившись с барменом по имени Верблюд, обладателем какого-то не верблюжьего вовсе, а скорее бульдожьего лица — слегка отекающего, с выраженными брылами носогубных складок, вернулась к нам.

— Ну что, считай — заметано. Через полчаса Верблюд вынесет нам всю сумму. Мы ее поделим — и по домам.

Вид у Гайки был напряженно-радостный. Как видно, к деньгам она еще не привыкла. И каждая заработанная сумма радовала ее сильно и вполне искренне.

Я вновь испытал укол зависти — ведь сам я с некоторых пор был к деньгам не то чтобы совсем уж равнодушен... но как-то прохладен. Аж противно. Хоть не работай вовсе!

— Ты смотри, какая у нас бизнесвумен нашлась! — брякнул я подобревшим от водки голосом. — Сока вот выпей хотя бы... За сделку!

— Когда денег принесут, тогда и выпью, — не очень-то нежно бросила Гайка.

В полном молчании мы проглотили свой обед, состоявший из чего-то, отдаленно напоминающего шницель, и чего-то, еще более отдаленно напоминающего картошку фри (готовили у «каперов» прескверно).

Тем временем за стеклом иллюминатора полило. Да так изобильно, что мне даже показалось: вот-вот тушу «Руслана» смоет в Припять вместе со всем его хромированным содержимым (и нами троими).

Дождь ожесточенно барабанил по крыше самолета, ревела буря, гром гремел и, конечно, во мраке молнии блистали.

Я, всем известно, люблю порассказывать про то, какой я мастак ходить в дождь по Зонематушке. Но на самом деле я знаю: дождь дождем, а в грозу (полноценные грозы с молнией и громом, к слову, над Зоной случаются редко) из укрытия лучше не высовываться.

Знаете, что такое «контактная пара»? Так вот в грозу второй кочкой контактной пары становишься ты.

А первой кочкой становится небо над Зоной. И не дай Бог между вами займется заряд!

То есть это будет очень красиво — огненная дуга между человеком и небом. В этом даже есть что-то библейское, такое возвышенное, дерзновенное. Есть только одно «но»: этого библейского сюжета вы не переживете, потому что превратитесь в обугленную тушку.

— Послушай, Гайка, — начал я, опасливо озираясь, — а что у них тут с гостиницей? Вот в баре темных, который «Сталкер» называется, — там гостиница есть. Хотя и баснословно дорогая. А здесь с этим как? Остановиться можно? А то видишь, что на улице творится.

— Гостиница? Не знаю. Никогда не пользовалась. Деньги сэкономила, — с неожиданной для девушки честностью призналась Гайка.

Ее откровенность я оценил высоко — ведь я привык, что девчонки обычно упираются до

последнего, изображая из себя богатых наследниц. Разумеется, только если не планируют попросить у тебя денег. Обычно это звучит так: «До вчерашнего дня я ни в чем не нуждалась... но вчера почему-то начала...» — А ты можешь спросить у бармена?

— Я спрошу, конечно.

Гайка вернулась очень быстро. И лицо у нее было довольным.

— Гостиница прямо над нами. На второй палубе. Верблюд сказал, что после бара темных цены нас приятно удивят.

— А что еще он сказал?

— Еще он сказал, что для нас имеются две свободные комнаты. Одна с двумя кроватями. Другая — с одной.

— Значит, мы сегодня никуда больше не идем? — спросил Тигрёнок с явным облегчением.

— Сегодня нет. Пойдем завтра утром.

— Тогда мне еще водки! — развязно потребовал Тигрёнок, обращаясь к официанту.

— Ишь ты... Разошелся!

Сам я тоже был не против слегка подлечиться — уж больно окаянные дни пошли.

Я проснулся по своим меркам очень поздно — в районе восьми утра.

Поднял голову над подушкой, затянутой в наволочку странноватого для наволочки желтоголубого колеру («Из флага, что ли, перешли?»).

Кое-как уселся на кровати, свесив ноги вниз.

Попытался нашарить тапочки. Нашарил. Одноразовые. Белые. Махровые. Какие-то покойницкие. Вдел в них ноги.

«Ага... Я в гостинице... На базе «каперов»... «Каперы» — это группировка КПП... Никто не знает, что такое КПП», — вспомнил я.

На кровати напротив меня дрыхло нечто ушастое, длинное, с розовой пяткой.

«Это Тигрёнок... Я его из ленты спас... Из ленты. ру... То есть тьфу... Из Мёбиуса...». Тигрёнок лежал, откинув армейское одеяло со своего нисколько не могучего торса и свесив с кровати длинные руки. Он лежал так близко, что я мог бы достать его кончиками пальцев.

Впрочем, чего тут удивляться? В гостинице, которая расположена в баре темных, номера такие же крошечные и точно так же похожи на гробы, как и этот.

«Интересно, я не сильно храпел?» — подумал я виновато.

Во рту у меня было кисло и вонюче. «Будто припять-собаки насрали», — характеризовал это дивное ощущение мой закадычный друг Костя Тополь, тот еще трезвенник.

Потихоньку со дна памяти к поверхности — как пузырьки в шампанском — стали всплывать подробности вчерашней ночи. Или точнее, подробности вчерашней штормовой попойки.

Вот Гайка прижимает к груди контейнер с «подсолнухом» и уходит куда-то с барменом Верблюдом. Ее довольно долго нет — почти сорок минут. На тридцатой минуте ожидания Тигрёнок начинает психовать. Нервничаю даже я. Мы заказываем еще по сто водки и графин свежесжатого апельсинового сока.

Наконец Гайка возвращается. Ее глаза сияют довольством. Губы покрашены розовой помадой. В руках она несет мусорный пакет, в котором тесно жмутся друг к другу перетянутые резинками пачки наличности.

— Пересчитай, — просит Гайка. — А то у меня в школе всегда было плохо с арифметикой. — Гайка плюхается на стул напротив Тигрёнка. — Только лучше не здесь, а в туалете!

— Ясное дело, не здесь, — обиженно говорю я, обводя бар, куда мало-помалу подтягивался народ, красноречивым взглядом.

В туалете я быстренько перелопатил выданную сумму — чего-чего, а считать купюры старый гребанько Комбат умеет. Что ж, Верблюд был точен. Я рассовал по карманам ту часть суммы, что причиталась нам с Тигрёнком. Отсчитал жалкую Гайкину долю. И вновь вышел в чадный полумрак бара.

— Ну что. Еще по сто? За удачу? — предложил я, подымая свою емкость.

Гайка и Тигрёнок отозвались задорным — «да!».

— Давайте выпьем за «подсолнухи»... Чтобы их росло в Зоне все больше и больше... И чтобы все они доставались нам! — Эти слова я произнес тоном оргазмирующего оптимиста.

— Лучше давайте за то, чтобы их росло в Зоне ровно три штуки в год. Но чтобы все эти три штуки доставались нам! — поправила меня рассудительная Гайка.

«А ведь мерзавка права! — подумал я. — Вот он — хваленый женский прагматизм!». И я дзынькнул о бок Гайкиной рюмочки своей рюмкой.

Тем временем на невысокой сцене бара появились музыканты. Лабухи.

Один был вокалистом, перед ним стояло старинное электрическое пианино на треноге с надписью «Yamaha».

Другой был гитаристом. Волосатым, испитым, с нахальной рожей дворового пацана-бузотера. Кажется, назревало веселье.

— Если кто не в курсе, сегодня день рождения сталкера по имени Панд... Панду — тридцать лет. И у него сорок девятый размер ноги...

Компания, собравшаяся за дальним столиком, одобрительно заревела в дюжину глоток — как видно, Панд был где-то среди них и про его сорок девятый размер знали все. Кто из них прозывался Пандом — я понятия не имел.

Вообще в баре на базе «каперов» было фрустрирующе много совсем незнакомых мне рож. Скажем, если в баре на Дикой Территории я знал каждого второго, то здесь я едва-едва мог с уверенностью сказать, что вон тот шкет с бритым черепом зовется Носорогом, а вон тот дылда в тельняшке, кажется, Момент. Неужели я старею и теряю хватку?

Тем временем вокалист на сцене закатил глаза к потолку и загнул что-то очень лирическое и задушевное. До меня донеслось:

...Свой винтарь поцелую и мамины бусы сорву...
Друганов созову, на хабар свое сердце настрою
А иначе зачем на земле этой вечной живу...

Потом музыка стала более ритмичной. И многие из сталкеров — тоже порядочно вдатые, как я теперь понимаю, — пустились в пляс. Кто на медвежий манер, кто на тюлений, а кто и вообще за пределами зоологических сравнений.

Пошли танцевать и мы с Гайкой, оставив Тигрёнка прислеживать за нашими вещами (и, кстати, бабосами).

Не стану скрывать — народ поглядывал на меня с некоторой завистью. Единственная баба в заведении — и та танцует с этим плюгавеньким, с хвостом, в котором уже полно седых волос.

Еще приятнее мне стало, когда пошел так называемый «медляк»...

Клянусь счастливым носовым платком друга Тополя, к нашему столику стояла четырехметровая очередь из жаждущих потанцевать с нашей Гаечкой. Но Гаечка была непреклонна.

— Все танцы сегодняшнего вечера я обещала вот этому вот товарищу. — С этими словами Гайка церемонно указывала рукой на вашего покорного слугу. — Я перед ним очень виновата. И хотела бы загладить свою вину!

Нужно ли говорить, что я был крайне польщен? Что я простил Гайке все ее грехи, включая будущие? Что я уже почти созрел сделать ей предложение? Ну не замуж, конечно. Но на что-то вроде, столь же приятное...

А со сцены неслось:

Оглянись, незнакомый прохожий
Мне твой взгляд неподкупный знаком.
Может, зомби ты, правда же, может?
Не всегда мы зомбей узнаем...

Хмельные компании там и тут дружно подпевали солисту, не вставая из-за своих уставленных горючим столиков:

Как молоды мы были, как кровососов били,
Как искренне любили и верили в дензнак!

Мда...

А потом мы с Гаечкой пили шампанское. Не помню, как знатоки алкогольных ритуалов называют эту фигню — когда после водки пьют шампанское. Не то «северное сияние», не то «death track»... На второе, конечно, больше похоже по сути. Но и от первого в ощущениях что-то есть... Спишь потом — будто в прошитой разноцветными лучами невесомости паришь...

А потом мы с захмелевшей и явно подавленной масштабами гулянки Гайкой отчаянно целовались в коридоре.

К стыду своему я плохо помню подробности. Но зато помню, что в целом у меня было такое чувство, что губы слегка устали от этого приятного, но все же избыточно подросткового времяпрепровождения и хорошо бы перейти к чему-то посущественней. И мы бы перешли, если бы тем временем не обнаружилось, что Тигрёнок наш мертвецки пьян и спит лицом в салате «оливье».

Делать нечего — мы с Гайкой, которая оказалась по-мужски сильной, потащили бездыханное тело моего спасеньша «в номера».

То есть в наш с ним номер.

Тигрёнок был довольно тяжелым. Он брыкался, мычал что-то невразумительное и хватался за все дверные ручки, перила и выступающие фрагменты интерьера... Снимая с него ботинки возле узкой кровати, рассчитанной на одного полумертвого от усталости сталкера, я опасливо прикидывал — станет ли наш Тигрёнок блевать или воздержится?

Помню, Гайка что-то шутила по этому поводу. Мы смеялись. И целовались снова. В руках у Гайки была недопитая бутылка пива «Беке»...

...Вон она, кстати, та бутылка. Пустая уже. Лежит возле мусорного ведра, в которое заправлен аккуратный синий пакетик.

Я высушил лицо полотенцем и придирчивым взглядом осмотрел себя в зеркало, что висело над умывальником. Да, на одутловатом, синюшном каком-то лице отпечатались все — и пиво, и шампанское, и водка. Такие рожи хорошо снимать для социальной рекламы, в ролике о вреде пьянства, типа «пьяный отец — горе семьи» или «напился, подрался, сломал деревцо — стыдно смотреть людям в лицо»...

Святые угодники! Сколько раз я обещал себе не смешивать? И что?

Моя одежда лежала неопрятной кучей возле стула (на котором она, по идее, должна была бы висеть).

Я вынул из кучи штаны и обшарил карманы — как выяснилось, пропили мы не так уж и много.

Затем я осмотрел нагрудный карман. Наша с Тигрёнком часть гонорара за «подсолнух» была на месте.

Пересчитывать я не стал — пачки производили впечатление нетронутых. Да и вообще, ну кто бы это из сталкеров стал бы, как поганая жена из комедийного сериала, вытягивать из каждой пачки по купюре, вместо того чтобы потибрить всю пачку целиком?

Тут взгляд мой упал на контейнер Тигрёнка, который валялся на боку возле прикроватной тумбочки.

Поцарапанный, старый, прохудившийся... Небось на «блошке» сталкерской купил задешево...

От контейнера мои мысли плавно перетекли к артефактам.

««Подсолнух»... Благодаря этой чернокудрой негодяйке мы получили за него неплохие

деньги... И, кстати, «ножницы». За них бы мы получили еще большие, если бы только не эта самая больная девушка Алёна... Но любимая девушка — это святое. А деньги — деньги грязь. Поэтому...».

Бездумно рассуждая, я приблизился к сопящему Тигрёнку, поднял его контейнер с пола и открыл его.

Глянул внутрь. Ёханный мамай.

«Ножниц» внутри больше не было. Не было!

Я сжал кулаки в бессильной злобе. Выкрикнул проклятие.

Я хорошо запомнил, как вчера вечером, когда веселье дошло до точки и стало ясно, что пора, все-таки пора нам спать по своим кроватям раздельно, я проводил Гайку до двери её номера... Как она поцеловала меня на прощание и сказала, что я классный парень и все было супер...

Вот так вот... Сначала поцеловала классного парня, а затем скоммуниздила у него самое ценное — его хабар...

— Ну и сучка! — вслух воскликнул я, что было дури засадив кулаком в фанерную дверь номера.

— Что вы сказали? — Над подушкой поднялась ушастая голова проснувшегося Тигрёнка.

— Сказал, что «ножницы» твои украли, вот что.

— Как украли «ножницы»? Не может быть! — Тигрёнок тер затекшие глаза белыми костяшками пальцев.

— Может... Еще как может...

— Но кто? Кто это... мог сделать?

— Сделать мог кто угодно. Но с вероятностью девяносто девять процентов это сделала наша общая подруга Ириша-не-знаю-ни-фамилии-ни-адреса...

— Гайка? — как-то очень безнадежно уточнил мой спасеньш.

— Да, она. Будь это кто-то другой, кто-то из «каперов», он бы и деньги с собой прихватил!

— Ну так надо, значит, отправляться в погоню! Мы догоним её, как в прошлый раз! И отберем у нее «ножницы»! — Тигрёнок вспрыгнул на пол и принялся лихорадочно одеваться.

— В прошлый раз нам помогал черныбыльский пес. А в этот раз кто будет нашим ведущим следопытом? Пес-то ушел уже давненько!

— Это да... Но, может, охрана что-то видела?

— Охрана, конечно, ничего не видела. Охрана никогда никого и ничего не видит и не знает. Это только в фильмах охрана демонстрирует чудеса компетентности и подозрительности. А в жизни охранять сажают самых никчемных мудозвонов, которых больше нигде использовать нельзя...

И мы с Тигрёнком обменялись взглядами двух записных лузеров. Лузеров в квадрате.

Представьте, каково это — быть обворованным два раза за два дня! И притом обворованным одним и тем же человеком! Человеком-женщиной, женщиной-сухой!

А ведь я целовал эти подлые губы...

ТЬФУ!

Глава 14 Дознание сталкера Комбата

I've got word of thanks
Thanks that I'd like to say
For the rage that I feel
The rage that I feel today.

Fuel My Fire, Prodigy

Я сидел в баре «Лейка» с видом сильно перебравшего накануне детектива Шерлока Холмса и маленькими глотками пил крепчайший черный чай.

Я уже говорил вам, что превыше всех стимуляторов ставлю его, горький и отрезвляющий? И что употребляю я черный чай из турецкого стаканчика, называемого в просторечье русских кварталов Истанбул-града «бардачками»?

В общем, прихлебывал я чай без сахара и размышлял над поведением мерзавки по имени Гайка. Ну совесть есть у нее, интересно? Есть?

Когда я думал о ней, первым делом мне почему-то вспоминалась ее ладная спортивная фигурка и презрительные гримаски. И только лишь вторым делом я вспоминал ее подлый характер...

Итак, Гайка.

Хорошо бы ее найти. Вместе с уведенными у нас с Тигрэнком «ножницами». Найти, отобрать «ножницы» и как следует наказать...

Тут моя мысль вновь споткнулась. Как наказывают мужиков-сталкеров, я примерно знал: левый хук в челюсть, потом апперкот, потом с носка по причинным местам... Но то мужиков. А как наказывать сталкеров-женщин? Так сказать, сталкеров-дам? По-простому — сталкерш?

«На месте разберемся», — с лёту решил эту двадцать седьмую теорему этики я и вернулся к теме поиска неуловимой Гайки.

По совести, единственной зацепкой, которая могла более-менее надежно и быстро вывести на местоположение дважды воровки в черной бейсболке с надписью «Hate Crime», был «сникерс» — напомним, что «сникерсом» в народе называется устройство для отключения сигнализаций вроде моей «Весны-3», по форме напоминающее этот самый шоколадный батончик.

Почему «сникерс» является зацепкой, спросите вы?

Да потому, что ни отечественная, ни зарубежная промышленность не производит таких устройств (или по крайней мере не трюндит об этом по дуроскопу).

Почему не производит? Да потому, что действие устройства основано на действии аномального артефакта Зоны под названием «собачье ухо»! А «собачьи уши» на поток не поставишь, это вам не аккумуляторы какие-нибудь!

Кто же, если не промышленность, производит эти «сникерсы»?

Я знал только одного такого человека. Его звали Лодочник.

Нет, мы с Лодочником никогда не были друзьями.

Но бывало, что встречался я с ним значительно чаще, чем с большинством друзей (не считая, конечно, Тополя). Лодочник оказал мне немало добрых услуг. Продал мне немало прибул и прилад. И был щедро вознаграждаем материально...

Кстати, бедняга Лодочник погиб прямо на моих глазах. Помню, как после одной памятной заварухи я, Тополь и Лодочник драпали с Речного Кордона, его как раз штурмовали ополоумевшие мутанты... Вначале мы сматывались на грузовике, да прямо по минным полям, потом ломились пешкодралом через кусты, затем спасались на лодке, которая чудом уцелела на пристани Речного Кордона... Помню, как я радовался, когда мы, оставив полыхающий и стонущий от боли ад позади себя оказались на противоположном, сравнительно безопасном берегу Припяти. Сердце радостно выпрыгивало у меня из груди. Я зачем-то — наверное, от избытка эндорфинов — добивался от Тополя обещания бросить курить, а сам заверял его, что со спиртным и развратом теперь у меня покончено... Было уже темно...

До сих пор не могу понять, какой черт дернул Лодочника проверять, заряжен ли артефакт, который он вез с собой в спортивной сумке? Помню, как бледный, сутулый Лодочник держал его в руках, стоя по колено в спокойной, похожей на черное зеркало воде Припяти.

И как артефакт сиял манящим колдовским светом. Вот Лодочник перегнулся пополам и опустил руки с артефактом в воду, сияние стало приглушенным, хотя искры по-прежнему снопами вырывались из-под воды...

Помню, как мы с Тополем ругали вполголоса Лодочника — мол, не ровен час

иницированное им сияние привлечет вертолеты военсталкеров... Однако оно привлекло отнюдь не вертолеты. Два щупальца метнулись к Лодочнику из толщи припятских вод и за какие-то доли секунды уволокли нашего товарища за собой. Все, что успел Лодочник, — это подарить нам взгляд через плечо, исполненный невыразимой неземной жути, и один сдавленный вскрик... Я бы сказал: «и пучина сия поглотила ия в один момент». Кто бы напомнил мне, из какого фильма эта цитата?

Итак, Лодочник погиб. А значит, продать Гайке «сникерс» он никак не мог. Тут, конечно, у просвещенного читателя может родиться вопрос — а что, если Лодочник продал Гайке «сникерс» еще до того, как два хищных щупальца утащили его в глубины Припяти.

А вот это уже совершенно невероятно, дорогие товарищи, скажу я. Потому что артефакт «собачье ухо», который лежит в основе «сникерса», — он имеет срок годности три месяца. А потом берет и «размагничивается» («размагничивается» я употребляю лишь за неимением другого, более физически вмняемого слова, не употреблять же в корне антинаучный термин «расколдовывается?»).

Из всех этих рассуждений вытекал один вполне резонный вопрос. На который я, как ни странно, не знал ответа. А именно: «А кто у нас теперь вместо Лодочника?». В смысле, кто теперь делает то, что раньше делал он, — торгует всякими штуками и штуkenциями, двигает бизнес, помогает сталкерам, высокопарно выражаясь, противостоять вызовам времени и идти в ногу с прогрессом?

Я без колебаний набрал номер Синоптика. Конечно, время было позднее. Прямо скажем, полпервого.

С другой стороны, я регулярно и на протяжении многих лет заносил Синоптику такие суммы (взять хоть те же «тройные тарифы»), что тем самым косвенно заработал моральное право звонить Синоптику даже и в полпервого...

— Здорово, Комбат. Как дела? — сказал Синоптик бодрым голосом вместо ожидаемого мною: «Ты вообще соображаешь, на хрен, который сейчас час?».

— Еще не родила, — бросил я. — Вопрос один есть...

— Мнэ-э... Сейчас, минуту, последний стежок сделаю...

— Что-что сделаю? — не расслышал я.

— Стежок, — повторил Синоптик уже громче. — Я тут вышиваю. Крестом.

— Вышиваешь? Крестом? — переспросил я, не веря своим ушам.

— Ну да. А что? Купил себе видеопособие. «Вышивание для мужчин». Тащусь теперь! — В голосе Синоптика и впрямь звучало неподдельное сладостное счастье. — Вышиваю тут львиную морду. И еще ветку сирени! Четвертая степень сложности, между прочим!

— Круто! Ветку сирени... Завидую даже!

— А чего завидовать? Возьми и сам попробуй! Если хочешь, я тебе линку кину на это пособие! Там у них еще магазин есть и служба быстрой доставки. Нитки, пяльца, канву, всю эту фигню к самому порогу доставляют. Всего за сутки! Ловэ конкретное берут — потому что Зона близко. Но разве ловэ для нас, настоящих мужиков, проблема?

— Сэнксы, Синоптик. Ловэ, конечно, не проблема.

— Тогда заказывай, не думая! Или хочешь — я сам тебе закажу...

— Спасибо, конечно. Но дело ведь совсем не в ловэ! Просто я пока как-то... Ну, еще не созрел, что ли, — ошарашенно промямлил я.

Синоптика мне обижать не хотелось — мало ли кого и какая шиза после Зоны косит? Ну хочет человек крестом вышивать — пусть вышивает. Все ж лучше, чем ганжубас дуть или синьку синячить! И все же вышивание — это без меня. Потому что сегодня ты вышиваешь крестом, завтра вышиваешь гладью, а после что? Беременеешь и кормишь грудью?

— Ну, я, в общем, закончил. Что за вопрос у тебя, Вова?

— Кто у нас после Лодочника, а?

— После Лодочника — что?

— Ну кто теперь приладами торгует всякими стремными и жутко противозаконными? В

Зону возит на катере с воздушной подушкой? И тому подобное?

— Вроде компаньон его, Завал.

— Завал — это кличка?

— Как ни странно нет. Говорят, Завал — это фамилия. По паспорту!

— Фамилия — блеск... И счастливая, видать! — не удержался я. — И где этот Завал граждан сталкеров принимает?

— Да там же, где и Лодочник принимал. В том же коттедже, по трассе направо. У Лодочника, как оказалось, даже завещание было, нотариально заверенное. Согласно этому завещанию, коттедж и мастерские в случае его гибели переходят к Завалу, его родственнику. Не то дяде, не то отчиму...

— Ну и как этот Завал? Надежный?

— С виду конченный псих. Как, впрочем, и Лодочник, — сказал Синоптик, которого все мы ценили за его революционную прямоту. — Но псих не псих, а товар дает нормальный. Я у него недавно перчатку-уловитель покупал вместо старой, которую по пьяни где-то посеял. Отличная перчатка, лучше той, что Лодочник когда-то спаял! Ну, не хуже — так точно!

— А «сникерсами» этот отчим торгует, ты не знаешь?

— «Сникерсами»? Да кому они сейчас нужны... Это когда войны кланов были немереные, все «сникерсами» запасались... Ну, ты в курсе... Так ведь получается штука дорогая, а толку от нее чуть. Если ты не мародер, конечно. И не вор. Но точно я не знаю, это так, предположения. Ты лучше сам Завалу позвони. Он не очень контактный. Но на простые и внятно произнесенные вопросы отвечает! В общем, как-то так... Ты извини, мне тут до конца узора всего два десятка клеточек осталось, и лёвик мой будет как живой...

— Лёвик? Какой лёвик?

— Лев, которого я вышиваю!

— А ветка сирени как же?

— Ну правильно. Сверху ветка сирени. А под ней — лёвик!

«Совсем с ума съехал, голубь... Не иначе как тройными тарифами крышу подорвало», — с легкой грустью подумал я.

Как и обещал Синоптик, Завал оказался нелюдим.

Начать с того, что разговаривать со мной «о серьезном» по телефону он категорически отказался, ссылаясь на то, что «неприятности с милицией ему не нужны».

Я пожал плечами и скривил недовольную морду — можно подумать, мне они нужны.

С одной стороны, проблему я понимал. Торговля артефактами — дело, с точки зрения действующего законодательства, подсудное, а значит, создавать лишние улики (мало ли кто твой телефон прослушивает!) — глупая глупость.

Но с другой стороны, лично я уже давно прохавал «фишку». Если бы милиция, анфоровцы, Интерпол и прочие-прочие действительно захотели этого, они переловили бы всех нас, всех сталкеров, перекупщиков, изобретателей-рационализаторов, синоптиков и прочих деятелей великой и могучей зона-индустрии, как курчат.

А если бы побрезговали ловить, так потравили бы, как тараканов.

Потому что были у них для этого и силы, и средства, и сноровка.

И тот факт, что мы, радиоактивное мясо, год за годом более-менее беззаботно пересекаем Периметр, таскаем в обычный мир всякие забавные штучки и на все эти деньги нефиговенько живем — он на самом деле кому-то выгоден!

И свидетельствует в первую очередь о том, что ловить нас они на самом деле не желают!

Ведь шпыняли нас, сталкеров, хоть и всерьез, но не так массивованно и жестоко, как можно было...

Вот, к примеру, если бы правительство богоспасаемой державы Украины вместо штрафа за посещение Зоны ввело бы за эту же провинность высшую меру наказания, известную также как расстрел, я уверен, количество сталкеров в тот же день уполовинилось бы, а через день — учетверилось.

Ведь одно дело погибнуть в Зоне на какой-нибудь птичьей карусельке — оно, в конце концов, быстро.

А совсем другое дело месяцами, годами сидеть в мрачной сырой камере с видом на парашу и зарешеченное окно и ожидать, когда тебе пустят пулю в затылок.

Если я не ошибаюсь, эта процедура называется на ментовском жаргоне «исполнением»...

Ну а вопли в прессе и по дуроскопу на тему: «Доколе?», «Сталкеры — отбросы общества» и обличительные фельетоны в духе: «Сегодня он дринчит пивас, а завтра артефакт продаст!» и прочее-прочее — это все для отвода глаз.

Мы, зона-индустрийцы, такие же члены общества, как и все прочие.

И общество лишь делает вид, что поглядывает на нас с неодобрением и хочет изничтожить.

А на самом деле оно в нас нуждается.

Как в проститутках, к примеру.

Хотя пример не слишком удачный... Ладно, что-то я отвлекся.

Итак, Завал.

Я загнал свою электрическую «Хонду» на густо поросший лебедой паркинг перед домом Лодочника — сколько раз я становился на это самое место, теперь уже не упомнить. Закрыв за собой калиточку, трогательно сколоченную из березовых бревен, я решительным шагом направился через бурьяны к дому, где светилось одно-единственное окно.

В доме Лодочника ничего не изменилось.

Даже кружку для чаю мне предложили ту же самую, что и в прошлый раз, — с надписью «WORLD UNIX CONGRESS 2020».

Компаньон Лодочника Завал ничем не походил на самого Лодочника.

Если тот, несмотря на всю его крутизну, был, в сущности, маменькиным сыночком, работающим в Зоне не столько за деньги (которые он воспринимал как полезные фантики), сколько за идею и интерес, если Лодочник до последнего оставался программистом и студентом-переростком с гениальными задатками, похожим на обретшего дар к прямохождению теленка, то Завал был похож... на чуток отмывшегося в православном благотворительном приюте бомжа из самых закоренелых.

Худой, жилистый, с неряшливой порослью на лице — длинные с сединой усы плавно переходили в бороду, неухоженную и некрасивую, — рябой и гнилозубый, он смотрел подозрительно и неприветливо. Разве что одежда на нем была чистая, а не как у бродяг.

— Чего нужно? — спросил он, когда я уселся.

— Да пару вопросов хочу задать. Минут на десять.

— Сто единиц — и задавай свою пару вопросов.

Я присвистнул. Сто единиц за десять минут — это круто. Но жлобом я не был и становиться не собирался.

А потому вынул из кармана смятую банкноту.

Он аккуратно расправил ее, перегнул пополам и сунул в карман рыболовного жилета.

— Я интересуюсь «сникерсами». Ты их продаешь?

— Ну... А чего же, если надо — продаю. Я и черта с рогами продам, если кто заинтересуется, — веско заметил Завал. Голос у него был тоже бомжачий — надтреснутый, дребезжащий.

— А кто еще ими торгует, не знаешь?

— Да Старик вроде торговал... Но он уже четыре месяца в госпитале лежит... Что-то с сердцем...

«Четыре месяца в госпитале — значит отпадает!».

— Скажи, пожалуйста, Завал... А девушке... ну или женщине... ты случайно «сникерс» в последнее время не продавал?

Завал посмотрел на меня цепким и абсолютно бессовестным взглядом.

— Еще двести единиц, — заявил он требовательно.

Я вынул из бумажника две банкноты и протянул ему. Он осторожно, как лошадь берет хлеб,

взял их с моей открытой ладони. «Вот что роднит их с Лодочником, — наконец догадался я. — А именно — феноменальная жадность!».

— Ну, продавал.

— А зовут эту женщину случайно не Гайка? — спросил я, мысленно давая себе обещание, что если этот алкоголического вида мастер затребует еще одну сотку, то я, пожалуй, лучше засвечу ему в табло. Однако Завал, как видно, настроился на волну моих ментальных вибраций и от нового приступа попрошайничества воздержался.

— Да, ее так зовут. Она живет в Дитятках. Улица Павлика Морозова, строение один.

«Строение один...». Вот так все просто! Двести единиц — и все девичьи тайны твои. Я наконец понял, почему Завал отказывался разговаривать по телефону. Не боялся этот пропитый хрыч с повадками сидевшего бугра никакой милиции с ее прослушками и уликами. Он вообще ничего не боялся, кроме утра без пива. Просто по телефону ты хрен выманишь из собеседника три сотни единиц за семь минут разговора...

Я бросил сентиментальный взгляд на портрет Лодочника (снятый явно на выпускном в университете — белая рубашка, галстук-селёдка, очки в стальной оправе) — он, забранный черной траурной рамкой, висел в красном углу гостиной — и попрощался с Завалом.

Тот смотрел на меня масляными глазками сытно отобедавшего хищника.

«Значит, Дитятки... Давненько же я там не был, мать их за ногу!».

Глава 15 Комбат и Дитятки

It's four o'clock and we're in trouble deep
Wake up little Susie, wake up little Susie.

Wake Up Little Susie, Grateful Dead

В честь каких таких загадочных «дитяток» назвали поселок, расположенный возле каплеобразного выступа Зоны, — ваш покорный слуга размышлял не один раз. Особенно охотно в эти этимологические размышления я впадал, включив круиз-контроль на пустой ночной трассе и меланхолично потягивая лимонад «Буратино». В лицо тебе несется седая ночь, а ты весь в образах, в интеллектуализме...

Версии у меня были разные — например, поселок назван в честь детей какого-нибудь исторического царя-батюшки, которые во время визита царя-батюшки в просвещеннейшие Европы (а маршрут в Европы как раз пролег через эти богом забытые земли) выскочили из золоченой кареты и, наплевав на возмущенные выкрики голландского гувернера, с радостным визгом побежали рвать созревшие абрикосы с близлежащего абрикосового дерева...

Или Дитятки названы так потому, что у среднего крестьянина тут было вдвое больше детей, чем у среднего крестьянина из соседней деревни? Может, тут вода такая в колодцах, способствующая повышенному спермогенезу?

Может, вы спросите у меня, а что именно заставляло меня так часто задумываться об этимологии этого странноватого названия? Да и за каким делом я туда ездил до того, как обнаружил, что там скрывается наша вороватая Гайка?

Отвечу как на духу.

Когда-то в Дитятках у меня, тогда еще носившего дурацкую кликуху Сэнсэй, была девушка, которую я предпочитал именовать «телкой». Вот к ней я и ездил.

Очень и очень часто!

Я был беден, глуп, истеричен, чертовски самолюбив и самонадеян и водил транспортное средство разновидности «Жигули», купленное на паях с покойным другом Кнопкой за смешную сумму, равную стоимости одного обеда на двоих в киевском ресторане средней пафосности.

Телку звали Зоинька. Она была обычная деревенская деваха — рано созревшая, русоволосая, глупая, добрая и готовая безвозмездно подарить свою ласковую благосклонность первому, кто только об этом внятно попросит. Я попросил — дело было после дискотеки в Хорошево, куда меня обманом заманил Кнопка. Я попросил — и я получил. И еще раз получил. И еще. Мне самому не верилось, что так славно все складывается!

Мне было хорошо, и я ни о чем не задумывался. Не задумывалась и Зоинька. Мы собирали в лесах землянику, гоняли на антикварных великах «Десна», что квартировали на ее заваленной хламом веранде, и без усталости занимались любовью.

Не задумывалась Зоинька, а потом вдруг взяла — да и задумалась.

— Сэнсэй, а когда мы поженимся? — спросила она однажды, спустя месяц после нашего знакомства.

Мы лежали как положено в фильмах про сельскую любовь — на душистом сеновале. Оба были в чем мать родила. Кажется, я жевал свою любимую жвачку со вкусом черники. Ночь пахла зверобоем и сладким козьим молоком. Над ухом зудела одинокая комариная самка.

— Что ты сказала, родная? — Я был так удивлен, что едва этой самой жвачкой не подавился.

— Ну мы же поженимся, так? — спросила Зоинька упреков пухлую ручку в мою слабо оволощенную грудь, заглянула в мои глаза своими васильковыми, ясными глазами, как бы ища подтверждения.

— Ну... Мнэ...

— Ну скажи мне, что мы поженимся!

— Как бы это сказать... Я еще не думал об этом... — начал увилить я.

Я действительно об этом не думал... всерьез. Мне казалось, это абсурд — жениться, когда тебе двадцать.

Когда у тебя нет ни дома, ни денег, ни толковой работы, ни опыта, ни образования, ни, по большому счету, будущего. Однако, судя по тому, что рассказывала Зоинька, у них в поселке Дитятки никто не придерживался подобного рода замшелых предрассудков и не заморачивались каким-то там «будущим». Все жили одним днем. А иные — так вообще текущей минутой. Как дзен-буддисты с их «вечным сейчас».

В общем, там, на душистом сеновале, я что-то такое мямлил, вполне в амплуа «все мужчины сволочи». А сам между тем думал, а с какого бодуна она задает мне такие провокационные вопросы? Нет ли под ними некоторых физиологических оснований?

Я осторожненько поинтересовался, старательно обходя эвфемизмами слово «беременность», «вотс ап виз ю герл», как говорит мой американский приятель Джереми. И убедился в беспочвенности своих опасений — Зоинька горячо заверила меня, что волноваться не о чем, что, мол, критические дни по расписанию и все такое. Я вздохнул с облегчением. Но опять задумался.

Крепче прежнего.

И результатом этих раздумий стало то, что я тут же повел себя как форменная свинья. Я удрал!

Уехал на два месяца к родителям в Витебск, сменил номер мобильного телефона, предварительно отправив Зоиньке сообщение: «Все кончено меж нами связи нет». По возвращении я снял новую квартиру, а точнее, новую каморку...

С милой мягкогрудой Зоинькой, что носила ситцевые платица и «вьетнамки», не брила ног и говорила с трогательной деревенской растяжкой, мы больше не виделись.

Вот такая вот поучительная история про то, как нормального пацана один намек на необходимость жениться, намек на «деточек», способен напугать до полусмерти и навсегда отратить от неплохой, в сущности, девчонки...

Общие знакомые рассказывали мне, что через месяц после того, как я смылся в Витебск, смертельно обиженная на меня Зоинька уехала из Дитяток.

Одни говорили, что она удрала к отцу, который работал в Москве не то таксистом, не то крупье в каком-то занюханном ночном клубе с подпольной рулеткой, мне уже никогда не

вспомнить доподлинно.

Другие говорили, что она познакомилась с дальнобойщиком, который в местном кемпинге завис на две недели из-за нестаты украденных у него в роад-хаузе «У деда Панаса» документов, и уехала с ним в его родной город Сургут...

В общем, так или иначе Зоинька в Дитятках больше не проживала. И просить прощения за свое вероломство — даже если бы я и решил это сделать — мне было больше не у кого. Не разыскивать же ее, в самом деле, через «Одноклассников»?

Однако каждый раз, проносясь по трассе мимо низенького крестьянского домишки с осунувшейся печной трубой и паршивыми вишнями в палисаднике, перед которым десятый год гнил остов какого-то немецкого рыдвана, я вспоминал Зоинькины детские пальчики, розовые щёчки и влажные спотыкливые ласки. А значит, не сама Зоинька, так ее призрак в Дитятках все-таки жил...

Поселок Дитятки был разделен трассой на две почти равновеликие территории.

В той части, что была ближе к Периметру, жили рабы зона-индустрии — сталкеры, их женщины, их малочисленные хилые дети, перекупщики хабара, паразиты, дегенераты, сектанты, кандидаты в военсталкеры, бывшие военсталкеры, туристы, бывшие туристы и прочие напрасные люди. Эта часть Дитяток называлась Хутор.

Ну а в другой жили немногочисленные крестьяне, их жены, их дети и прочие нисколючко не напрасные люди (в этой-то части жила когда-то с гуляшей матерью-продавщицей и моя русоволосая зазноба).

Крестьяне в отличие от пролетариев зона-индустрии жили вовсе не с Зоны, а с земли-матушки. Работали в рыбоводческой артели. Сеяли рожь, ячмень и овес.

Сажали картошечку и огурцы. Словом, занимались тем, чем всегда и везде занимается фермерский люд от Новой Зеландии до Новой Земли. Эта часть Дитяток называлась ностальгически — Сельсовет.

Время от времени Сельсовет и Хутор враждовали.

И мужское население обеих партиций сходилось стенка на стенку на заднем дворе «нейтральной» придорожной пивной «У деда Панаса»...

Но в тот вечер в пивной было тихо — в ее ярко освещенной утробе я насчитал три-четыре согбенные над кружками фигуры. Судя по оплывшим позам, никто из пивнюков не был готов к рукопашной на свежем воздухе...

Когда я подошел к дому, точнее, строению номер один по улице Павлика Морозова, на небосводе как раз взошла луна. Это было очень кстати, учитывая тот факт, что ничего даже отдаленно похожего на уличное освещение в поселке Дитятки не прослеживалось...

Во дворе Гайкиного дома гулко залаяла собака.

«На цепи или нет?» — Мучительно вслушиваясь в ночь, я остановился.

К счастью, цепь наличествовала. И нарочито грозно звенела!

— Ути-пути-путичка! — прошептал я, свешиваясь во двор с полутораметрового деревянного забора.

Пес грозно заурчал. И изготовился к новой порции ругательств (мне с детства казалось, что собаки именно ругаются, когда вот так вот громко и залиvisto лают!).

— Эй, потише-поттише... Хозяйку разбудишь! — шепотом сказал я. — Вот, продегустируй-ка!

И с этими словами я бросил кабыздоху снотворную конфету, разработанную какими-то здравомыслящими немецкими гражданами для борьбы с доставучими соседскими питомцами. Разработанную в соответствии с рекомендациями лучших немецких собаководов! Такую же конфету я всегда носил в кармане комбинезона на случай появления возле Периметра военсталкера с овчаркой (такое хотя и очень редко, но все же иногда случается)...

Гайкин пес быстро слизнул угощение своим длинным розовым языком. И глядя на меня, тюком повисшего на заборе, своими холодными голубыми глазами (это был песик породы хаски, хотя, конечно, нечистокровный), сел вначале на попу, затем положил голову на передние лапы и,

повиляв напоследок своим хвостом-калачом... захрапел!

Я посмотрел на часы — прошла всего минута! Своего рода рекорд быстродействия!

Я метнул встревоженный взгляд в сторону дома — покосившегося, с заросшим лишайником серым шифером. Не зажглось ли где окно? Вдруг встревоженной лаем хозяйке захотелось «на двор», где чернел оконцем в форме сердечка сельский сортир? Тогда моя задача сильно облегчается — нужно лишь затаиться в кустах и дожждаться сонной хозяйки. Увы, от дома по-прежнему веяло замогильным деревенским спокойствием.

Стараясь ступать бесшумно, я обошел дом со всех сторон, держа пистолет наготове.

Конечно, если бы в Гайкином доме наличествовала наружная сигнализация вроде моей «Весны-3», она подняла бы тревогу уже раз пятьдесят или сто.

Но на наружную сигнализацию Гайка пожадничала, потому что была бедна и наверняка исповедовала модную в наших сталкерских кругах идеологию воинствующего временщичества.

Комнату, где спала воровка, я вычислил сразу — благо спален в доме было всего две.

И забраться в эту спаленку не составляло большого труда — вначале нужно было вскарабкаться на крышу сарайчика для садово-огородного инвентаря, затем, уже стоя на крыше, запустить руку в открытую по случаю летней жары форточку и отпереть окно изнутри. Ну и наконец, шурша тюлевыми занавесками, в это окно пролезть...

Прямо перед окном стоял старинный письменный стол — освещенные луной, белели девственные листы формата А4, а рядом с ними серебрился принтер с эмблемой всем известной «яблочной» марки... Вначале становишься ногой на этот стол (главное — не на принтер!), затем спрыгиваешь на пол, подкрадываешься на цыпочках к постели и, наконец, наставляешь в лоб воровке, которая мирно сопит на диване, уткнув нос в ковер с изображением трех мишек в сосновом бору, свой пистолет.

И сразу вслед за этим требуешь — не каких-нибудь там презренных денег или неземной любви, а того, что принадлежит тебе по праву. А именно — убедительно просишь ее вернуть «кварцевые ножницы».

Левой рукой я нашарил выключатель.

Клац!

В Гайкиной спаленке вспыхнул яркий белый свет.

Правой же рукой ваш Комбат снял с предохранителя свой «Хай Пауэр» и, как обещал, приставил его ствол к белому лбу Гайки, покрытому мелкими бисеринками пота (на кондиционер в своей сельской хибаре Гайка тоже пожадничала).

— Доброе утро! — вкрадчиво, но достаточно громко произнес я.

На Гайке была трогательная пижама с узором из черепашек-нинзя.

На Гайкиной щеке отпечатались пуговица с наволочки.

Черные кудри Гайки отнюдь не пахли свежестью.

И мне даже показалось, я заметил в них запутавшуюся сухую травинку. Собственно, ничего удивительного тут не было — как видно, Гайка явилась из Зоны в таком изнеможении, что просто не нашла в себе сил принять душ...

— Д-доброе! — кивнула Гайка, разлепляя красные глаза.

Взгляд у нее, конечно, был крайне испуганным. Но она не завизжала, оказалась смелая — а ведь я думал, обязательно завизжит. Да так, что проснется весь Хутор, а в придачу к Хутору — еще и Сельсовет!

— Это я, твой старый друг Комбат. Дня без тебя не могу прожить. Соскучился до чертиков! — В моем голосе звенел убийственный сарказм.

— Я узнала... — с ворчливым презрением сообщила Гайка. — Тебя вообще трудно не узнать.

Я кивнул. Меня действительно трудно не узнать.

Иногда это мешает и в работе, и в жизни. Но что с этим поделать — я ума не приложу!

— Убери вольту! — вмиг осмелев, потребовала Гайка.

Но я не шелохнулся.

— Убери вольту, мать твою! — негромко, но с нажимом повторила Гайка. — Ни к чему

это, понимаешь?

Но я не двинулся. Вот же хамка! Любому пацану «с раёна» фору даст по части агрессивности и, скажем так, речевой неопрятности! Как и не девочка вовсе! «Недобабок» — вот как называл подобные существа мой ныне покойный наставник Дайвер.

Однако Гайка, похоже, все еще не понимала, что не на того напала. И что со мной надобно поласковее.

Я решил дать ей подсказку.

— Волшебное слово, милочка. Скажи волшебное слово, и я сразу же уберу свой пистолет!

— Пожалуйста... очень тебя прошу, убери пистолет, — горестно выдохнула сломленная Гайка.

Я отступил на два шага и опустил «Хай Пауэр». На самом деле мне было не жалко. Ведь в принципе между стволом, направленным в лоб, и стволом, направленным в пол, разница только психологическая!

Гайка сидела передо мной на кровати и терла заспанные глаза кулачками. Она была полностью в моей власти. И эта мысль не только радовала, но даже и слегка возбуждала. Я вдруг нехотяти почувствовал себя молодым и неженатым мужчиной.

— Не думаю, что нужно объяснять, зачем я сюда пришел...

Откровенно сказать, я рассчитывал произнести красноречивую обвинительную речь в лучших традициях товарища Вышинского, обрывки которой кружили, как сор в проруби, в моем истощенном Зоне мозга с того самого момента, как я в сердцах шваркнул о фанерную дверь гостиничного номера кулаком. Там, в этой речи, было и про женское вероломство, и про неслыханную жадность иных женщин-сталкерш, и про порок, который должен быть наказан по всей строгости сталкерского закона, больше похожего на «понятия».

Однако произнести эту речь я банально не успел.

Потому что во второй спальне вдруг раздалось металлическое журчание старинной кровати сетки, зажегся свет, заскрипели половицы, и некий мужчина в белой майке и черных спортивных трусах, такие обычно носят боксеры-фристайлеры, припомнил я, встал в дверном проеме, уперев мускулистую ручищу в косяк.

Рослая плечистая фигура убежденного завсегдака качальни встала на расстоянии двух метров от меня.

Фигура показалась мне смутно знакомой.

— Что за нахер? — спросила фигура сиплым со сна голосом и окинула комнату с трагически распахнутым в ночь окном взглядом разбуженного среди зимы медведя.

И этот голос тоже показался мне знакомым. Да что там показалося! Я был совершенно уверен, что передо мной... мой лучший друг Костя Уткин, известный в сталкерских кругах как Тополь.

— Костя? Тополь? — спросил я оторопело. — Но ради Бога... что ты... тут делаешь?

— Ты мне лучше расскажи, Вован, что ты тут делаешь. Со стволом-то в руках?

«Любовник... Боже мой... Костя — ее любовник. Сожитель... Гражданский муж», — стучало в моем мозгу.

Вообще-то это было предельно странно — ведь я знал: обычно Косте нравились не такие, чтобы не сказать, совсем-совсем не такие женщины. И еще я вдруг непроизвольно отдал себе отчет в достаточно неожиданной эмоции: думая о том, что Гайка и Тополь любовники, я испытал... укол ревности!

Глава 16 Братец и сестрица

I'll take you to a place
Where we shall find our...
Roots bloody roots.

Roots Bloody Roots, Sepultura

Мы сидели за длинным столом, накрытым клеенкой, усыпанной фотографическими изображениями фруктов — волосатых киви, витальных апельсинов, фаллосоподобных бананов, наливных яблочек и аппетитных вишен — и пили какао.

Над нашими головами горела лампочка Ильича, в народе также известная как лампа накаливания. Лампа была забрана в неприязнительный жестяной абажур, сделанный из пивных банок.

Поначалу мне показалось, что это современное искусство такое. Ну, концептуализм или что-то вроде.

Когда абажур — он как бы имитирует тот факт, что сделан из жести, которая получена после того, как пивные банки развернуты в прямоугольники и склепаны друг с дружкой. Но потом я присмотрелся и понял: ни фига он не имитирует. Это и есть пивные банки, склепанные сначала друг с другом, а потом в такой себе конус с усеченным чьими-то блудными ручонками верхом... В местах лишения свободы такой артбля, в смысле — такой концептуализм, очень в чести...

Прочие предметы интерьера в берлоге нашей вороватой красотки Гаечки тоже, что называется, «не внушали».

Брезгливым взглядом я скользнул по старому продавленному дивану модели «советский двугорбый», на таких еще нас с Тополем зачинали. На диване, судя по смятым простыням с детскими медведиками и валяющемся на полу у изголовья тюбиком крема для рук, спала обычно сама хозяйка. Я мазнул взглядом по старинной кровати с шишечками, стоящей в соседней комнатке, на которой было постелено Тополю (уж я его манеру громоздить подушку на подушку ни с чьей не спутаю!), затем понимающе глянул в сторону импровизированного гардероба у стены (плечики с вещами висели на гвоздях, вколоченных прямо в обитую старой фанерой стену)... Да, комфортной жизнь Гаечки я никак не назвал бы. Кошмар и тихий ужас. Или, как выражается современная молодежь, «гребаный стыд».

Хоть бы кто ее замуж, что ли, взял?

— Чего вылупил на меня? — в свойственной себе куртуазной манере поинтересовалась Гайка, когда мой взгляд на несколько секунд дольше, чем обычно, задержался на ее припухлом со сна лице.

— Ну вы же говорите, что вы брат и сестра? Вот я и ищу сходства. Фамильного, — буркнул я. — Между тобой и Костей.

Когда они сказали, что являются братом и сестрой, я подумал, что меня дурачат.

Единственное, что удерживало вашего Комбата от того, чтобы потребовать у Тополя и Гайки паспорта и свидетельства о рождении, — так это то, что Тополя я знал как свои пять пальцев. И приколист из него был никудышный. Да и вообще, если он сожитель этой Гайки, почему бы мне, лучшему другу, правду не сказать?

Однако чем дольше я смотрел на моего Костю и негодяйскую Гайку, тем больше черт сходства я различал.

Взять хотя бы высокий аристократический лоб. Или плавную, уютно-округлую линию подбородка. Пожалуй, если бы не Гайкины смоляные кудри (у Тополя кудрей не было и в помине), они и впрямь сошли бы за брата и сестру. А впрочем, что, если кудри у Гайки крашенные? Ведь известно, что бабы все время что-то себе на голове красят. Многим и голова-то нужна исключительно для этого...

— Мы сводные брат и сестра, — как видно, телепатически уловив мое недоверие, сказал Тополь.

— По отцу?

— Да где же по отцу, Комбат, если у меня фамилия Уткин, а у нее — Кравцова? Если у меня отчество Алексеевич — а у нее Ивановна? Что-то ты тупишь сегодня, мне кажется, — с

доброжелательной улыбкой подковырнул меня Костя.

— Значит, вы сводные по матери?

— Ну да! Наша общая мама Любовь Георгиевна Мещерякова ушла от моего отца к ее отцу, — Костя ткнул сестрицу пальцем в мускулистое плечо, — когда мне было десять лет. Через девять месяцев после этого знаменательного события родилась Иришка.

— Через семь... Я родилась недоношенной, — сердито вставила Гайка.

— Пусть будет через семь! Но сути дела это не меняет! — невозмутимо продолжал Костя. — Главное, что, когда Иришке было три годика, я был уже половозрелым пацаном...

— Ага, половозрелым пацаном тринадцати лет! — не удержался я.

— Вот именно! — Моей иронии Костя как будто не заметил. — В общем, я стал для Ириши идеалом мужчины. И все такое. В общем, наложил отпечаток на ее развитие как женщины. Я для нее по-прежнему авторитет. Правильно я рассказываю, сестренка?

— Ну типа того, — недобро ухмыльнулась та.

Мне все хотелось спросить: «А мама ваша знает, чем ее дочурка тут занимается?», но я сдерживался. Потому что если мама знает и ничего не предприняла, значит, мама у Кости и Ириши дура набирая. А если не знает — так пусть не знает и дальше. Лучше спать будет.

Тополь тем временем проявлял чудеса обычно не свойственной себе словоохотливости.

— Ты думаешь, я в восторге от того, что Иришка в сталкеры подалась?

— Ну... Мнэ... — замялся я.

— Вот именно что «мнэ»! Я вообще, когда узнал, что она тут, в Дитятках, ошивается, был вне себя от бешенства!

— Забрал у меня мой ПДА, контейнер и костюм! Думал, меня это остановит, — самодовольно вставила Гайка. — Как же! Держи карман шире!

— В общем, ты сам все видишь. — Костя сделал обобщающе-заклеймляющий педагогический жест.

Я кивнул. Мол, вижу. Еще и как! Оторва. Заноза.

Одинокая волчица. Именно о таких мечтает половина известных мне мужчин. Как не посочувствовать братцу!

— Но знаешь, она у меня всегда пацанкой была... После того, как сдала на кандидата в мастера спорта по скалолазанию, поступила в институт физкультуры... На тренера учиться... Так там в группе у нее одни мужики были! А хобби у нее знаешь какое?

— Ну уж не вышивание гладью, это точно! — сказал я и сразу вспомнил некстати рехнувшегося Синоптика с его «лёвиком под веткой сирени».

— Верно мыслишь, Вован. В свободное от работы время Иришенька моя стреляет из пистолета и занимается спортивной рыбной ловлей!

— Рыбной? Ловлей?

— Ну да. Спортивной.

— Впечатлён, — честно признался я. Если сообщение по поводу стрельбы откровением для меня не стало (по совести, если не умеешь стрелять, делать в Зоне нечего!), то рыбная ловля меня совершенно добила.

Я не знал ни одной женщины, способной правильно подцепить червяка на крючок, ни одной женщины, отличающей карася от окуня, а карпа от зеркального карпа...

— Ну а что тебя, родная, заставило в Зону-то пойти? В Институте физкультуры мало приключений было? — сказал я с глумливой ласковостью.

И посмотрел на Гайку самым проникновенным своим, «мужским» взглядом. Этот взгляд я тренировал и даже, можно сказать, оттачивал годами. От него млели все подряд — от школьниц до дам бальзаковского возраста. Но вместо того чтобы ответить на мой мужской взгляд таким же тягучим и доверительным взглядом женским, каким она, налакавшись шампанского, смотрела на меня в баре у «каперов», Гайка лишь истерично дернула плечом и отвернулась.

— У нее роман неудачный был... — вполголоса начал объяснять Тополь. — Хочет теперь доказать ему, что она — самая крутая. И что он по сравнению с нею — полное говно, недостойное того, чтобы называться мужчиной!

— Костя, пожалуйста, не надо! — Гайка вскочила и хлопнула по столу кулаком. Копна ее кудрей, делавшая ее головку похожей на черный одуванчик, нервически вздрогнула.

— Не надо так не надо, — пошел на попятную Тополь.

А роман неудачный у Гайки наверняка с кем-то из нашего брата-сталкера случился. Иначе непонятно, что ты докажешь какому-нибудь торговцу майонезом, если добудешь хоть десять «ведьминых кос»... Но в таком случае с кем именно из сталкеров была близка эта соблазнительная неврастеничка? Я уже было собрался перебраться в уме самые видные с точки зрения внешности кандидатуры, когда мои размышления грубо прервали.

— Может, скажешь этому хмырю, чтобы он убирался? — произнесла Гайка сварливо.

— Сначала ты мне, сестренка, скажи, зачем он явился! Потому что я его обнаружил в момент, когда он наставлял на гебя во-от такой ствол. — Тополь показал, какой именно. Получалось в два раза больше, чем в реальности. Странное дело — какой бы размер мужчина ни показывал руками — размер пойманной рыбы, размер полового органа или короткоствола, всякий раз получают лишними от 20 до 50 процентов линейного габарита. Тем временем Тополь продолжал: — Я Вовасика знаю много лет. И ответственно тебе заявляю, он просто так по домам симпатичных телочек со стволом шариться не будет!

Я скромно потупился. Это была чистейшая правда, хотя по пьянке со мной, не скрою, случались разные комические случаи.

— Пусть Комбат сам скажет. Мне лениво, — с самым высокомерным видом заявила Гайка. Она, кажется, начала понимать, что ее карта бита.

— Если вкратце, Костя, то ситуация такая. Мы с одним товарищем добыли «кварцевые ножницы».

— Что еще за «один товарищ»? — ревниво осведомился Костя. К слову, он привык, что я ему, как напарнику, почти не изменяю. А если и изменяю, то задорого. А потом проставляюсь ему по полной, чтоб он, не дай бог, «не затаил».

— Да Тигренок... — Я поморщился.

— Тигренок? Кто-то новенький? Почему я не знаю?

— Да он даже и не новенький. Он просто малолетний долбо... долбодятел! Школьник практически!

— И вот с этим-то дятлом ты и добыл «ножницы», очень редкий и очень ценный артефакт?! Похоже на художественный свист, если честно! — В голосе Кости слышался скепсис.

— Да. Добыл. А Гайка — она у нас с Тигрёнком «ножницы» украла, когда мы спали в гостинице после солидной попойки, на которой мы наши успехи сообща обмывали!

Костин взгляд зримо отяжелел. Как бы свинцом налился. И он перевел его с меня на Гайку.

— Украла, да-да! Потому что Зона — это такое место, где клювом щелкать нельзя! И напиваться до свинства, как напились вы с Тигрёнком, тоже! — с презрением выпалила Гайка. Никаких признаков моральных терзаний или хотя бы раскаяния на её узком правильном лице не угадывалось. — Ты же сам мне говорил, Костя, что в Зоне классическое уголовное право не действует. Ведь говорил?

— Ну когда-то говорил... — неохотно согласился мой лучший друг. — Но я не то имел в виду, что можно у нашего брата-сталкера хабар воровать! — грозно прибавил он.

— Да этот Тигренок — он никой не сталкер! А значит, это правило на него не действует! — Гайка была похожа на разъяренную фурию.

— Сталкер он или не сталкер, но у него девушка в коме. И чтобы ее оттуда вытащить, «кварцевые ножницы» очень нужны, — сказал я твердо. — И хотя насчет: «клацать клювом в Зоне», я с тобой согласен и, в общем, даже до какой-то степени согласен с тем, что в Зоне от алкоголя лучше воздерживаться, если можешь... И все же это слишком суровое наказание для Тигрénка, мне кажется. Потому что здоровье, тем более здоровье близких — это святое. И с этим не играют. А ты — ты сыграла. Это ты хоть понимаешь, Ирина свет Ивановна?

— Это я понимаю, — глухо отозвалась Гайка. — Теперь...

— Если понимаешь, значит, верни Вовику «ножницы». Где ты их тут запрятала? И поживее! — велел Тополь. — Я, кстати, тоже посмотрю на них с интересом. Никогда такой

фигни не добывал... И, кстати, мне стыдно за тебя, дорогая сестрица...

Я наконец поверил в то, что он действительно ее старший брат. Уж больно уверенно он отдавал ей указания. Уж больно по-домашнему, по-отцовски журил.

— Я не могу! — Гайка всплеснула руками и трагически сдвинула свои густые черные брови.

— Что «не могу»?

— Отдать ему «ножницы»!

— В смысле?

— В смысле, что я их продала. Продала сегодня вечером. Понимаешь?

— Кому?

— А пёс его знает! Я вернулась и сразу разместила в Сети объявление. Через семь минут он мне позвонил. Мы встретились на автовокзале, возле «Дружка-пирожка», когда автобус киевский остановился... Чтобы людей побольше было, на всякий случай... Он мне дал деньги, я ему — «ножницы». Все как обычно! И — краями!

Я едва не лопнул от досады. Черт бы побрал ее, эту Гайку! Мало того, что воровка. Так еще и сообразительная воровка! Смогла не только украсть, но и быстро сбыть! Вот почему эта тварь душ принять не успела! Потому что артефакт ездила продавать! Не до скрабов ей было с шампунями! Рубила бабло, которое побеждает зло!

В ту же секунду я представил себе разочарованное полудетское лицо Тигрэнка. Лицо человека, потерявшего единственную, пусть и призрачную, надежду. Как же стало мне дуралея жалко! Как же я рассердился на эту мерзавку, когда понял, что «ножницы», похоже, действительно ускользнули!

— Как он выглядел, твой покупатель, говори! — быстро спросил я, глядя на Гайку в упор.

— Да как-как? Обычно. Такой... Низкого роста... Шатен... Полноват немного... Живот над ремнем нависал... Я таких не люблю...

— А возраст?

— Да старый уже. Лет сорок.

«Сорок лет — это у нее, у этой пигалицы, называется «старый», — обиженно отметил я про себя. — Этак и я скоро в ветхие дедушки у нее попаду. И братишка ее дорогой — тоже...». Но в тему я вдаваться не стал — не время было для философии.

— А одет он был во что?

— Да обычно... Летние брюки со стрелками... Рубашка с коротким рукавом, бежевая такая...

— Может, какие-то особые приметы? Ну шрам там или что?

Я очень надеялся опознать перекупщика — ведь я почти всех знал в лицо (до того, как мы с Хуаресом нашли друг друга, в плане сбыта я был сталкером легкого поведения!). Всегда имелась какая-то вероятность, что можно будет вернуть барыге деньги (ну или чуть больше денег, так сказать, штраф за переменчивость) и получить обратно артефакт.

— Нет, шрамов у него не было... Обычный человек... Обыватель... На улице я бы за такого взглядом не зацепилась...

— А контакты он свои тебе оставлял? Типа телефона? Или адрес электронной почты?

— Нет... Когда он мне звонил, его номер не определялся... И перезвонить по нему никак не получалось...

— Ну может, хоть какая-то зацепка?

— Никакой зацепки, Комбат... Никакой...

Я посмотрел на Гайку с яростной укоризной. Она посмотрела на меня. Впервые за все время нашего разговора я заметил в ее глазах какое-то человеческое, направленное непосредственно на меня, внимание. Мне даже показалось, что на этот раз бездушная засранка Гайке... действительно стыдно!

— Я деньги отдам, конечно, — глухо промолвила она. — Я-то все это дело больше как игру воспринимала...

— Хороша игра! — в сердцах воскликнул я. — Жизнь человека на кону! Я имею в виду

девушку Тигрѐнка нашего недоделанного... Алѐну эту несчастную...

— Да ясно, что её. — Гайка вздохнула. — Если бы я про Алѐну знала тогда... Вам что, трудно было мне сказать? Все-таки четыре часа вместе квасили... Но главное — это... ну... в общем, если ты узнаешь, где тот мужик, который у меня «кварцевые ножницы» купил, сейчас находится, я в любое время к нему съезжу. Или с тобой, или без тебя... А если артефакт в Зоне где-то обнаружится, так ты снова же меня зови, вместе конфисковать его будем... Огнем тебя поддержи. И вообще... — Гайка всхлипнула и закрыла ладонями покрасневшее лицо.

— Да и я поучаствую, отчего нет? — пообещал Тополь. — Коллективную ответственность желаю нести, понимаешь, с сестрицею своею непутевою!

— Ловлю на слове. Обоих! — сказал я и мрачно засопел.

Катастрофически сильно хотелось выпить. Но с другой стороны, только выпивать нам сейчас не хватало! Поэтому я поджарил яичницу из пятнадцати яиц на всю ораву. И мы съели ее в полном молчании. Ясно было, что спать уже никто сегодня не ляжет.

После того как мы поели, я понял, что надо что-то решать.

— Сидите здесь, ждите моего звонка, — приказал я.

— А ты сам-то куда и зачем? — спросил меня Тополь.

Глаза его блестели. Было видно, что в Москве, под крылом у жены минигарха, он истосковался по настоящей жизни (в нашем ее понимании). С перестрелками, мордобоями и багровыми сполохами Каменного Неба над Янтарем.

— Если я честно скажу вам куда, вы сдадите меня в дурку. И возможно даже, будете правы.

Дома я первым делом бросился к тайнику, где лежал чудо-шлем, презентованный мне моей Мисс-86, незабвенной Лидочкой Ротовой.

Пока я ехал из Дитятки, решение в моей голове полностью вызрело.

Если у нас нет возможности рациональным путем установить, кому именно продала «кварцевые ножницы» Гайка, значит, мы установим это путем иррациональным. А именно, погрузив мой мозг в пучину провидческих сновидений наяву. В общем, мне нужны были мои видения. А вдруг «кварцевые ножницы» привидятся?

Я развел огонь в камине, рубанул вискаря и, помолясь, натянул на уши шлем.

Ничего не произошло.

А впрочем, что должно было произойти?... Ведь как там мне объясняли? Этот шлем создан, чтобы экранировать избыточно возбудимого человека от информационных потоков той самой «внекосмической пустоты» Демокрита, о которой так красиво говорила Лидочка!

А мне нужно наоборот — впустить в себя эту самую «внекосмическую пустоту». И пусть она расскажет мне, как помочь этому дурику Тигрѐнку, который сейчас храпит в моей спальне!

И тут я вспомнил про режим «реверс», который включался у чудо-шлема, если повернуть его «шишак» на три полных оборота против часовой стрелки.

А что такое режим «реверс»? Это тот, который противоположен нормальному. И если в нормальном режиме шлем экранирует, значит... в режиме «реверс» он должен видения стимулировать!

«Я хочу знать ответ на вопрос, где находятся «кварцевые ножницы»... Я хочу увидеть «кварцевые ножницы»... Покажи мне «кварцевые ножницы»...» Непонятно, кого именно я заклинал этими повторениями. Не то свое подсознание, не то «внекосмическую пустоту»...

Я включил режим «реверс», допил виски и откинул затылок на подголовник кресла.

Мое сознание словно бы расплавилось и потекло куда-то в дальнюю даль...

...Наконец я увидел блестящий клинок «кварцевых ножниц». Один из двух одинаковых клинков, которые вместе и составляют «ножницы».

Несомненно, это был именно тот артефакт, что добыли мы с Тигрѐнком. Совпадали и длина, и оттенок.

А главное, на наших «ножницах» имелась характерная щербинка у основания одного из клинков. Именно эту щербинку крупным планом я и наблюдал в своем видении. В остальном, надо сказать, изображение было никудышным, фокус наводился плохо и управлять как бы ходом

камеры (не знаю, как выразиться точнее) я совсем не мог.

От щербинки «фокус» камеры пополз вверх, и я увидел руку, натянутую в армированную перчатку экзоскелета. Собственно, эта рука и держала клинок «кварцевых ножниц».

Вслед за тем перед моими глазами проползла пелена то ли дыма, то ли рванного в клочья густого утреннего тумана. И мне открылась белая стена, уходящая куда-то вверх, за пределы зрения.

Нет, это была не стена... Выпуклый борт чего-то...

Чего? Корабля? Летательного аппарата? Самолета?...

Да-да, черт возьми! Самолета!

Мои глаза, следуя камере, отсканировали пять цифр, аккуратно выведенных рядком под трафарет. Бортовой номер самолета.

«Ножницы» к этому времени уже куда-то подевались.

Признаюсь, больше ничего внятного я не увидел.

Вероятно, способности моего нетренированного мозга контактировать с «внекосмической пустотой» полностью исчерпались. А может, ресурс шлема вышел...

Когда я вернулся в реальную реальность и осадил виски стаканом «Миргородской», я понял, что, несмотря на скудость моего видения, я все же получил достаточную информацию.

Самолет. Единственный самолет таких размеров, такой сохранности и с борт-номером советского образца — это, конечно же, знаменитый Ан-124 «Руслан» на базе «каперов». Тут не может быть никаких сомнений.

После того, как я принял душ, плотно позавтракал и даже покормил Тигрёнка, я позвонил Тополню на мобильник.

— Ну как вы там... с сестрицей? — спросил я.

— Нормально. В деберц дуемся. А ты?

— А я узнал, где «ножницы».

— Да ну?! И как узнал?

— Как-нибудь потом расскажу. Это не для печати.

— Ладно. И где они?

— У «каперов»!

Костя испуганно примолк. «Каперы» не внушали ему оптимизма.

— И что будем делать теперь? — спросил он осторожно.

— Ничего особенного. Просто заявимся к ним в гости. Попробуем поговорить. Вернуть деньги. Если надо — немного докинем сверху.

— А они нас не того?

— Вряд ли. Нас все-таки будет четверо. Четверых они тронуть не посмеют... Да и реноме...

— И когда идем?

— Да прямо сейчас. Чего откладывать?

Особого восторга на том конце провода не было. Да я и не ожидал его.

— Уговор дорожке денег, Костя, — напомнил я.

— Да помню, помню. Дай только побреюсь.

Глава 17

Стремный лейтенант Кайрис

I'm seeing things that you won't believe exists...
Bulworth, Prodigy

Итак, нас было четверо — я, Костя, Тигрёнок и наша ненаглядная Гаечка.

Я шел первым, Тигрёнок — вторым, Гайка — третьей. Костя был замыкающим. Умилительная картина, прямо скауты в походе!

Сходство со скаутами усиливалось нашей демонстративной безоружностью.

Ни одним стволом мы не светили. Противогазы сняли и спрятали под одеждой. И даже траншейный красавец-нож «Мак-Нэри» с рукоятью-кастетом был убран мной от греха подальше из поясных ножен в потайные нагрудные.

Нет, вы не подумайте дурного — на самом деле мы были вооружены до зубов.

Взять для примера Тополя. Главным калибром он избрал штурмовую винтовку FN2000. В качестве вспомогательного автоматического оружия выступал отнюдь не лучший в своем классе, но эргономичный пистолет-пулемет «Кипарис». Оружием ближнего боя служил классический «Зиг Зауэр» и спецназовский нож НРС-2 с однозарядным стреляющим устройством в рукояти.

Мне, кстати, этот нож страшно нравился. И не за то вовсе, что из него можно было выстрелить при помощи бесшумного патрона СП-4 вполне полновесную, смертоносную пулю. А за то, что рукоять ножа целиком и полностью следовала девизу: «Пусть стены этого сортира украсят юмор и сатира».

С одной стороны рукояти сверкала внушительными буферами русалка в намитке — белорусском национальном головном уборе (что меня как уроженца Витебска радовало). А с другой стороны имели место быть изречения. Так сказать, народная мудрость, выгравированная мельчайшим, но все еще читабельным шрифтом.

Среди прочего помню афоризм:

Коль тяжело на сердце и холодно в груди,
Прочти статью устава и строевым пройди.

Но это еще не все! В загашнике у Кости имелась и карманная артиллерия — три наших любимых «эргэдэшечки» и тупая безвольная дура РС-2 — «ручная граната специальная». Такой точно я пытался поджечь химеру в Дюнах. Точнее, даже не пытался, а поджег. Но не очень успешно.

Но ладно бы Костя. Он у нас известный романтик военного дела. Однако и сестрица его жгла не подетски! Видать, от братца отставать не хотела.

В рюкзаке у Гайки своего часа дожидались два обреза помповых ружей «Mossberg- 500», милые такие шалунишки 41-го калибра.

Вы, наверное, хотите знать почему «моссбергов» было два? Очень просто! В типовой ситуации «один кровосос против одного сталкера» магазина к любому автомату хватает, чтобы удерживать кровососа на безопасном расстоянии, максимум на десять секунд. А согласованной стрельбой по-македонски из двух «моссбергов» можно держаться тридцать секунд, не особо напрягаясь.

Правда, если вы — легкая девочка без экзоскелета, то для вас будет важен упор, иначе вас унесет отдачей за тридевять земель. Ну так сядьте на жопу спиной к стволу дерева, да?

Помимо ружей у нашей красавицы и умницы имелся револьвер Кольт «Питон». Неженская машинка, на мой сталкерский вкус. Но Гайка почему-то была от него без ума.

Картину довершали метательные ножи-«осетры».

Лично меня они смешили до слез. Ну кого ты убьешь этим «осетром»? Может, оголодавшего псевдогиганта?

Или химеру завалишь? Буа-га-га три раза. Но, конечно, с Гайкой я своими соображениями не делился. От этой можно и в глаз получить за ехидство.

Самым миролюбивым из нас был, конечно, Тигрёнок. После долгих уговоров он согласился взять мой старенький «Вальтер». Откровенно говоря, с его навыками стрельбы «Вальтер» был ему совершенно не нужен. Но Костя настоял, чтобы при Тигренке было какое-то средство подачи громкого звукового сигнала...

К Сухому Лугу, где располагалась база «каперов», мы вышли в десять утра. Точнее говоря, не к самому Сухому Лугу, а к торному тракту, известному среди бывалых сталкеров как Бетонка-3.

Эта неплохо сохранившаяся дорога, выложенная бетонными плитами, вообще-то вела из района Речного Кордона на Радар — с востока, стало быть, на запад.

Мы же двигались с юго-востока на северо-запад, и для нас Бетонка-3 служила своего рода преддверием Сухого Луга. За ней лежали триста метров убитого радиацией леса. И вот за лесом уже начинался Сухой Луг.

Сверившись с картой, я предложил обойти неприятный лесок по бетонке, тем самым отступив от сталкерского обыкновения шхериться по кустам.

Как ни странно, со мной быстро согласились.

Не успели мы пройти и ста метров, как сзади, со стороны Речного Кордона, послышался гул тяжелой колесной техники. Как это часто бывает в Зоне, колонна появилась у нас за спиной будто рывком, внезапно, поскольку звук двигателей ощутимо запоздал по воле очередного акустического эффекта.

Мы остановились.

Прятаться было уже поздно. Решили постоять у обочины, пропустить военных. В Зоне тем месяцем было в целом спокойно, так что серьезных неприятностей мы не ждали. Но они могли завариться, стоило нам начать дергаться, бежать в кусты и страдать тому подобной суетой, порочащей высокое звание бывалого радиоактивного мяса.

Если верить эмблемам на бортах бронемашин и грузовиков, нас нагнала «анфоровская» колонна, состоящая сплошь из солдат Legion Etrangere — Французского Иностранного Легиона.

Впрочем, и без всяких эмблем было очевидно, что матчасть французская. Шестиколесные пушечные бронеавтомобили AMX-10RC ни с чем не спутаешь. Да и реношный ромб на капотах грузовиков не узнал бы только даун.

Кузова четырехтонных армейских грузовиков были полностью закрыты брезентом, мешая разглядеть их груз. Что же там они везут? Вот что на самом деле было мне интереснее всего. Уж больно низко просели грузовички...

А еще в колонне шел подъемный кран. Правда любопытная деталь?

А зачем он, кран? Не для содержимого ли грузовиков, а?

Но кто же скажет! А если не скажут, есть ли смысл спрашивать?

Тем не менее разговор, похоже, был неизбежен.

Один за другим бронеавтомобили и грузовики принимали влево и, нагло перегораживая узкую, заросшую по обочинам бетонку, тормозили.

Мы с Тополем переглянулись. Конечно, серьезных проблем от лягушатников никто не ждал. И всё же Зона на то и Зона, чтобы ежеминутно преподносить сюрпризы! Собственно, первым сюрпризом стал сам факт того, что колонна остановилась — мы-то были уверены, что она преспокойно проедет мимо нас дальше, по своим делам.

— Слушай вводную, народ, — вполголоса сказал Тополь, адресуясь в основном Гайке и Тигрэнку. — Говорить буду я. Вы помалкивайте, что бы ни спрашивали. И, кстати, — Тополь покосился на Тигрэнку, — сделайте умные лица.

— Это зачем еще? — насторожился тот.

— Увидишь.

Тем временем с брони ближайшего к нам бронеавтомобилу спрыгнул невысокий, квадратный мужичок в камуфляже и лиловом берете. Небрежно помахивая монструозным «Дезерт Иглом», он направился к нам.

«Мама дорогая», — мысленно вздохнул я.

Не доверяю я мужикам с «Дезерт Иглами». Размеры «Дезерт Игла» указывают на то, что у их владельцев комплексы по поводу длины своих детородных органов и, соответственно, проблемы с нормативным социальным поведением. А от проблем с нормативным социальным поведением уже рукой подать до сломанных ключиц, вышибленных мозгов и тэ дэ.

— Бонжур, месье! — дружелюбно ослабившись, произнес Тополь и с преувеличенным радушием, свойственным иностранцам, сделал два шага навстречу мужику в камуфле.

Коренастый остановился. На какую-то долю секунды его лицо омрачилось смущением.

— Ар ю френч? — спросил он. — Ай донт спик френч!

«Странно, — подумал я. — Не говорит по-французски, но форму Легиона носит!»

— Ду ю спик рашн? — спросил Тополь.

— Оф корс, ай ду! То есть да, я говорить! — заверил квадратный мужичок.

«Очередной дебил из Прибалтики. А впрочем, чего удивительного? С тех пор как российский товарный транзит через их порты окончательно накрылся, этих ребят в Иностранном Легионе всё больше. Да и вообще везде, кроме собственно их родных каунасов-шмаунасов, где одни коровы с доярками остались».

— Чем могу служить? — галантно осведомился Тополь.

— Надо знать, кто вы такой! И вы тоже! И вы! — Мужичок обвел меня, Тигрѐнка и Гайку обобщающим жестом.

— Я военный сталкер Константин Уткин. — То, что Тополь назвал свои подлинные имя-фамилию, было, если вдуматься, неожиданно щедрым, избыточным откровением. — А это — сопровождаемые мною лица. Ученые. Физики.

— Девушка ученый? Также? — подозрительно спросил мужик, махнув в ее сторону «Дезерт Иглом» (идиот! кто так делает?! я бы мог на рефлексе сломать ему челюсть!).

Гайка артистично вздернула нос и глянула на прибалта с плохо скрываемым вызовом.

— Да, я специалист по физике твердого тела, — отчеканила она.

«Ага, твердого и пещеристого», — ехидно подумал я.

— А они? — не отставал мужичонка в камуфле. — Чего специалисты?

— Физик-аномальщик доцент Комбатов. — Тополь указал на меня. — А это его аспирант Тигришный. Они вместе готовят доклад для конференции.

— Международной конференции, — строго уточнил я, поддерживая игру. — В Катманду.

Тигрѐнку хватило самообладания удержаться от своей фирменной глупой улыбочки.

— Куда направляетесь?

— В базовый лагерь на Янтарном озере. Там нас ждет некробиотик Трофимов.

— За какой цель он ждет?

Тополь обернулся ко мне, взглядом переадресовав вопрос. Мол, откуда мне, простому военсталкеру, знать, в каких эмпиреях парят ученые люди?

Я за словом никогда в карман не лез.

— Видите ли, мы с профессором Трофимовым разработали серию уникальных по своей теоретической ценности экспериментов, — запел соловьем я. — Часть из них связана с фермионным континуумом. Мы добиваемся от гравитационных концентраторов — так называемых «плешей», «воронок» — извержения устойчивых фермионных спуров...

Стоило мне произнести слова «фермионный континуум», как лицо мужичонки в камуфле поскучнело.

Еще бы не поскучнеть-то! От «континуума»! А когда я дошел до «фермионных спуров», его, как мне показалось, уже практически тошнило.

— Спасибо, все ясно! — торопливо прервал мои излияния он. — Можете идти. И я лично давать вам совет. Здесь, в этот местом, не задерживать... задерживаться.

— Благодарю за совет. Непременно ему последуем.

— С кем мы имели честь беседовать? — льстиво улыбнувшись, поинтересовался Тополь.

Похоже, вопрос застал прибалта врасплох.

— Я есть... лейтенант Кайрис, — ответил он с запозданием. И, посчитав разговор законченным, заспешил к своей могучей боевой машине.

Отойдя от колонны метров на сто, мы с Тополем дали волю своей подозрительности.

— Бардак какой-то кругом, — процедил я. — Чувак, на минуточку, лейтенант Французского Иностранного Легиона. А по-французски ни фи́га не понимает.

— И ладно бы только это! — отозвался Тополь. — А как тебе его берет?

— А что с беретом?

— Как это что? Он лиловый у него!

— И что?

— Да «лиловых беретов» Легиона уже полтора года в Европе нету! Все они в Джибути сидят, негритянок за филейные части шупают!

— А откуда вы такие подробности знаете, Константин Алексеевич? — спросил удивленный Тигрёнок.

— Он на Речном Кордоне с лягушатниками пуд соли съел, когда военсталкером работал, — ответил за Костю я. И, не удержавшись, добавил: — И два пуда лягушек, кстати.

Гайка тоже не осталась в стороне от дискуссии.

— Да что береты! — вспыхнула она. — Вы мне лучше скажите, какого ляда они вообще посреди бетонки остановились?! Ведь не для того же, чтобы с нами поговорить! Мы ушли. А они, между прочим, остались. Зачем? с какой целью?

— Мало ли зачем? Привал обычный, — отмахнулся я.

— Ничего себе местечко для привала! — фыркнула Гайка. — Слева скопище гравиконцентраторов размером с футбольное поле. Справа — птичья карусель. Размером с карусель.

— Не придирайся, сестрена, — рассудительно прогугнил Тополь. — Тут выбирать особо не из чего.

— Сколько раз я тебя просила не называть меня «сестреной»! — Гайка состроила недовольную гримаску.

Не знаю, до чего бы мы договорились, но пришла пора сходить с бетонки. Я попросил коллектив заткнуться и утроить бдительность.

Поминутно сверяясь с картой и заставляя Тополя обстреливать болтиками каждую подозрительную кочку, я за полчаса провел группу через закраины редколесья.

Мы перевалили через невысокий бугор и наконец-то вышли на собственно Сухой Луг. На краю которого нас встретила желтая жестяная табличка:

СТОЙ!
ЗОНА СПЛОШНОГО ЗАРАЖЕНИЯ
400 рентген/час

— Мать моя женщина! — вскричал впечатлительный Тополь. — Ты куда нас привел, изверг? Или у тебя здесь где-то четыре экзоскелета прикопаны?

— Ага. И восемь пар свинцовых трусов.

— А почему восемь? — робко спросил Тигрёнок.

— Потому что по два на брата, — брякнул я, и мы с Тополем смачно заржали.

— И все-таки, — лицо у Тигрёнка было бледным, как мел, — четыреста рентген — это очень большая доза. Смертельная почти!

— Во-первых, «почти» не считается. А во-вторых, нету здесь четырех сотен рентген-час и никогда не было! Ты кому больше веришь — табличке или моим приборам?

— Приборам, конечно.

— Вот и я тоже. Поэтому не поддавайся панике.

Здесь надо сказать пару слов о тамошнем ландшафте или даже не знаю, как это безобразие назвать.

Тут и там — рощицы мутировавшей крапивы в два человеческих роста. И абсолютно сухой притом. Будто кто специально эти рощицы исполинским феном высушил.

Почти все районы произрастания крапивы были на карте помечены как «горячие пятна». Это значило, что соваться в них без крайней надобности ни в коем случае нельзя. Четырехсот рентген/час там, пожалуй, все равно не было, но нагулять себе месячный курс дорогущей реабилитации в киевской радиологической клинике можно было за милые венки.

Почти все свободные проходы между куртинами крапивы заросли болотным хвощом в метр высотой.

Вид у хвоща был такой доисторический, такой мезозойский, что казалось, на нас вот-вот выскочит некрупный динозавр размером с лошадь.

В реальности же вместо динозавров в хвощах водились какие-то странные птицы, похожие

на помесь сойки со страусом. Полуобглоданные трупы этих птичек встречались довольно часто, придавая пейзажу ни с чем не сравнимое своеобразие.

— Далеко еще? — сварливо спросила Гайка.

— С какой целью интересуетесь, дамочка? — спросил я, чтобы ее позлить.

— Да есть у меня подозрение, что мы с дороги сбились.

— Такое никак невозможно. Я на карту все время гляжу.

— А если карта, которую тебе Синоптик слил, гнилой оказалась?

— Может, и так. Да только поздно заднего включать! В крайнем случае сейчас новую тропу сами провесим! — с вызовом сказал я, попутно охреневав от собственной наглости.

— Эй вы, молодожены, кончай драки, — раздался голос Тополя. Он стоял к нам спиной и тщательно ощупывал местность в бинокль. — Вижу вторую табличку!

— Все как и должно быть по карте Синоптика! — сказал я Гайке с торжеством.

Когда мы подошли к табличке на расстояние вытянутой руки, стала различима надпись, изрядно попорченная ядовито-зелеными полосами неясного происхождения.

СТОЙ!
ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА
ВЕДЕТСЯ ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ

Каковую надпись я и прочел вслух с пафосными кавказскими завываниями:

— Стой, брат, да? Запэрэтная зона, слюшь. Вэдотса агон на паражэниэ, э?

Грубо и по-детски, согласен. Но Гайка улыбнулась, а для меня женская улыбка дорогого стоит, люблю я женские улыбки.

— Правда, что ли, про огонь на поражение? Или тоже свист? — поинтересовался Тигренок, напустив на себя бывалый вид. Голос его уже не дрожал. Чего, впрочем, нельзя было сказать о руках.

— Практика покажет, — недобро ухмыльнулся Тополь.

Я тоже ухмыльнулся. Потому что знал — никакого огня тут не ведётся.

В каком-то смысле «каперы» слишком ленивы для того, чтобы держать на мушке все дальние подступы к своей базе. С другой стороны, мы все-таки находились на их официальной (пусть и не афишируемой) тропе, а в таких местах даже самые отмороженные кланы не валят кого попало. По крайней мере не валят без предупредительной стрельбы.

Карта Синоптика требовала, чтобы, дойдя до этой таблички, мы повернули строго на восток и держались этого курса сто семьдесят метров, пока не дойдем до Телефонной Будки.

Я вам скажу, это были опасные сто семьдесят метров.

Взять хотя бы роши мутантной крапивы. Проход между ними был здесь совсем узехоньким. Фактически нам предстояло пройти тесным ущельем, протискиваясь между смертельно ядовитыми растениями и опасными аномалиями.

Мы с Тополем посовещались и пришли к выводу, что самое умное в нашем положении — идти по-альпинистски, обвязавшись всем одной веревкой (которая у Тополя, конечно же, была). Гайка, само собой, развыступалась. Но мы быстро заткнули ей рот неопровержимыми аргументами и непробиваемыми доводами.

До Телефонной Будки мы добрались без особых приключений. Не считать же за таковые птичью карусель, которая коварно выхватила у Тигрénка, как всегда клацающего клювом, его любимую флягу с минералкой. Выхватила бы она и самого Тигрénка, если бы не наша веревка, которая спасительной пуповиной связывала его с Гайкой.

В общем — обошлось.

Мы остановились у так называемой Телефонной Будки, утерли вспотевшие лбы.

Странное это было зрелище. Начать с того, что самой будки в квадрате карты, помеченном «Телефонная Будка», уже практически не осталось. Ее железный остов полностью сожрали ржавые волосы. Стекло осыпалось. Резиновые уплотнители истлели.

Ржавые волосы, лишённые питания и опоры, попадали в конце концов на землю. Где и

образовали вокруг телефонного аппарата, висящего в воздухе на каком-то чудом сохранившемся штыре из совершенно неопознаваемого черного материала, зловещую рыжую кляксу.

Становиться в эту кляксу, конечно же, категорически не велели мои развитые сталкерские инстинкты. Но карта Синоптика специально оговаривала, что надо проверить окрестности аппарата на традиционные аномалии. И если аномалий нет — смело входить в рыжий круг, он безопасен для человека, обутого в любые, даже самые обычные ботинки.

Вы спросите меня, а почему ржавые волосы не съели телефонный аппарат, который ведь тоже был металлическим — ибо, напомним, это был древний советский телефон? А потому они его не съели, отвечу я, что «каперы» регулярно покрывали корпус аппарата жидким стеклом. А до них, насколько я понимаю, то же самое делали «истиновцы», которым раньше принадлежала база на Сухом Лугу.

Мы с Тополем переглянулись. Пора было звонить, просить разрешения войти.

— Кто говорить будет, ты или я? — спросил меня Тополь.

— Я, конечно. Я же старшой у нас.

— Ну я просто подумал, может, ты на меня эту мегаважную задачу перевалить хочешь? По праву старшого?

— Да я бы с удовольствием всю эту лабуду вообще на Тигрэнка переложил. Это ж ему «кварцевые ножницы» нужны, не мне.

Тигрёнок встрепенулся и заявил своим геройским нетвердым голосом:

— А что, я готов!

Мы с Тополем посмотрели на него с отцовской нежностью.

— В другой раз, парень. В другой раз.

Я снял трубку и набрал на телефонном диске номер — четыре единицы, как учила карта Синоптика.

Раздался длинный гудок.

Еще один.

И еще.

Лишь после шестого гудка трубку на том конце провода сняли.

— Алло, сталкер Комбат беспокоит, — начал я. — Со мной еще трое. Прошу прохода на базу.

— С какой целью? — после нервирующей паузы спросил меня хриплый мужской голос.

— Хочу поговорить с Шивой.

— О чем?

— О важном. Это я могу сказать только Шиве.

— Он сейчас очень занят.

— Я подожду. То есть мы подождем.

На том конце провода долго молчали — как видно, обладатель хриплого голоса с кем-то советовался. Наконец ко мне снизошли.

— Мы отключили минное поле, Комбат. Коридор прохода обозначен голубыми огнями. Когда дойдешь до земляного вала, стой и жди. И не вздумайте баловать — положим всех за секунду.

— Это уж само собой, браток, — сказал я как мог доброжелательно.

Глава 18 База «каперов»

I'm the bitch you hated, filth infatuated.
Yeah, I'm the pain you tasted, fell intoxicated.

Firestarter, Prodigy

Как и следовало ожидать, цепочка голубых огней складывалась в нечто вроде эзэсовской руны «Зиг». Для тех, кто не понял, разъясняю: проход в управляемом минном поле был организован так, чтобы ползущая по нему анаконда сломала себе хребет.

В общем, как говорим мы, сталкеры, в таких случаях, «Дело было плевным: семь минут страха, пара обмоченных портков и две семерки на мизере в прикупе».

Вал, окружавший базу «каперов» широкой подковой, был, несомненно, аномальным образованием высотой местами до пяти метров.

Откосы вала вовсе не были покатыми. Взобраться вверх на своих четырех представлялось практически неразрешимой задачей. Уж не знаю, что это была за дрянь, но многие участки вала поблескивали, словно по ним проползли гигантские слизни. Уверен, эта штука была не только скользкой, но и могла запросто отхватить вам руку или ногу — как это умеет, например, гриб-невидимка.

Кстати, грибы-невидимки там тоже наверняка росли в изобилии. Такая моя сталкерская интуиция.

Мы дошли до вала и, как нам было приказано, остановились. Присмирившие, напуганные и растерянные, мы были похожи на группу сельских школьников, стоящих у кассы столичного «Макдоналдса».

— Как думаешь, лестница веревочная будет? Как в домике Нашатыря? — шепотом спросил меня Тополь.

— Полагаю, лестницы никакой не будет, — предположил я важным тоном и оказался абсолютно прав.

На гребне вала нарисовалась фигура в тяжелом бронежилете «Бизон» и с монструозной 12,7-миллиметровой снайперкой ОСВ-96 наперевес.

— Добрый день, — сказала фигура достаточно приветливо. — На четыре шага левее — аномалия «лифт». Дружно встаньте на нее и расслабьтесь, дальше все произойдет само.

Что такое «лифт», нам с Тополем объяснять не надо было. Впрочем, как и Гайке — она тут же скроила недовольную гримаску. А вот Тигренок был в своем излюбленном амплуа — амплуа младенца, вчера появившегося на свет.

— А вдруг он радиоактивный, этот «лифт»?

— Чего? — вытаращился на него Тополь.

— Ну, я имею в виду, нет ли здесь какого-нибудь подвоха?

— Тигренок, — терпеливо сказал я, — чтобы продемонстрировать свою компетентность, про гравитационный лифт надо спрашивать так: «А не успел ли он выродиться в приземную птичью карусель?». Гайка не удержалась и прыснула со смеху. Тополь осклабил. И даже фигура наверху вала хихикнула.

Только Тигренку, казалось, было совсем не смешно.

— Да я чего? Я ничего, собственно, — буркнул он и обиженно засопел.

Мы встали на «лифт» и через несколько секунд упругого парения в воздухе оказались в аккурат возле сталкера со снайперкой ОСВ-96.

«Хорошо придумано с этим лифтом. Аномалии на службе у человека. В кои-то веки есть прок и от них!» — оценил я, шагнув на абсолютно плоскую поверхность вала.

Сверху открывался отличный вид на базу «каперов».

Вал имел подковообразную форму. Обнимая базу полукольцом, он размыкался к северу. К слову сказать, во время нашего с Тигренком и Гайкой последнего визита в бар с «подсолнухом» мы пришли на базу именно с севера. Так что возможности рассмотреть вал в подробностях, вблизи, я тогда был лишен.

Прямо под нами, во всем своем катастрофическом великолепии, распластался фирменный «каперский» Ан-124 «Руслан». Лишь теперь, взглянув на самолет-красавец сверху, я понял, как именно расположены части его расчлененной туши, где совсем недавно мы так яростно гудели с шампанским под аккомпанемент грозы.

Оба крыла, отвалившиеся то ли при падении, то ли во время одного из позднейших

Выбросов, не лежали на земле, но были подняты на высоту трехэтажного дома, удерживаемые ажурными металлическими конструкциями. Таким образом «каперы» сделали что-то вроде двух крытых сверху, но не огороженных с боков павильонов, в каждом из которых, судя по копошению человечков, кипела жизнь.

«Руслан», как известно, самолет четырехмоторный.

Но под каждым его крылом я увидел только по одной турбине — внутренней у левого крыла и внешней у правого. Еще два двигателя бесследно исчезли.

Интересно, правда, что ли, исчезли? Утонули в болоте, разлетелись на кусочки? Или их где-то припрятали и, может даже, как-то хитро используют?

В прошлый раз я предположил, что хвоста у транспортника вообще не осталось. Отломался, например, при жесткой посадке и сгинул... где-то... положим, в том же болоте, что и две турбины.

Однако осмотр с вала показал: есть хвост, есть, родимый! Он был отделен от фюзеляжа и водружен усилиями каких-то шутников на птичью карусельку. Где и вращался в гипнотизирующем вальсе.

Редкая, кстати, штука — медленная, стабильная птичья карусель, без пульсаций.

«Своеобразное у ребят чувство юмора», — подумал я.

Рядом с «Русланом» я заметил вертолетную площадку. Она была пуста. Хотя по ряду косвенных признаков можно было определить, что вертолеты там садятся нередко.

По другую сторону от самолета бередила воображение совсем странная вещь — озерцо. Точнее даже озеро, поскольку размеры у него были вполне внушительные — порядка семидесяти метров в поперечнике.

Откуда взялось здесь озеро, я лично понятия не имел. Но допускал, что оно было того же происхождения, что и Янтарное. Янтарное ведь началось как большой овраг, искусственно преобразованный в котлован, где была захоронена зараженная техника. И только значительно позднее этот котлован наполнился водой из ключей и ручьев.

Как показали дальнейшие события, в главном я был прав: озеро имело техногенное происхождение.

Только там было вовсе не захоронение зараженной техники. И заполнено озеро было вовсе не водой... Ну то есть не только водой.

Мысленно «сфотографировав» базу в мельчайших деталях (в Зоне надо подмечать всё, каждую подробность, каждый нюанс), я обернулся, чтобы насладиться зрелищем пройденного через Сухой Луг пути.

Да-а-а, а мы отважные ребята, оказывается... Отсюда, с высоты трех человеческих ростов, было видно многое, чего никак нельзя было различить, пробираясь через заросли хвощей и феноменально высокой крапивы.

На земле отчетливо выделялись овалы и восьмерки сенно-желтого цвета. Эти образования отвечали траекториям периодических жарок. А где притаились гравиконцентраты — там словно бы медведи в траве сношались. И таких медвежьих привалов я насчитал за два десятка! Несколько разломов — могучих, но притом еле различимых из-за маскирующей их края растительности — тянулись вдоль энергичного зигзага, прохода в минных полях.

Короче говоря, если бы все эти немаловажные нюансики были по-настоящему аккуратно обозначены на карте Синоптика, я бы еще двадцать раз подумал, прежде чем соглашаться на прогулку через Сухой Луг.

Но это всё было в общем-то и не так удивительно — ибо Зона на то и Зона, чтобы изобиловать аномалиями.

А вот то, что с вала, несмотря на его господствующее над местностью положение, совершенно не просматривается Бетонка-3, меня по-настоящему изумило.

— Слушай, а где дорога-то? — спросил я у парня с винтовкой ОСВ-96.

— Какая дорога?

— Бетонка.

— А, — парень ухмыльнулся, — нас с бетонки не видно? Не видно. Значит, и мы бетонки не видим, — загадочно ответил он.

Ну понятно. Очередной штучный аномальный феномен. Либо феноменальная аномалия. Кому как нравится.

А только зря, ребята. Лучше бы вам бетонку под наблюдением держать, ага. А то ездят там всякие иностранные легионы...

Но я, конечно, промолчал. В Зоне последнее дело учить кого-то жизни. Ну разве что отмычку какого-нибудь или туриста богатенького... Все-таки они за это тебе деньги платят.

Парень с ОСВ-96 передал нас двум менее симпатичным сопровождающим, вооруженным «калашами».

Они провели нас к вертикальному бетонному тубингу, врезанному в вал с внутренней стороны. Внутри тубинга был организован лифт. Обычный лифт с электромотором, не аномальный. Ну то есть как обычный?

Совсем примитивный: круглая платформа на тросах.

Мы спустились вниз и оказались на земле в некотором отдалении от кормовой части «Руслана». Оттуда нас провели вперед вдоль корпуса самолета и пригласили в невзрачный бокс, расположившийся под законцовкой левого крыла.

В боксе нас очень старательно обыскали два хмурых и тощих молодца из службы безопасности «каперов».

На их нарукавных повязках так и было написано: «Служба внутренней безопасности». Всё чин чинарём, порядок полный, я такого позитивного фашизма даже у «долговцев» не видел!

Претензий к нам особых у службы безопасности не было и быть не могло. Мы идеально выдержали правила неписаного кодекса поведения в окрестностях любой клановой базы: с оружием в руках не ходили, тайными мессагами с ПДА не сыпали, радиомаячками не светили.

Более того, всё серьезное оружие, которое при нас имелось, мы, как я уже говорил, держали в рюкзаках.

Причем в незаряженном, а местами и частично разобранном виде.

Кстати, то обстоятельство, что мы не размахивали стволами, очень нам помогло уже при встрече с колонной французской техники и странным лейтенантом Кайрисом. Ибо, как легко догадаться, мы были *действительно* похожи на ученых. А вот если бы Гайка повесила свои «моссберги» в наспинные чехлы-кобуры, а я перся бы по Зоне, сжимая в граблях свой культовый, затюнингованный по самое не могу АК-47...

В общем, по нормам «каперов» мы попадали в категорию хороших ребят.

А стало быть, те же самые нормы — насколько я помнил их по предыдущему визиту — разрешали хорошим ребятам перемещаться по базе, оставив при себе и свои рюкзаки (пусть даже набитые оружием!), и контейнеры для артефактов. Запрещалось, разумеется, открывать и первое, и второе без разрешения. А так — ходи, если не лень.

Скажите, «каперы» с ума сошли? Надо им было ввести драконовские порядочки, как у темных сталкеров?

Отбирать у всех всё, запирать в комнате под охраной и возвращать только на выходе из базы?

Может, и надо было. Но, если честно, смысла не вижу. Тем более что для плохих ребят у «каперов» и без того имелись очень-очень серьезные нормативы безопасности.

В то же время, поскольку мы напросились в гости к Шиве, нас все-таки подвергли крайне тщательному обыску. Но, как я и думал, горы оружия в наших рюкзаках «каперов» не особо заботили. Они искали всякие нательные игрушки: микрофоны, маячки и тому подобную разведывательную электронику.

Ничего подобного у нас не было. А ПДА всех нас попросили выключить и спрятать в рюкзаки.

Когда дошел черед до моего «Мак-Нэри» и до спецназовского ножа Кости, старший наряда службы безопасности — это был видный блондин с пронзительными синими глазами — сказал с

какой-то трогательной неуверенностью:

— Ну а с этим мы что делать будем?

Я хотел миролюбиво предложить: «Тоже в рюкзаки положим, да?», когда вдруг инициативой завладел Тополь.

— Послушай, друг, ты в армии служил?

— Н-нет, — помявшись, ответил блондин.

— Понимаешь, у спецурсы холодное оружие — священная штука. Как мечи у самураев. Мы на этом выросли. Так что мы ножи при себе оставим, лады?

Тут вдруг помощник блондина, выказав завидную проницательность, твердо сказал Тополю:

— Попрошу ваш нож.

Моему другу ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

Взяв Костин нож НРС-2 в руки, помощник ловко обошелся с наружным замыкателем-защелкой. После чего извлек из рукоятки ножа ствол и, не удаляя патрон из патронника, протянул его Косте.

— Вот это спрячьте, пожалуйста, в рюкзак, — попросил он, как мне показалось, с легкой укоризной.

«Черт! Образованный, гад», — читалось во взгляде Тополя.

Не обронив ни звука, он выполнил требование «капера» и принял из его рук значительно обесценившийся нож. Ведь главная изюминка ножа НРС-2 — это именно потайной ствол! Наличие которого обозначено в самой его аббревиатуре: НРС, нож разведчика стреляющий!

А из чего же Тополь теперь стрелять будет, если что? Э-хе-хе.

— Я думаю, — «капер» обратился к своему начальнику-блондину, — теперь мы можем разрешить им оставить ножи при себе.

— Да, — тот кивнул. — Что ж, господа, вы прошли проверку. Шива готов принять двоих из вас. А именно: Комбата и Тополя.

То, что Шива так быстро изъявил готовность с нами поговорить, стало лично для меня неожиданностью.

Ведь голос в телефонной трубке страшал меня адской занятостью босса «каперов». А я привык, что за подобными заявлениями обычно стоят вполне нефиктивные дела. Не делают такие заявления просто так, ради красного словца...

— А как же мы? — спросил Тигрёнок, сиротливо поеживаясь.

— А вы с Гайкой, — ответил я ему, опередив блондина, — идете в бар и налегаете там на молочные коктейли.

Гайка хотела сказать что-то саркастическое, но — о чудо! — промолчала.

Дальнейшая праздничная программа была такая.

Блондин вызвал по телефону двух патрульных.

Один из них был вооружен автоматом «Гроза», другой — только пистолетом в кобуре.

— Этих в Пирамиду, к Шиве, — приказал блондин.

«Что за Пирамида, о чем он?» — недоумевал я.

От бокса службы безопасности патрульные проводили нас с Тополем обратно к валу. Я малость заволновался: а почему это нас от «Руслана» уведят, где же мы с Шивой беседовать будем?

Отчего-то я был уверен, что Шива непременно сидит где-то в «Руслане».

В пилотской кабине. Ага.

Нас пригласили в тот самый бетонный тубинг, где располагался уже известный нам лифт.

— Э, ребята, — я наконец дал волю своему беспокойству, — куда это мы?

Сопровождающий нас «капер», вооруженный отличным автоматом «Гроза», невозмутимо ответил:

— К Шиве, куда ж ещё.

Но в меня словно дух Тигрёнка вселился. Вместо того чтобы с умным видом замолчать, как

и подобает бывалому сталкеру, я глупо улыбнулся и сказал:

— А я подумал, вы нас за вал выбросить хотите.

Счастливый обладатель «Грозы» только покачал головой. Дескать, «ну и ну, вот дурак». И, не переставая качать головой, нажал на педаль лифта.

Да-да. Именно на педаль. В том лифте имелись несколько педалей — и никаких кнопок.

Где-то сверху заурчал невидимый движок, и мы поехали...

...Вниз!

Да, мы двигались вниз, а вовсе не вверх.

«Ну и какая, к бесу, Пирамида?». Я окончательно перестал понимать, что происходит.

Тополь подобрался, глаза его сузились. Судя по всему, моему другу тоже совсем не понравился неожиданный вектор движения.

— А почему вниз-то, мужики? — Теперь и Тополь подключился к моему амплу «зеленый идиотик первый раз пришел в Зону».

— Потому что не вверх, — пояснил второй сопровождающий, с пистолетом в кобуре.

Лифт рывком остановился.

— Теперь, господа, мы обязаны завязать вам глаза, — сказал автоматчик.

— Имеете право, — вздохнул я.

Ну и поскольку глаза у нас были завязаны, последующие десять минут нашего неспешного путешествия оставили не так-то много впечатлений.

Впрочем, звук наших шагов, характер отражения от стен акустических волн, токи воздуха и лязг железных дверей опытному сталкеру кое о чем говорили.

Вначале был некий бетонированный туннель. Затем — бокс-перепускник. Судя по характерному шипению, там имелась полноценная система герметизации и, стало быть, фильтровентиляции.

На что это похоже? Правильно, на военный подземный бункер, рассчитанный на ядерную войну.

Затем нас повели через какие-то подземные коридоры. Несколько поворотов...

— Здесь комингс, осторожно, повыше ноги поднимайте, — комментировали сопровождающие «каперы».

«Хм, комингсы у них... Пряма подводная лодка!». Поскольку я считал шаги — надо же было чем-то нагружать мозг! — я проникся размерами сооружения.

Много в Зоне всяких разных потайных подземелий и лабораторий, но о чем-либо подобном в районе Сухого Луга мне слышать никогда не доводилось. Интересно...

Но любое путешествие с завязанными глазами когда-нибудь да кончается.

Закончилось и наше.

Сопровождающие остановили нас, сняли с глаз повязки.

Мы находились в небольшой комнатке, освещенной тремя источниками света. Два из них представляли собой тусклые и унылые лампочки под потолком, третий был мощной настольной лампой кустарного изготовления. Не уверен, но, похоже, ее основу составляли детали из оснастки распотрошенного «Руслана».

Стены комнатки — голый бетон. Меблировка — квадратный столик, жесткий стул и большой железный шкаф.

Еще там были кадка с гигантской драценой и хрустальная модель собора Василия Блаженного.

Странный набор? Согласен.

А за столиком сидел... ба, да это же был Ариэль!

— Ариэль, привет, — сказал я.

Я не то чтобы хорошо знал его. Так, виделись несколько раз. Кажется, он начинал в клане «Свобода», а потом стал типичным волком-одиночкой, каких много.

Прозвище свое — в честь духа воздуха — он получил за знаменитый полет, осуществленный при помощи трамплина.

Разумеется, нечаянно осуществленный.

Как-то раз, на Агропроме, Ариэль с двумя коллегами добывали «радужное яблоко».

Коллеги были лузеры и долбоклюи, мер безопасности не соблюдали, с датчиками аномалий обращались небрежно.

Ариэль же в тот период как раз крутил эсэмэс-роман с женой Хуареса. Когда он получил от нее мессагу: «Муж все знает. Люблю тебя, твоя Оксана», Ариэль на миг утратил бдительность (и любой бы утратил!). Ну а двое долбоклюев никакой бдительностью никогда и не страдали.

И вот практически в одну секунду произошло следующее.

Первый долбоклюй вляпывается в карусель. На втором же витке с его плеча срывает автомат, который влетает в грудь другому долбоклюю и толкает в сильную жадинку. Тот намертво прилипает. Конечно же, начинает орать благим матом и звать на помощь.

Ариэль, не сверившись с ПДА, прыгает к нему и наступает на трамплин большой мощности, но удивительно деликатных динамических характеристик. Будь эти свойства другими, ботинки Ариэля тут же впечатались бы ему прямо в основание черепа. Но тот трамплин его попросту катапультировал в сторону Янтаря.

Что было дальше, Ариэль не помнит. Зато за него хорошо помнят Ананьев и Бортник — военсталкеры из лагеря ученых, — которые выловили его тушку баграми и погрузили на свою лодку.

Один из них — Бортник, бывший преподаватель истории в средней школе, — и дал страдальцу прозвище Ариэль. А по нашим сталкерским поверьям отказываться от прозвища, полученного подобным образом, никак нельзя.

— Привет-привет, — уныло отозвался Ариэль. — Оставьте рюкзаки здесь и проходите.

Кажется, его не особо протащило то, что я знаю его по имени. Ему явно хотелось казаться большой шишкой. Цепным псом, стерегущим покой своего надмирного господина, властвующего над Зоной и ее многочисленными обитателями.

— Может, хоть чаю предложишь утомленным сталкерам? — спросил Тополь.

— Чаевничать в баре будете, — бесстрастно сказал Ариэль.

Глава 19

Что произошло в кабинете Шивы

Gods of Thunder, Fire and Rain
Cut into the earth till' none shall remain
Sons of demons I command you to fly
Ride up from hell into the sky
We'll fight until we die.

Fight Until We Die, Manowar

Кабинет у Шивы был просторным и респектабельным. Он буквально во всем контрастировал с грязной норкой Ариэля. По всей вероятности, так и было задумано. Вот здесь, на золотом троне, господин. А там — червь во прахе.

Три стены из четырех в кабинете Шивы были заняты гигантскими панорамными аквариумами, каждый тысяч на пять литров.

В аквариуме слева от входа совокуплялись два упитанных припять-плавунца.

В аквариуме справа — скучал томный рак-гороскоп.

За спиной у Шивы тоже копошилась какая-то местная живность, вроде мутантных лягушек, но я не сподобился их разглядеть, уж больно колоритной была внешность самого хозяина кабинета.

Шива был похож на человека-горноста. Длинное гибкое туловище с маленькими ножками и ручками, красные глаза альбиноса, торчащие уши, длинный чувствительный нос и бледно-

русые, нелепые, кое-как приклеенные над губой усики.

Шива обратил на нас внимательный взгляд своих красных глаз — как рентгеном нас просветил — и сделал в кресле один полный оборот вокруг своей оси.

«Умный мужик. И опасный», — сразу решил я.

— Добрый день. Присаживайтесь. — Шива указал на два кресла пониже, которые стояли перед столом.

Мы с Костей послушались.

Я хотел было сразу заговорить о «кварцевых ножницах», но Шива не дал мне рта раскрыть.

— Я согласился принять вас так быстро по одной простой причине. Я хочу, чтобы вы, Владимир, и вы, Константин, сейчас же присоединились к моим людям.

Мы с Костей переглянулись. Вот так заявления!

«Сейчас же!».

— Но... чем мы... заслужили такую... такую честь? — дипломатично поинтересовался я.

— Вы одни из самых результативных сталкеров. Такие таланты... Мой босс очень ценит таланты, — загадочно сказал Шива.

— Спасибо за предложение, конечно... Оно очень неожиданное, — юлил я. — Но все же нам надо подумать... Ну хотя бы сутки-двое...

— Что ж, думайте, — неожиданно легко согласился Шива. — Ариэль сейчас распорядится — и вам совершенно бесплатно будут предоставлены два комфортабельных номера в нашей гостинице!

— Это очень мило с вашей стороны, — у меня уже не получалось скрывать удивление, — но...

— Никаких «но». А теперь до свидания, — неожиданно закончил Шива.

— Погодите, господин Шива. Мы пришли сюда не просто так. Нас интересуют «кварцевые ножницы». Мы добыли этот артефакт в колхозе «Хиросима». А потом у нас его украли...

— Так, значит, вы пришли за «кварцевыми ножницами»? — усталым голосом сказал Шива, потирая свои седые виски длинными мосластыми пальцами.

— Да, за «ножницами». Нам нужно вылечить одну девушку. Невесту моего родственника, — с нажимом сказал я, глядя на Шиву в упор. — Алёной ее зовут. Она в коме уже несколько месяцев.

— Печально, — равнодушным голосом сказал Шива. — Готов биться об заклад, что по эту сторону Периметра вы единственные сапиенсы, которых в «кварцевых ножницах» интересует именно эта особенность.

— Да я не силен по части этого артефакта. Сроду его не добывал. Никто из моих друзей — тоже не добывал. Но вот несколько дней назад я его все же добыл. В колхозе «Хиросима», — зачем-то повторился я. — И, по совести говоря, если бы не мой родственник, который сейчас кушает сэндвичи в вашем баре, я бы и дальше жил, положив на эти «ножницы» с прибором. А так суету тут развожу...

Вдруг, неожиданно для меня, в разговор вступил Тополь.

— А какую особенность «кварцевых ножниц» вы, господин Шива, имеете в виду? Мне в отличие от Комбата интересно, — спросил он, как мне показалось, довольно дерзко.

Несколько секунд Шива молчал, разглядывая наши штрафные рожи своими внимательными ледяными глазами. Как видно, решал, стоит ли нам говорить правду.

— Если вы не знаете, что я имею в виду, значит, вам и не надо знать, — сказал Шива. — Только без обид.

Мы с Тополем, демонстративно оживившись, принялись мотать головами. Дескать, какие обиды?! Сроду ни на кого не обижались! Со школы! Да что там со школы! С детского садика! С подготовительной группы!

— Кстати, господа, — продолжал Шива. — А с чего вы, собственно, взяли, что «ножницы» должны быть у меня?

Теперь уже несколько секунд помалкивал я, решая, говорить или нет правду про шлем и «внекосмическую пустоту». Наконец я заключил, что соврать сподручнее.

— Нам наводку дали. Что, мол, «ножницы» ваш агент купил.

— Наводку? Кто дал? — Шива вновь впился в меня рентгеновским взглядом следователя по особо опасным преступлениям.

— Да в «Лейке» там один...

— Обманываете вы меня, Комбат, — вздохнул Шива. — Ведь ваша же девчонка...

С этими словами он нажал на сенсорную панель, занимавшую часть его стола, и на стене за его спиной загорелся экран. Туда, на экран, велась трансляция с камеры, установленной в баре. Камера дала крупный план на Гайку, которая длинной ложечкой помешивала мороженое в высоком стакане с кофе-гляссе.

— ...Ее зовут Гайка, — непринужденно напомнил я.

— ...Ведь ваша же девчонка с красивым и романтичным именем Гайка продала «кварцевые ножницы» Ершу. А Ёрш сроду моим человеком не был. И никогда не будет. У нас с Ершом свои счеты. Попадется он мне на пути, я его на ленточки нарежу! Впрочем, это лирика... Таким образом, либо вы, Комбат, полный идиот... Во что я поверить никак не могу... Либо вы врите насчет источника информации... Либо...

— Клянусь, про Ерша я впервые слышу! — с искренним ужасом воскликнул я. — Гайка, когда продавала «ножницы», понятия не имела, что это Ёрш. Да и теперь не имеет! Посмотрите на это лицо безгрешной школьницы! — Я указал Шиве на экран, где Гайка как раз возюкала по губам бесцветной помадой. Личико у нее было сосредоточенным и испуганным. Ни дать ни взять старшеклассница перед госэкзаменом!

— Ну допустим, — глухо сказал Шива. — Так всё-таки с чего вы решили *на самом деле*, что «ножницы» здесь?

Я переменял положение ног. Прочистил горло.

И, стараясь скрыть волнение, произнес:

— Если вы пообещаете не смеяться, я скажу.

— Считайте, что уже пообещал.

— Шива, мне было видение, — сказал я. — Видение, что «ножницы» — здесь, у вас.

Глава «каперов» присвистнул. Дескать, ого! Пожалуй, на его месте я тоже удивился бы. Такой видный мужик — и с приветом.

— И давно это с вами?

— Что?

— Видения.

— После того, как в воронку со «звездой Полярной» в руках прыгнул — начался, — признался я смущенно.

Я сам был шокирован своей откровенностью. Но теперь-то какой смысл был уже темнить?

— А-а, в воронку... Тогда понятно, — загадочно высказался Шива.

* * *

Что именно ему было понятно, я переспросить не успел, хотя и собирался. Потому что в этот момент начали происходить катастрофические и необъяснимые с моей тогдашней точки зрения события.

По вертикали лопнуло бронестекло аквариума с раком-гороскопом. Хорошо лопнуло, задорно, с сочным таким хлопком.

Долю секунды спустя к вертикальной трещине добавились две горизонтальные. Три мощных потока воды ударили из аквариума тугими струями, сметающими все на своем пути.

Одна из струй попала сбоку в правое плечо Тополя.

Его крутнуло вместе с вертящимся креслом и сбросило на пол.

— Твою зомби-дивизию! — выругался Костя, как мне показалось, удивленно.

Поскольку мне было ясно, что неприятности только начинаются, я поспешил покинуть свое кресло добровольно.

И очень вовремя. Бронестекло аквариума развалилось, выбросив поток килограммовых обломков, каждый из которых мог перерубить мне шейные позвонки.

Большинство обломков угодило в аквариум с припять-плавунцами на левой стене, но, к счастью, не разбило его. Мутировавшие твари прекратили наконец спариваться и прильнули к стеклу, ожидая шоу.

И оно не замедлило воспоследовать.

Если всё происходившее до этой секунды я еще мог худо-бедно списать на какую-то роковую аномальную флуктуацию (ведь мы же все-таки в Зоне!), то дальнейшее просто не лезло ни в какие ворота.

На месте пролома в аквариуме, подгоняемые в спину тугими потоками воды, один за другим появились трое долбоклоев в тяжелых экзоскелетах неизвестной мне конструкции.

Каждый из них был вооружен интересной штукой — комплексным оружием ближнего боя (КОББ) «Писмэйкер». По аббревиатуре КОББ их иногда величают просто «кобами», но это в милиции. Среди сталкеров термин не прижился. Журналисты же часто называют «Писмэйкеры» «нелетальными пистолетами».

Это не совсем точно, потому что, хотя «Писмэйкеры» и предназначены, в первую очередь, для иммобилизации противника, у них есть множество опциональных возможностей. В том числе — убить жертву наповал не хуже «Дезерт Игла».

В общем, у нападающих были в руках «Писмэйкеры». Будем считать, нелетальные пистолеты, ладно.

Имелось при них и более серьезное оружие — у одного гауссовка, у двух других автоматы. Но всё это богатство до поры до времени висело у незваных гостей за спиной.

Похоже, эти субъекты сами не ожидали, что появятся на границе воды и тверди — а именно, в гигантском аквариуме.

Одного из них сразу же завалило напором воды вперед. Другой поскользнулся в луже и упал на спину, комично раскинув руки. Ну а третьему и вовсе не пофартило — он получил удар клешней разозленного рака-гороскопа.

Могу себе представить, как происходящее выглядело с точки зрения этой милой твари! Лежишь себе под корягой, жуешь ногу трупячка... Или, например, фантазируешь, какую бы пакость сообщить чете припять-плавунцов в аквариуме напротив при помощи телепатической связи... И тут твоя вселенная разлетается вдребезги! А ты из почтенного украшения кабинета большого человека превращаешься в бездомного и беспризорного мутанта, которому каждый не прочь пустить очередь между глаз!

Главарь «каперов» Шива продемонстрировал отменную реакцию.

Он успел сделать одновременно три вещи: выхватить из-под стола пистолет-пулемет «Ингрэм», завалиться вместе с креслом влево и нажать на спусковой крючок.

Я специально ничего не сказал про «прицелиться».

Потому что сделать четвертую вещь — прицелиться — Шива как раз и не успел.

Пули веером разлетелись по комнате. Штучки две-три достались ближайшему из нападающих. Но поскольку тот был в экзоскелете, волноваться за его здоровье, увы, не приходилось...

Я понимал: еще одна такая очередь, и нам, сырым и убогим сталкерам без экзоскелетов, придется несладко.

А значит, пора было делать ноги.

Что было сил я рванул к единственному выходу из кабинета — вел он в приемную.

В прыжке я разминуся с парой электродов тазера, являющегося неотъемлемой компонентой нелетальных пистолетов типа «Писмэйкер».

Стрелял тот нападающий, которого сбilo водой первым. Успел оклематься, сука. И даже подняться на одно колено успел!

Тополь, которому я в ту секунду помочь никак не мог, сумел помочь себе сам. Выхватив из-за сапога свой десантный нож с белорусской русалкой, он щелкнул собачкой и... стограммовое керамическимкомпозитное лезвие (невидимое для металлодетектора, если что) со смертоносным

свистом вылетело из рукояти!

Ну, Тополь, ну, хитрюга! Всегда у него туз в рукаве припрятан!

Я-то думал, что его нож — стреляющий только в нормальном смысле, при помощи однозарядного ствола с бесшумным патроном СП-4. А у него еще и лезвие выстреливается! Что, заметим, вовсе не является стандартной опцией для подобных ножей!

Ну а вылетев из рукояти, лезвие ринулось к мужику в экзоскелете, которого угораздило попасть под удар клешни рака-гороскопа.

Учитывая, что к тому моменту острые, как промышленные никель-хромовые ножницы, клешни матерого гороскопа вырвали правую боковую и брюшную бронепластины экзоскелета, лезвие десантного ножа все-таки попало этому хрену в брентную плоть! Выходит, и от мерзостных мутантов бывает польза: если бы не рак-гороскоп, Костин нож был бы бойцу в экзоскелете как слону дробина.

Тем временем я сообразил, что понятия не имею, как открыть дверь, ведущую в приемную, к Ариэлю. Там у них в Пирамиде всё было оборудовано по последнему слову техники — никаких тебе хлопающих на ветру сортирных дверей на щеколдах! Всё бронированное, кодированное, нанотехнологичное и адронно-коллайдерное!

В общем, я подергал дверь и понял, что она заперта.

Однако не успел я произнести вслух приличествующую коллизии непечатную формулу, как дверь распахнулась и на пороге появился Ариэль.

Лицо его было искажено ненавистью. В руках он сжимал автомат «Гроза» — чуть ли не единственный из массово производимых огнестрельных стволов, которые в принципе могли одолеть мощнейшие экзоскелеты пришельцев.

Мне стало страшно до неприличия — рикошеты в таком небольшом помещении, изобилующем поверхностями из бронестекла, не сулили никому из нас шансов выжить.

Но два быстрых электрода тазера, выпорхнувших из «Писмэйкера» и вонзившихся в горло Ариэля, ненадолго избавили меня от необходимости переживать за свою шкуру.

Ариэль захрипел и начал заваливаться внутрь кабинета Шивы, а я, ловко проскользнув сбоку от него едва ли не на четвереньках, оказался в вожделенном предбаннике, то бишь в приемной.

Наши рюкзаки стояли где и раньше — между кадкой с гигантской драценой и хрустальной моделью собора Василия Блаженного.

Проворно, будто вновь вернувшись в свои шестнадцать лет, я вытрусил из рюкзака верных друзей — АПС, то есть автоматический пистолет Стечкина, разобранный на четыре части «калаш» и гранаты. Собирать «калаш» было некогда. Пришлось смириться с тем, что случаю приличествует только «стечкин».

Когда в дверном проеме возникла громоздкая серая фигура с «Писмэйкером», я выпустил в нее всю обойму АПС одной длинной очередью.

Убить не убил, я так полагаю, но уронил — это уж точно.

Порадоваться своему успеху я не успел, потому что в кабинете Шивы с едва переносимым для человеческой психики звуком взорвались одна за другой две светошумовые гранаты.

Для тупых объясняю: одетым в экзоскелеты, то есть врагам, — на эти гранаты было положить. А вот нашим, читай Тополью и Шиве, досталось по полной — оба потеряли сознание.

Я, признаться, тоже едва устоял на ногах. Рассудок мой помутился, перед глазами поплыли алые звезды, но каким-то чудом (думаю, без ангела-хранителя тут не обошлось!) я все же остался в сознании и даже не впал в состояние глубокого шока.

Подхватив с пола обойму к «стечкину» и одну эргэдэшку, я бросился прочь из приемной.

Вы спросите, каково это было мне — оставить басурманам бездыханного Костю?

Да каково-каково. Хреново мне было! И бросать его мне было стыдно. Однако рационалист внутри меня понимал: стоит мне прижмуриться — и Тополь прижмурится тоже. Просто автоматически. Потому что такой расклад.

А значит, мне свою буйну головушку сейчас не под пули надо подставлять, а беречь.

Крепко беречь.

В коридоре стало как-то полегче.

Во-первых, там было сухо.

Во-вторых, не взрывались светошумовые гранаты.

Вслед мне прожужжала минимум дюжина разнокалиберных пуль — выпущенных, я не сомневался, из кабинета Шивы преследователями в экзоскелетах. Но даже они не смогли испортить мое неуклонно повышающееся настроение.

Семнадцать шагов вперед. Двенадцать шагов вправо через дверь со скругленными краями и высоким комингсом, как на подводных лодках.

Множественное эхо от стрельбы в закрытых помещениях росло и ширилось.

Мне вовсе не требовалась специальная подготовка для контртеррористических операций в зданиях (какая, к слову, была у Тополя), чтобы понимать: подземную базу «каперов» атакует не одна, а несколько штурмовых групп.

Каждую секунду я ожидал повстречать десяток молодчиков в экзоскелетах и при автоматах FN2000, которые раскрошат меня в мелкий мякиш быстрее, чем я успею вскинуть ствол своего «стечкина».

Разумеется, я был предельно взвинчен.

Поэтому когда из очередной двери с трафаретной надписью «Не входить. Служебное помещение» мне навстречу выскочил какой-то молодчик, я вырубил его левым хуком быстрее, чем успел понять: ведь это же скорее всего свой, «капер».

Тело еще оседало на землю, а я уже вырвал из его рук древний самозарядный карабин СКС и вскочил в пропахший горелой изоляцией сумрак неизвестного мне служебного помещения.

В следующую секунду я окончательно уверился, что вырубил своего, поэтому, схватив его за шкуру, втащил бедолагу за собой. Из гуманных побуждений.

Втащил — и сразу же закрыл тяжелую бронированную дверь, заперев ее на две внушительные задрайки.

Итак, я наконец-то заперся. В тупиковой комнате.

В помещении обнаружили пульта, экраны, кулер с холодной водой и оружейная пирамида. Увы, пустая.

Определенно, добытый мною карабин СКС был последним, залежавшимся постояльцем этой оружейной пирамиды.

Впрочем, повторный взгляд на трофейное оружие привел меня к мысли, что передо мной вовсе не СКС — самозарядный карабин Симонова, — а куда более редкий и экзотический АКТ-40 — автоматический карабин Токарева образца 1940 года.

А это, кстати, вообще чудесное оружие, мне здорово повезло! Или не повезло — как посмотреть, — потому что боеприпасы к АКТ-40 весьма мощные, но по теперешним временам достаточно редкие.

Спустя какие-то две секунды снаружи донеслось несколько грохочущих раскатистых ударов, как будто в бронедверь лупили кузнечным молотом. Несомненно, кто-то пробовал прострелить дверь из «Грозы».

Я крикнул им:

— ПОШЛИ НА ХЕР!

Причем сделал это три раза.

С прагматической точки зрения толку от этого не было никакого. Но на мое психическое состояние это оказало воистину чудотворное воздействие.

Убедившись, что физически мне ничего не угрожает, я начал обследовать оборудование, заполнявшее комнату.

Сразу же мое внимание привлекли мониторы.

Все они были безжизненны, кроме двух.

Один транслировал вертолетную площадку слева от «Руслана», которая запомнилась мне с

того самого момента, как я рассматривал ее с вала.

Но если тогда площадка была пустынна, то теперь на ней лениво шевелили лопастями замедляющиеся роторы четырех великолепных «Корморанов».

Бортовые десантные двери были сдвинуты вбок, и из них горохом сыпались до зубов вооруженные бойцы в лиловых беретах — к слову, в таких же точно, как у легионеров, встреченных нами полтора часа назад на Бетонке-3.

— Легионеры, н-да. Они такие же легионеры, как я — кремлевский курсант! — с тяжелым вздохом сказал я вслух.

Картинка на второй камере резко контрастировала с первой. Она была неподвижной, унылой и излучала обывательское довольство: столовая, посреди которой повар в высоком колпаке хлопочет с обедом.

Вот он поставил на стол блюдо с хлебом. Вот рядом с хлебом расцвели блюда с пирогами и бутербродами. А вот уже и овощной салат — огурчики, помидорчики, чесночок. Мне показалось, я даже запах чесночный зачуял. Снизу экрана бежала зачем-то флюоресцирующая надпись: «До обеденного перерыва осталось 12 минут».

Я сглотнул слюну. Я бы тоже не отказался от салата.

И от пирожков! Не говоря уже о том, что у них на базе, рассказывала Гайка, есть неплохой гриль. И даже, припоминаю, тандыр для жарки живого хлеба и особые чугунные сковородки без стенок для стейков по-перуански! Мы ели их в баре после того как выпили по четыреста.

Вдруг на меня нахлынуло какое-то истерическое любопытство.

Я начал включать мониторы — один за другим.

Вот на крайнем правом появился вращающийся на стационарной птичьей карусели хвост «Руслана». На соседнем — трескучий «снег» от расстрелянной камеры.

На третьем — непонятный бокс с кирпичными стенами, где, водрузив ногу на стальную лавку, перешнуровывал ботинок какой-то громила в противогазе.

Мой взгляд скользнул вниз. Самое интересное показывал нижний ряд мониторов!

В хреновом освещении по коридору перемещалась скорбная процессия: несколько амбалов в экзоскелетах вели Шиву. Руки главаря «каперов» были скованы наручниками, а ноги предательски заплетались — как видно, контузия не прошла даром.

Тополь тоже был там. Его бесцеремонно волокли по полу за шкурку — Костя пока вообще не успел оклематься.

Наши рюкзаки нападающие тоже прихватили с собой.

А еще... я ахнул!., а еще один из этих мерзавцев помахивал «кварцевыми ножницами»!

Вот прямо так шел и помахивал, как тросточкой.

Если быть точным — одной половинкой «ножниц».

Но все равно!

Значит, мое видение все-таки в главном сообщало истинную информацию. То есть, конечно, непосредственное содержание моего видения с «кварцевыми ножницами» было другим... Но относительно того, что «ножницы» встретятся мне именно на базе «каперов», видение не лгало.

Однако, пожалуй, самой большой неожиданностью для меня оказалось число врагов: пять человек. Причем экзоскелеты всех пятерых были мокры и заляпаны узнаваемой фиолетовой кровью рака-гороскопа.

Что это значило? Что все пятеро прошли через кабинет Шивы.

Но при мне нападающих было трое! И одного из них Тополь угостил выстреливающимся лезвием своего ножа, так что ходить своими ножками он бы точно не смог!

Стало быть что? Стало быть, еще минимум три вражеских бойца проникли в кабинет Шивы тем же путем, что и первая тройца!

А каким путем, кстати, туда проникла первая тройца?

Вывалилась из ниоткуда. Звучит ненаучно и не повоенному, но предельно точно описывает факты.

Три человека в экзоскелетах возникли из ниоткуда... Их появлению предшествовало

образование трещин на бронестекле аквариума... Трещин таких ровных, что их впору было бы назвать разрезами...

Будто бы стекло было вовсе не устрашающим двухдюймовым карбонатом, который не из всякого пулемета в упор прострелишь, а тоненьким прозрачным целлофаном... И кто-то полоснул по нему бритвой. Или взрезал его ножницами...

В ответ на этот образ — целлофан, который режут ножницы, — моя интуиция дала громкий звоночек. Я был на расстоянии одного шага от одного очень серьезного открытия...

Но в этот миг картинка на экране заставила меня отвлечься. При очередном размашистом шаге амбала, волокущего Тополя за шкуру, мой друг так стукнулся виском о железную притолоку, что мне показалось: его голова от такого удара просто обязана расколоться!

Чувство жалости сжало мне сердце ледяными пальцами. Подумать только! Моего лучшего друга, моего Костю, волокут по коридору, как мешок с дерьмом!

Но рационалист во мне быстро заткнул рот нытику.

Ну и волокут, как мешок, ну и что? Разве Косте было бы лучше видеть свой позор в полном сознании? Это было бы лучше? Вот именно что нет. Эта нехитрая мысль несколько примирила меня с увиденным.

Мне, конечно, стало очень интересно, где же находится коридор, который показывают камеры нижнего ряда.

Понадеявшись узнать ответ, я потормошил местного, вырубленного мною же на пороге комнаты-спасительницы.

— Вставай, debil, — приговаривал я, надавливая большими пальцами обеих рук на его глазные яблоки и на верхнюю губу — в точности так, как меня учил некогда Болотный Доктор.

Мой визави промычал что-то нечленораздельное, но в сознание прийти не соизволил. Следовало признать, что мой нокаут, увы, оказался излишне действенным...

В следующий миг произошло нечто неожиданное.

С глухим колокольным ударом по всему периметру лопнула бронедверь комнаты.

Тридцатикилограммовый овал с умопомрачительной скоростью вылетел строго в направлении моего подвздошья — но, не долетев полутора метров, разбил на куски прикрученное к полу операторское кресло и рухнул наземь.

Непрошенный гость в экзоскелете и я выстрелили одновременно.

Разница между нами заключалась в том, что я стрелял из карабина АКТ-40 в фигуру, четко оконтуренную внешней подсветкой из коридора, а долбоклой был вынужден довольствоваться синтезированной картиной реальности на лобовом стекле своего навороченного шлема.

Похоже, борткомпьютер экзоскелета насинтезировал что-то не то. Потому что очередь из малокалиберной штурмовой винтовки G-11 германского производства ударила прямехонько в кофейный уголок, где скучали кулер, чайник, чайный сервиз и недоеденный торт разновидности «Мишка житомирский».

Моя же пуля попала нападающему ровно в солнечное сплетение.

И вот, друзья мои, преимущество древнего патрона 7,62x54 мм R с энергией десятиграммовой пули в 4,4 килоджоуля перед легковесной бундесверовской 4,7-миллиметровой фитюлькой с дульной энергией 1,5 кДж! Бундесверовская пуля из безгильзового патрона фирмы «Dynamit-Nobel» ни за что не преодолела бы композитное бронирование экзоскелета. Но добротная советская пуля с томпаковой оболочкой пробила все, что надо, включая мягкие и нервные ткани, желудок, позвоночник и, наделав бед, застряла в спинной бронеплите экзоскелета.

Итоги: я был жив и невредим, а передо мной валился наземь бездыханный труп в экзоскелете.

Чтобы прожить на белом свете еще хотя бы пару минут, мне требовалось экстренно решить одну на первый взгляд нерешаемую задачу: закрыть дверной проем.

Держа под рукой волшебный карабин АКТ-40 и непрерывно косясь в сторону коридора, я принялся лихорадочно шарить по карманам — а точнее, накладным транспортным контейнерам

— убитого.

Помимо двух видов взрывчатки и детонаторов к ним (конечно же, именно при помощи накладного заряда противнику удалось так ловко взорвать дверь) там нашлось немало интересного. Сыскался там и — слава Богу! — сварочный инвертор, а заодно — универсальный термический резак. Запитанный вовсе даже не от общей энергосистемы экзоскелета, как можно было ожидать, а от странного цилиндра, в котором я сразу же заподозрил запечатанный в резиновый кокон артефакт Зоны, но углубляться в тему не стал.

В общем, я определенно завалил чувака, имеющего специализацию штурмового сапера. Зря только он в одиночку действовал. Таких спецов надо подпирать как минимум одним автоматчиком. Но, видать, ресурсы живой силы нападающих были не безграничны...

Короче говоря, сварочный инвертор был подлинным подарком небес.

Запустив инвертор в режиме сварки, я наскоро прихватил в шести точках выбитую стальную плиту.

Серьезного покушения с применением взрывчатки это несчастье, конечно, не выдержит. Но от подлой пули из коридора в спину — избавит.

Покончив с временякой, я подошел к мониторам и начал беспорядочно щелкать по клавишам. Я надеялся найти канал, который транслировал бы происходящее в баре, где остались Тигренок и Гайка.

Что с ними? Живы ли они? Эти вопросы не давали мне покоя.

Конечно, я увидел массу разной фигни — перестрелки, какую-то невнятную беготню, взрывы, кровь, смерть. Но никакой Гайки с Тигрёнком я, увы, не разглядел...

Пока я щелкал тумблерами, я краем глаза заметил, что процессия с Шивой наконец достигла своей цели. По крайней мере сопровождающие остановились.

Я подался ближе к экрану.

Двое нехороших людей в экзоскелетах понукали Шиву открыть дверь с трафаретной надписью «Ленинская комната».

— И смотри, Шива, если Инвестора там нет, тебе хана, — шипел один из них. Чтобы придать своим словам убедительности, он ткнул главарю «каперов» в ребра стволом автомата.

— А если есть? — криво ухмыльнувшись, спросил Шива. — Тогда как?

— Если есть — будешь жить.

— Это ты очень верно сказал, — согласился Шива с каким-то мрачным удовлетворением.

«Какой еще инвестор? — подумал я. — О чем они вообще?». В ту минуту мне, дважды контуженному и озабоченному мыслями о спасении друзей, было совсем не до экономики. Совсем-совсем не до экономики. А ведь любому дурачку ясно, что «инвестор» — это откуда-то оттуда, из пространства больших и сладких цифр, чемоданов денег, кредита и дебета, оборачиваемости средств, рентабельности и начисления процентов на проценты.

Шива принялся возиться с массивными, архаичными трещотками цифровых замков на двери, выставляя одному ему известную комбинацию.

Тем временем мои мысли приняли иное направление.

«Инвестор... инвестор... Звучит как название крайне редкого и своенравного монстра. Типа контролера, да?». И вдруг меня осенило. Инвестор! Точно!

В памяти, сквозь хмельной туман, всплыл разговор, как-то имевший место в баре «Лейка».

Глава 20 Ленинка

Pioneri tam i tut
Pesni Leninu poyut!

Moskau, Rammstein

— А ты слышал, Комбат, — Сухой дохнул перегаром мне в лицо, обожженное жгучим пухом, — новую байку про «каперов»?

— Какую еще? — спросил я, произвольно отстраняясь.

Мне вообще-то было плевать на «каперов». Но я заметил, что собеседники не очень любят, когда мне плевать. А собеседники у нас за VIP-столами в «Лейке» обычно такие, что лучше их не злить и даже не нервировать.

— А вот какую: дела у «каперов» идут в гору не потому, что Шива там самый умный или что он дорогу к Монолиту протоптал. А потому, что за ними стоит один олигарх московский. Как его звать-величать по фамилии, ни одна собака не знает. Но прозывается он Инвестор. Даже кликуха намекает, что бабла у него куры не клюют.

— И что Инвестор? Надо полагать, инвестирует?

— Да! Да! — с пьяной горячностью закивал Сухой. — Ин-вес-ти-ру-ет! В «каперов»!

— А зачем? Какая от этих «каперов» отдача? Хабар, в смысле?

— Ну конечно!

Я отстранился от Сухого, откинулся на спинку лавки и отпил пивка из своего бокала. Я делал вид, что глубоко переживаю услышанное.

На самом же деле об услышанном я вовсе не думал. А думал я о Марише и ее жарких ночных признаниях.

А еще я думал о той истории, что произошла с Сухим, когда кровосос высосал из него литр крови и тот едва не умер. И умер бы, если бы не Болотный Доктор, к которому его на своем «Лухсе-3» подбросили добросердечные немцы из анфоровского патруля.

Больше всего меня в этой истории интересовало, как этот самый «Лухе» — достаточно крупный и массивный броневедомитель — проехал через топи к резиденции Болотного Доктора. Вообще вся та история смахивала на брехню. Как, впрочем, и рассказы Сухого про этого загадочного Инвестора, которому «каперы» были якобы обязаны своим возвышением...

— Стоять, руки за голову! — раздался за моей спиной приказ, отданный тихим, но уверенным голосом.

Я даже не сразу сообразил, что он адресован мне.

А когда сообразил — не стал оборачиваться. Просто скосил глаза, поглядев в один из выключенных мониторов, как в зеркало. Его недобрая чернота отразила оператора-«капера», которого я имел удовольствие вырубить ударом в ухо и который так долго не хотел приходить в сознание.

Он сжимал в правой руке маленький пистолет. Чтото вроде береттовского «Бобкэта» или «Томкэта», я в этих пукалках калибра 6,35 мм не разбираюсь. Вероятно, оператор достал его из потайной кобуры, я ведь не обыскал его, времени не было.

Отважный малый!

— Я на твоей стороне, — сказал я флегматично. — Если ты злишься на меня, можешь тоже дать мне в челюсть. Но только аккуратно, вырубать меня не надо, иначе нам обоим хана.

— Ты кто?

— Сталкер Комбат. Пришел сюда с друзьями. Нам надо было поговорить с Шивой о том о сем. В результате вот, воюю на вашей стороне. Тот труп на полу в экзоскелете — результат моего творчества...

— Чем докажешь?

— А ты формалист, брат, — усмехнулся я. — Скажи лучше, мы можем как-то отследить, что происходит в помещении с дурацкой надписью «Ленинская комната»?

— Чего-о?! Что с ленинкой?!

Он и думать позабыл о том, чтобы держать меня под прицелом своей куцей «беретточки»!

Подскочив к стойке с мониторами, оператор принялся щелкать, как мне показалось, всеми тумблерами одновременно. А также дрючить джойстики, манипуляторы-шарики и даже

старомодные такие штурвальчики.

Уверен, будь у него четыре руки, как у редкой разновидности кровососа, так называемого «королевского гнуса», он бы нашел применение для всех четырех конечностей.

Я, признаться, слабо представляю себе, что в принципе должно находиться в ленинских комнатах. Восковая фигура Ленина? Полное собрание сочинений вождя мирового пролетариата? Голографическая презентация его выступлений перед революционными матросами?

В любом случае мне было смешно, очень смешно: кто и зачем станет преграждать доступ в старую гарнизонную ленинскую комнату бронированной дверью с навороченными сейфовыми замками? Только больные на всю голову сектанты, разумеется!

Помню, существовала некогда в Зоне группировка веселая, «Грех» называлась. Так вот у них были всякие алтари, капища, черт знает что еще. И к охране всего этого черт знает чего они относились самым серьезнейшим образом.

А лучше бы обычную караульную службу нормально поставили! Потому что в итоге пришел сильный контролер и поработил весь их клан...

* * *

В общем, мне было смешно, а вот оператор разволновался просто адски. Он из кожи вон лез, чтобы настроить хотя бы еще одну камеру для наблюдения за заветной дверью с цифровыми замками.

— А что, в самой ленинской комнате камер нет? — поинтересовался я.

Оператор не удостоил меня ответом. Но если молчание, как обычно принято считать, означает «да», то здесь оно со всей определенностью означало «нет».

Оператор знал свое дело. При помощи манипуляций с несколькими джойстиком ему удалось развернуть на дверь две камеры из других участков коридора.

Обе камеры были укреплены на дистанционно управляемых шарнирно-телескопических подвесах, так что принципиально задача-то была решаемой. Но, насколько я понял, огромные трудности вызывал поиск подходящих камер. Многие устройства не работали — сказывались повреждения коммуникаций, вызванные нападением врага.

Тем временем драма приближалась к развязке. Шива выставил комбинацию, а затем вставил в замочные скважины один за другим три диковинных ключа — такими в пору запускать атомные ракеты.

Зажужжали сервоприводы. Дверь с надписью «Ленинская комната» пришла в движение.

Там, за дверью, притаился густой сумрак. Его сразу же пронзили лучи фонариков, вмонтированных в шлемы вражеских экзоскелетов. Не сказать, чтобы от этого там стало светло как днем. Напротив, тьма, как мне показалось, только сгустилась.

— Шива, тут свет есть? — спросил один из врагов.

— Да. Включается внутри.

Шива занес было ногу над комингсом двери, чтобы зайти внутрь, но главарь врагов его остановил.

— Борман, идешь первым, — сказал он.

Чувак с именем (фамилией? кличкой?) Борман зашел в ленинскую комнату, поводя из стороны в сторону лучом тактического фонарика, закрепленного сбоку от ствола FN2000 на планке Пикатини.

Оператор дал зум на одну из камер. Мы будто полетели по коридору — вперед, вперед, прямо в открытый дверной проем... Хорошая камера! Какой эффект присутствия!

Что же мы увидели?

Самая обычная комната. Точнее — обычная, но большая. Очень большая для подземного помещения.

На стенах — какие-то выцветшие стенды.

Один стенд, судя по еле различимым фотографиям, был посвящен отличникам боевой и

политической подготовки. Другой, с крупным рубленным заголовком «УДАРНИКИ ЭФИРА», по всей вероятности, являл собой нечто вроде гарнизонной стенгазеты.

Последнее обстоятельство заставило меня еще тверже увериться в мысли, что подземная часть базы «каперов» представляет собой не просто какой-то загадочный — и, возможно, недостроенный — многоэтажный бункер. А некий вполне определенный и притом очень важный военный объект, который, судя по всему, в последние годы СССР даже успели ввести в эксплуатацию.

Причем, поскольку в названии стенгазеты присутствует слово «эфир», наверняка это либо объект связи (скорее всего дальней, космической), либо — радар. Дада, еще один радар. Будто бы всем известного, облюбованного монолитовцами Радара мало!

Ну ладно, что там еще интересного выхватывает из темноты ленинской комнаты фонарик Бормана?

Стулья по стенам. Красные вымпелы. Чего-то там «Переходящее... от командования Киевского военного округа».

Лозунг, белыми буквами по красному кумачу: «Ленинская программа партии — программа борьбы за мир и коммунизм».

Грубая стойка, сваренная из перфорированных металлических профилей. На ней — спортивные кубки.

Надо понимать, награды, завоеванные бойцами и офицерами части на окружных соревнованиях.

Обширный стол, зеленое сукно, шесть луз, белые шары в центре... Русский бильярд!

А вот наконец и сам Ленин...

Белый гипсовый бюст самого затрапезного вида стоял вовсе не в углу и не у стены, как я ожидал. Бюст, вместе со своей обшитой красным сукном тумбой, был зачем-то выдвинут в центр комнаты.

Медленно, невероятно медленно изучал помещение Борман. По тому, как он нехотя, словно сонный, перемещался, как шарил лучом фонарика по стенам, мне стало ясно, что он боится.

Это опытный, исключительно опытный и умный наемник — неопытным и неумным никогда бы не доверили таких отменных экзоскелетов, — но сейчас ему страшно. И он изо всех сил пытается переломить свой страх, загнать его в подкорку, растоптать. Именно из-за этого он подчеркнуто нетороплив, медлителен, сдержан.

Какой же потусторонней силой должна быть напоена, каким пси-напряжением заряжена ленинская комната, чтобы угнетающе воздействовать на матерого волка?

Перед бюстом Ленина Борман остановился и хрюкнул в рацию. Можно, дескать, подтягиваться.

Напряжение от наемника передалось и мне. События совсем перестали развиваться, часы Бога остановились.

И мне начало казаться, что этих неподвижных, застывших мгновений мне бы хватило, чтобы прорваться с боем к этим болванам, всех перестрелять и спасти Костю из их лап. Ну и Шиву заодно спасти тоже, чего уж там.

На самом же деле с того момента, как Шива открыл дверь, прошли считанные секунды. И ровным счетом ничего успеть я не мог — ну разве что по неосторожности сложить свою буйну головушку, попав в засаду на ближайшем пересечении коридоров.

— Слушай, а ты в курсе, что они ищут какого-то инвестора? — неожиданно для самого себя спросил я у оператора.

Реакция его была неожиданной.

— Это глупость.

— Поясни свою мысль.

— Инвестор находится за пределами Зоны, в Большом мире. Сам посуди, что ему здесь делать? Это серьезный человек, очень серьезный. Великий.

— Если ты прав, они застрелят Шиву, — сказал я. — Они обещали сделать так, если этого

вашего инвестора в ленинской комнате не окажется.

— Тогда Шиве не позавидуешь, — сказал оператор.

— Не очень-то ты волнуешься за босса.

— Честно говоря, за себя я волнуюсь больше.

Продолжить диалог нам не дали стремительно навалившиеся события.

К Борману присоединились трое других сволочей в экзоскелетах и ведомый ими Шива. Руки ему снова завели за спину и сковали наручниками — ребята, пошедшие войной против «каперов», ни в чем не полагались на случай, они действовали с соблюдением всех предосторожностей. Профессионалы, уважаю.

— Ну и где Инвестор? — поинтересовался старший нападающих у Шивы.

Шива стоял точно перед бюстом Ленина.

— Инвестор сейчас будет здесь, — сказал главарь «каперов» каким-то новым голосом. Будто бы раньше он спал на ходу, но теперь пробудилось его истинное «я», и это пробуждение не обещало врагам ничего хорошего.

Камера показывала Шиву со спины, к тому же его фигура почти полностью терялась за плечистыми долбаками в экзоскелетах. Я не видел лица Шивы, но мне показалось, что оно озарилось торжествующей улыбкой.

Шива подался вперед — и вдруг в кадре мелькнула рука. Рука, которой Шива взмахнул, прикоснувшись к бюсту Ленина.

Но ведь обе его руки были скованы наручниками!

Они были у него за спиной! Что-что, а именно это было видно на экране совершенно отчетливо!

Стоило Шиве это сделать, как изображение легонько задрожало, а откуда-то сверху донесся тихий ноющий звук... С похожим звуком открывалась дверь ленинской комнаты...

Что же открывается теперь?

Что вообще происходит?!

Оператор издал сдавленный вздох. Как я понял, это означало крайнюю, запредельную степень изумления.

Он молча ткнул пальцем во внезапно оживший экран в верхнем ряду. На этот экран вела трансляция какая-то новая камера. Камера, которой раньше не было.

И о самом существовании которой оператор не имел ни малейшего понятия.

На экране были видны Шива, гипсовый Ленин и враги в экзоскелетах. Но — с другого ракурса, откуда-то из-под потолка комнаты.

— В ленинской есть камеры? Ты же говорил — нет? — спросил я у оператора.

— Их нет, — сдавленным голосом сказал он.

Парадокс, да? «Их нет». Но они есть! В ленинке камер у них не было, понимаете ли, но на экран велась трансляция с камеры, находящейся под потолком этой самой ленинки!

И вот из-под потолка было совершенно отчетливо видно, что у Шивы прямо из груди растет рука. Третья рука. Вполне полноценная такая грабля. Если и есть в ней какие-либо отклонения от анатомической нормы, то уж определенно отклонения эти в глаза не бросаются.

Этой третьей своей, сверхсхемной рукой Шива что-то нажал на бюсте Ленина — а может, просто прикоснулся к нему — и теперь неспешно втягивал ее обратно.

В ту секунду он напомнил мне излома — тем, как именно шла назад, складываясь, его конечность.

— Долбаный мутант! — заорал главарь нападающих, врезав изо всех сил Шиве по затылку рукоятью пистолета.

Ну да, я бы тоже разволновался. Хотя, казалось бы, пока никаких причин волноваться не было.

Впрочем, причины тут же появились в виде механического кошмара, спрыгнувшего с потолка на пол рядом с бюстом Ленина.

У меня отвалилась челюсть. Та самая камера, которая включилась неожиданно и показала

нам третью руку Шивы, вид сверху, теперь смотрела на бойцов в экзоскелетах в упор. А старая камера — на которую оператор дал зум и которая наблюдала комнату в дверной проем — показывала теперь робота-кентавра!

Будучи довольно-таки сообразительным радиоактивным мясом — а без сообразительности я бы столько в сталкерах не протянул, — я сопоставил эти две картинки и сделал вывод, что пресловутая «новая камера» представляет собой оптический сенсор робота-кентавра. И именно этот робот открыл трансляцию со своих сенсоров в общую, сеть службы безопасности базы «каперов»!

Итак, те же и робот-кентавр.

Настоящий робот-кентавр, клянусь, чтоб мне никогда полной «пустышки» не видать!

Приземистый обтекаемый корпус на четырех суставчатых конечностях. В передней части корпуса — призматическая башня высотой метра полтора.

Башня была увенчана двумя черными яйцами размером с мяч для регби. Каждое яйцо лежало на боку и крепилось к вершине торса-башни при помощи шеи, образованной гофрированным металлическим рукавом.

Эти яйца были головами робота-кентавра. Я знал, что благодаря гофрированному рукаву-шее, способному удлиняться до трех метров, голова может заглянуть за угол, поинтересоваться содержимым любой дыры, протиснуться даже в дымоход!

По бокам башни крепились конечности-манипуляторы — руки кентавра, — снабженные множеством суставов и телескопических «манжетов». Благодаря такой конструкции они имели никак не меньше шести степеней свободы каждая: сгибались, вращались, втягивались, удлинялись...

— Всем! В ленинской комнате робот А-серии! Русский робот А-серии! — заорал Борман.

— Борман, молчать, — сказал главарь, к которому, после того как он долбанул Шиву пистолетом, внезапно вернулось спокойствие. Мужик неплохо владел собой, учитывая обстоятельства.

— Молчать, — эхом отозвался робот. — Отпустить Шиву. Стоять спокойно.

Выдав эту последовательность четких директив, робот-кентавр на закуску с какой-то светской обходительностью поинтересовался:

— Кто вы? С какой целью явились?

— Пришли от Севарена, научная база «Объект 2106», — ответил главарь. — У нас важный разговор к Инвестору. Очень важный.

— Инвестор перед тобой. Говори.

— Но...

— Говори, — настаивал робот, — я слушаю тебя.

— Господин Севарен, пославший нас, предлагает тебе сотрудничество...

К сожалению, что сказал главарь дальше, я не расслышал. Потому как оператор, адресуясь ко мне, крикнул:

— Посмотри-ка в коридор! Там прямо цирк с конями! — Разумеется, он имел в виду камеру, ведущую трансляцию из дальнего угла коридора.

И точно, оно того стоило. Несвятая троица в экзоскелетах, которая оставалась для контроля коридора и заодно присматривала за плененным Тополем, явно слышала дикий вопль Бормана про «русского робота А-серии». И решила принимать меры на свой страх и риск.

Один из них, обладатель гауссовки В-15, осторожно выдвинулся на огневую позицию у открытой двери с цифровым замком. С этой новой позиции он мог наблюдать голову робота-кентавра. Точнее сказать, одну из двух его голов.

Выстрел!

Черное яйцо разлетелось вдребезги. А вместе с ним накрылась и камера, которая вела прямую трансляцию из ленинской комнаты. Теперь мы с оператором могли довольствоваться только зумированной картинкой с камеры, глядевшей в дверной проем из коридора.

О, можно было не сомневаться: вот-вот начнется кровавая баня. В прошлом году я видел, как справляется с шестью наемниками робот Авель, полевой искатель. Уверен, его собрат по

А-серии тоже был способен отомстить за свою отстреленную голову.

Если, конечно, обладал боевым программным обеспечением!

А судя по дикому воплю, донесшемуся из ленинской комнаты, — он им обладал.

Это событие словно бы послужило для меня сигналом.

Я вдруг понял, что пора прекращать глазеть и начинать немедленно действовать. Я оторвался от происходящего на экранах — хотя, уверяю вас, там было на что поглазеть — и вернулся к исполнению своих прямых обязанностей закадычного друга Константина Уткина, также известного как сталкер Тополь.

При помощи оператора я снял механизированную броню с застреленного мною боевика.

Переборов брезгливость (внутри было мокро от крови), облачился в этот экзоскелет сам. Герметичный шлем-сферу от экзоскелета — проигнорировал.

Конечно, этот шлем очень серьезно повышает устойчивость к взрывным и аномальным физическим воздействиям, но разбираться с работой системы визуализации и целеуказания, с его акустикой и прочим было некогда. Я знаю, как всё это работает в «Ратнике». Но в этой, неизвестной модели? Ну его к бесу.

Я перезарядил карабин АКТ-40, не побрезговал и немецкой штурмовой винтовкой G-11.

— Ты идешь со мной. Покажешь самый безопасный путь к ленинской комнате, — сказал я оператору.

— Я... Я могу рассказать.

— Рассказывать не надо. Надо показать. Возражения не принимаются.

Оператору было очень страшно, но он согласился.

В коридорах базы пульсировали красные лампы аварийного освещения. Звенели тревожные зуммеры.

Ленинка оказалась гораздо ближе, чем я думал.

— За этим поворотом, — едва слышно сказал оператор.

Я осторожно выглянул.

При Тополе оставался только один боевик. Из дальнего конца коридора, где находилась ленинка, доносились странные, зловещие звуки.

В основном то были частые раскатистые удары — как будто лупили кувалдами попеременно то в кирпичную кладку, то в нечто, сделанное из тонкого листового железа, — скажем, в автомобиль.

На этот индустриальный фон накладывались редкие, неуверенные какие-то выстрелы.

И еще более редкие похрустывания.

Тот боевик, который остался при Тополе, припав на одно колено, следил за дверным проемом ленинской комнаты.

Я аккуратно прицелился ему в затылок — то есть, строго говоря, в затылок его бронешлема — и нажал на спусковой крючок.

Бац!

Я отчетливо видел, что попал. Но поскольку боевик был облачен в экзоскелет и изначально находился в достаточно устойчивом положении, он сохранил его и после мгновенно наступившей смерти. Бездыханное тело все так же продолжало целиться в дверной проем.

Это меня почему-то очень нервировало, и я предпочел все-таки уронить боевика лицом вниз, выпустив несколько пуль ему в спину. А поскольку его спина была прикрыта различным навесным оборудованием, мои пули не смогли пробить экзоскелет. Но переданного импульса хватило, чтобы тот повалился лицом вниз.

Спустя несколько секунд я был уже возле Кости.

Я освободил его от наручников старым дедовским способом, то есть — выстрелом в цепь, соединяющую браслеты.

— Что-то ты долго в этот раз, — проворчал мой лучший друг.

— Если бы мы были внутри пиндостанского фильма, я бы ответил тебе: «Пробки на дорогах». А так скажу по-отечественному: завали хлебало и радуйся.

Мы с Тополем жизнерадостно заржали под испуганным взглядом оператора.

— Ты, брат, не смотри на нас глазами траханой лани, — сказал я ему. — А лучше помоги моему другу снять экзоскелет с этого козла. — Я указал на застреленного мною в затылок боевика.

— Да не буду я это надевать, оно все в кровище! — От пережитых потрясений Тополь закапризничал, как дитя малое. С ним такое случается.

— А тебя кто-то спрашивает?

— Что-то ты больно разборзился, раскомандовался... — Тополь криво ухмыльнулся; я знаю, ничто его не приводит в тонус столь эффективно, как хамствотерапия.

— Кто кого спас — тот и командует, — сказал я. — Seriously, Костя, одевайся скорее. Мы без этой хайтековской херни здесь и двух минут не проживем. Очень серьезная заваруха.

— А как же я? — забеспокоился оператор.

— Тебе тоже что-нибудь раздобудем, — успокоил его я. — Сейчас, погоди, только кокнем еще кого-нибудь.

Затем я обратился к Тополю:

— Костя, слушай вводную. Там впереди в общей сложности еще четверо боевиков. Все в экзах. У одного из них — «кварцевые ножницы». Также имеется один робот, вроде Авеля.

— Вроде Авеля?

Я кивнул.

— Ну да. Мы такого встречали в Заозерье, помнишь? Там, в комнате, похожий. Может, поменьше раза в полтора... Но конструкция практически тождественная. Базовый вариант наших действий: идем туда, пробуем завалить всех в экзах, отобрать «ножницы» и спасти Шиву. Уже с помощью Шивы пробиваемся наверх. Альтернатива: сразу пробиваемся наверх, на фиг «ножницы» и Шиву.

— Альтернатива мне нравится.

Еще бы! Я так и знал, что альтернатива ему понравится! Нам ведь еще предстояло где-то искать и вытаскивать из какой-нибудь жопы Гайку, его малолетнюю отрывную сестрицу! А на Тигрѐнка, «кварцевые ножницы» и его подружку в коме ему, Тополю, было наплевать с высокой колокольни.

Что можно понять, конечно.

— Проблема в том, что наверх без Шивы выйти будет затруднительно, — сказал я.

— А этот хлюпик нам не поможет? — Тополь кивнул на оператора.

Тот, конечно, на «хлюпика» обиделся:

— Но-но! У меня, между прочим, четвертый дан по кикбоксингу!

Я промолчал насчет того, что четвертый дан (много это или мало? без понятия!) не помешал мне отправить его в нокаут одним ударом с левой. А уж Костя, боксер-фристайлер, его и вовсе пальцем убьет.

Какой бы мы совершили выбор? В пользу сомнительного геройства, больше похожего на самоубийственную глупость, — вдвоем против четверых профи в экзоскелетах? Или в пользу разума — бежать вприпрыжку по коридору в надежде обнаружить техническую шахту, снабженную скоб-трапом?

Я не знаю. За нас выбрала судьба.

С грохотом, запильным скрежетом и сипением треснувших гидроприводов в коридоре появился робот-кентавр.

Ох, ну и крепко же ему досталось!

Одна его голова была разбита вдребезги. Другая и вовсе отсутствовала — вместо нее болтался обрывок гофрированной шеи.

Две ходильные конечности из четырех безжизненно волочились. Так что передвигался он, опираясь на две передние ходильные конечности и на заднюю часть корпуса, как волочился бы побывавший под колесами пес с перебитым хребтом.

В руках-манипуляторах робот сжимал перекрученное, как мокрое белье, тело в экзоскелете.

Должен сказать, экзоскелет последнего поколения производил жуткое впечатление. Крепчайшая бронеткань была разорвана, как бумага. Наружу торчала разнокалиберная лапша лопнувших проводов, коммуникаций, механических тяг. Но главное, грудина со свежей звездой глубоких змеистых трещин была вмята на такую глубину, что враз исчезали всякие сомнения: бедолага внутри экзоскелета — покойник.

Робот-кентавр был глух и слеп. Он не мог выдерживать направление по оси коридора. Не доходя до нас, робот уперся в угол между стеной коридора и стальной переборкой с дверью и остался там, перебирая на месте ходильными конечностями.

Теперь, когда робот был совсем рядом, я мог видеть, что его корпус искалечен продольными и поперечными деформациями. Из-за этого створки люка транспортного отсека, который у этих роботов находится на брюхе, встопорщились, и по периметру открылись щели шириной в два пальца.

Быстро оценив степень угрозы, исходящую от робота — а теперь она была близка к нулю, — я отважно подошел к нему вплотную.

Внезапно створки транспортного отсека распахнулись с рывкающим звуком — так открывается духовка раскаленной газовой печи.

Из отсека выпал и повис на сплетениях кабелей-коннекторов в экранирующей металлической оплетке странный агрегат весьма архаичного вида.

Размером со средний чемодан. Корпус стальной, грубых форм, некогда сплошь покрытый оранжевой краской. Краска в основном облупилась. Лишь кое-где сохранились архипелаги и небольшие континенты грязно-оранжевого цвета.

Несмотря на общую неказистость агрегата, сталь, однако, была нержавеющей, очень качественная.

В агрегат с трех сторон входили пучки разнокалиберных кабелей. При этом далеко не все они служили для соединения с нутром робота-кентавра. Две группы кабелей, распущенных поштучно, обвисали по бокам агрегата, делая его похожим на какое-то морское животное. На креветку, что ли?

К концам многих из этих свободно болтающихся кабелей крепилась всякая совершенно не обязательная — с моей точки зрения — всячина. Там была пара веб-камер, электробритва со снятым кожухом (так, что заржавленные ножи кругового вращения торчали наружу), электрический паяльник, «пустышка», еще какой-то артефакт Зоны (он был замотан в синюю изоленту и точно опознать его было нельзя), старый ПДА...

Один из кабелей шевельнулся, грациозно изогнулся, и я обнаружил, что птичий глаз веб-камеры смотрит мне прямо в лицо.

Изумиться я не успел, потому что тут же пискнул ПДА на другом кабеле.

— Здравствуй. Я тебя знаю. Ты Комбат. — Это определенно была громкая связь ПДА.

— Здравствуй, — ошалело ответил я.

— Вынеси меня отсюда. Я дам тебе денег. Большую сумму.

— С кем я говорю? — Я закрутил головой по сторонам.

Я почему-то совершенно не сомневался, что общаюсь с человеком.

Тем самым человеком, которого и Шива, и нападающие называли Инвестором.

И что человек этот находится где-то поблизости.

И что наблюдает он за мной при помощи веб-камеры, укрепленной на странном агрегате, выпавшем из брюха робота-кентавра.

— Не надо крутить головой. Ты говоришь с Инвестором.

— С кем это ты здесь треплешься? — спросил Тополь, возникая у меня за плечом.

— Сейчас разберемся. Скажи, — спросил я Инвестора, — в ленинской комнате все перебиты?

— Да.

— Слушай, — я обратился к Тополю, — сходи с этим парнем туда, в ленинскую комнату.

Подберите ему экзоскелет.

Под «этим парнем» я имел в виду, конечно же, оператора.

— Меня, кстати, Пашей зовут, — сказал «этот парень».

— Самое время знакомиться, — проворчал Тополь, увлекая оператора за собой.

— Повторяю еще раз, человек, — терпеливо сказал Инвестор. — Я здесь. Я — этот ящик из стали. Я дам тебе денег. Крупную сумму.

— Деньги — это хорошо, — не блеснув вершинами интеллекта, ухмыльнулся я, лихорадочно переваривая информацию насчет «этого ящика из стали».

— Так я говорю с симбионтом, что ли? — наконец предположил я.

— Нет. Я — не человек. Я — не человеческий мозг. Я — электронный мозг. Искусственный интеллект, созданный в Союзе Советских Социалистических Республик для войны с Соединенными Штатами Америки.

— Вы не обижайтесь, конечно, но, как мне рассказывали, в Советском Союзе дела с электронными мозгами были плохи.

Ответом мне послужил смех.

— Ха-ха-ха-хах. Ха-ха-ха-хах. Ха-ха-ха-хах.

Что-то мне это напомнило... Ага, вот что: трепотню излома! Тут тоже смех был неродной, заемный. Мой собеседник просто несколько раз прокрутил по циклу некогда услышанные звуки.

И, пожалуй, это в первый раз заставило меня задуматься: чем черт не шутит, может, я и правда говорю с электронным мозгом?

Отсмеявшись, Инвестор сказал:

— Тебе так рассказывали, Комбат? Что ж, возможно. Возможно, в целом по Советскому Союзу дела с электронными мозгами были плохи. Но на заводе «Юпитер», где меня собрали под кодовым наименованием «Изделие 65», производственные процессы шли очень хорошо.

— Вы говорите о том «Юпитере», который в Припяти?

— Именно.

Я знал завод «Юпитер». Зловещее, опасное место.

Лишний раз не зайдешь.

— Но это сейчас не играет роли, — продолжал Инвестор. — Главное, чтобы ты отнес меня в Центральный отсек.

— Это где?

— На одну палубу выше.

Глава 21 Под землей и на земле

The law of the West was the law of the gun
Shoot and be fast live on the run
Stay alive be fast on the draw
Live by the gun or die by the law.

Outlaw, Manowar

Все это было очень интересно, но пора было переходить от говорильни к действиям. Иначе мы рисковали стать жертвой новой боевой пятерки врага с гауссовками новейших моделей.

Тем более что из ленинки к нам вышли Тополь и оператор Паша. Паша теперь был в экзоскелете. Малость измочаленном манипуляторами робота-кентавра, но все равно функциональном.

Мне показалось, что оператор Паша дохнул на меня свежим перегаром.

«Хорошенькие дела! — подумал я с обидой. — Пока я тут с железным ящиком мордуюсь, эти гаврики там небось по двести приняли... И где только нашли?!». Однако не успел я укорить их в нетоварищеском поведении, как сияющий Тополь протянул мне половинку «кварцевых

ножниц». Он хотел что-то сказать, но я, воровато оглянувшись на Инвестора, приложил палец к губам и поспешил спрятать этот воистину бесценный трофей в нагрудный контейнер своего экзоскелета.

— Что с Шивой? — спросил я у Тополя не столько потому, что меня волновала его судьба, сколько для того, чтобы увести разговор от «кварцевых ножниц».

— Да непонятно. Лежит в луже крови, не подает признаков жизни. Будь он обычным человеком, я бы сказал, что он умер. Но он же мутант. А в мутантах я не Копенгаген.

— Говорят, Шива бессмертный, — глухо промолвил оператор Паша. — Но я, конечно, не верю... Ненаучно это.

— Приказываю отнести меня в ленинскую комнату, товарищи, — подал голос Инвестор.

— Там же тупик! — не понял я. — Минуту назад ты просил вынести себя отсюда. На какой-то командный пункт. А теперь просишь отнести в ленинскую комнату... Для компьютера ты больно противоречивая натура!

— Только люди в силу своего скудоумия склонны именовать противоречивостью повышенную способность некоторых мыслящих машин приспособляться к быстро меняющимся переменным величинам событийного потока, — с достоинством парировал Инвестор. — И не забывай, что за выполнение всех своих приказов я тебе заплачу. Крупную сумму.

— Красиво излагает, — пробормотал Тополь еле слышно, но я услышал.

— «Мани из май мидл нэйм», как говорит мой приятель пиндос Джереми, — усмехнулся я. — В ленинскую комнату так в ленинскую комнату!

— Я вижу, у тебя прямо-таки отношения с этим ящиком! — сказал Тополь, не скрывая удивления.

— Отношения на прочной коммерческой основе! — Я назидательно поднял вверх указательный палец.

Инвестор весил килограммов двести. Но благодаря силовым приводам экзоскелета для меня это было терпимо. Ходить с ним долго я не согласился бы, потому что это полностью аннулировало меня как боевую единицу. Но до бюста Ленина — без вопросов.

— Теперь положи меня на тот труп в экзоскелете. Под стенгазетой «Ударники эфира».

Я повиновался.

На несколько секунд моим вниманием завладели трогательные фотографии в стенгазете.

Вот трое парней с открытыми дружелюбными лицами и аккуратными прическами на правый пробор стоят, обнявшись, перед объективом. У них за спиной — кунг с гвардейской эмблемой на дверце кабины.

Подпись под фотографией: «Сержант Мишулин, ефрейтор Дикий и старший сержант Кузичкин — образцовый расчет БЧ-8, отличники боевой и политической подготовки».

Рядом еще один кадр: смазливый старший лейтенант в парадной форме обнимает невесту в белой фате и скромно декольтированном платье с явными признаками беременности.

Подпись: «Офицерский коллектив в/ч 74940 поздравляет старшего лейтенанта Перчика со вступлением в законный брак».

От этой стенгазеты глаза мои непроизвольно увлажнились. Как же бесхитростна и чиста была жизнь этих простодушных старших лейтенантов! И каким же угрюмым и неотвязным адом была на этом фоне жизнь наша, сталкерская...

Я засмотрелся и расчувствовался, моя черствая сталкерская душа размягчилась от всей этой доброты, любви и дружбы.

И так я засмотрелся, расчувствовался, размяк, что, когда мое периферийное зрение заметило, как встает труп, на животе которого я оставил Инвестора, я едва не закричал благим матом и не выпустил в него полмагазина из своего АК-47.

Нет, я никогда не был нервным человеком.

Но это, ей-богу, было слишком! Ходячий труп! При полном отсутствии признаков поражения зомби-вирусом и тэ пэ.

Однако когда мое сознание все-таки взяло на себя труд и начало анализировать увиденное,

я быстро понял, в чем фокус, и вновь стал спокоен как слон.

А произошло вот что. Пока я разглядывал картинки из жизни в/ч 74940, Инвестор подключился к бортовому компьютеру экзоскелета. Ведь во всех навороченных костюмах социального назначения — не только экзоскелетах — имеются процессоры для обработки кинематики комплекса «костюм — человек» и расчета устойчивых режимов движения.

Ну а подключившись к этим процессорам, Инвестор начал выдавать управляющие последовательности на все сервоприводы и силовые элементы костюма.

То, что внутри находится холодеющий труп с пробитой насквозь головой, экзоскелет совершенно не волновало. А если и волновало поначалу, то Инвестор на их тайном машинном наречии объяснил ему, что волноваться не надо.

Но все равно — дикое это было зрелище: труп с дыркой в голове несет внушительный железный ящик, обвешанный неряшливой вермишелью проводов. И снабжен этот ящик вот такой металлической табличкой:

Изделие 65
Завод «Юпитер», г. Припять
Сделано в СССР

Табличку эту я заметил только сейчас, когда Инвестор повернулся ко мне другим боком.

Заметил эту табличку и Тополь. В отличие от меня он нашел в ней нечто примечательное и, толкнув меня в бок, прошептал: «О-о-о, друг мой, я, кажется, начинаю кое-что понимать...». Но узнать от Тополя, каковы же плоды его размышлений по поводу таблички, я не успел, потому что Инвестор в своей фирменной приказной манере потребовал:

— А теперь, товарищи, вы трое должны сопроводить меня в Центральный отсек!

Не дожидаясь моей реакции, Инвестор направился к выходу из ленинской комнаты, в которую заглядывали заинтересованные Тополь и оператор Паша.

— Какой еще Центральный отсек, батя? Мы что, на подводной лодке?

— В стратегическом смысле мы находимся внутри эквивалента ракетного подводного крейсера стратегического назначения, — без тени иронии произнес Инвестор.

Тополь посмотрел на меня с хорошо знакомой мне усталой грустинкой. Мол, не всех война убила, многих покалечила. Я ответил ему понимающим взглядом.

Отрабатывая обещанные денежки, я возглавлял конвой, держа в левой руке карабин АКТ-40, а в правой — «Калашников», благо экзоскелет позволял мне делать это без малейшего напряжения.

За мной двигался оператор Паша со своей береттовской пукалкой. Также ему досталась малокалиберная штурмовая винтовка С-11, но нес он ее как-то брезгливо. Я чувствовал: случись что — Паша все равно забудет ее применить по назначению.

Выяснилось, что у оператора Паши имеется дурная привычка все время что-то напевать себе под нос. Репертуар у него был разнообразный — от итальянской попсы до арий из «Пиковой дамы». В любом случае раздражало это не на шутку. Пару раз я едва удержался от того, чтобы сунуть ему в пасть.

За Пашей методично переставлял ноги трупа в экзоскелете Инвестор, наш рулевой и восьмое чудо света.

Тополь шел замыкающим. Он казался очень спокойным и время от времени подбрасывал на ладони гранату РГД. Кстати сказать, раньше я за ним такой дурацкой привычки не замечал. Неужели у жены минигарха набрался? А что, очень даже может быть!

Похоже, лимит неприятностей на ближайший час был исчерпан перестрелкой на пороге ленинской комнаты — мы поднялись в Центральный отсек без приключений.

Но если никаких приключений тела, к счастью, нам не выпало, то приключения интеллекта, я бы даже сказал — приключения духа, были, и еще какие! Ибо по мере того как мы продвигались к Центральному отсеку, внутренности этой старой советской базы становились все страннее и страннее: относительно привычные взору интерьеры сменялись чем-то воистину

небывалым.

Так, для начала мы прошли через зал с неожиданно высоким сводчатым потолком.

В центре зала был бассейн, накрытый массивным металлическим переплетом, который был забран толстыми бронестеклами. Все вместе это выглядело как какая-то диковатая теплица. Жидкость, которой был наполнен бассейн, лучилась зловещим фиолетовым сиянием.

— А это у вас что здесь? Не ведьмин студень случайно? — спросил у Инвестора я.

— Это студень, — подтвердил Инвестор лаконично.

«Вот был бы Инвестор человеком, а не машиной, наверняка бы сейчас расчирикался на тему, какой он гений и как именно он изобрел (или задешево купил у ученых с Янтарного) секрет материала, способного удерживать ведьмин студень. А машине все равно — впечатлюсь я или нет».

Дальше было еще интересней.

В соседнем зале обнаружилось что-то вроде цеха экспериментального завода. Или ультрасовременной лаборатории. Там был оборудован небольшой конвейер, над которым нависали на хромированных кронштейнах различные манипуляторы. Там же стоял ряд дорогих приборов, среди которых я опознал химическую электропечь, масс-спектрограф и электронный микроскоп.

Но самое удивительное: в этом же цеху имелось несколько аномалий Зоны!

Выписывала бесконечную восьмерку за загородкой из диковинного нарциссово-желтого материала аномалия жарка. Рядом с ней, судя по инвертированным теням поручневого ограждения, притаилась аномалия изнанка. Ну а там, у дальней стены, красиво завихрялась птичья каруселька небольшой мощности. Прямо парк аномальных аттракционов!

Как эти аномалии удавалось удерживать и содержать вот так, в пределах рукотворного помещения? Не имею ни малейшего представления.

За порогом следующего помещения нам открылось нечто вроде машинного зала.

Агрегаты, внешне похожие на генераторы гидроэлектростанции, были пронизаны колоннами в очень грубой, местами проржавевшей железной обшивке.

Колонны протыкали помещение насквозь, уходя вверх, за потолок.

— А это что за красота такая? — спросил Тополь, постучав по одной из колонн прикладом.

В ответ раздался густой басовитый гул.

— Эти агрегаты намораживают на поверхности Пирамиды лед-21, - неожиданно охотно пояснил Инвестор. Как будто бы это и впрямь что-то поясняло!

— Извините, конечно... — растерянно отозвался Тополь. — Но что такое лед-21? У меня три класса церковно-приходской школы, да и те на все тройки окончены!

— Лед-21 — это условное название для особого пентафазного вещества, которое лежит в основе одной из технологий антигравитации.

Я присвистнул. А Тополю, похоже, было все равно.

— А-а... — разочарованно протянул он. — Лед... Антигравитация... А я-то думал, это у вас пусковые шахты ракет!

— Милитарист ёкарный, — процедил я вполголоса.

Инвестор промолчал.

Центральным отсеком Инвестор называл помещение, которое располагалось сразу за, так сказать, «машинным залом». Как и ленинская комната, Центральный отсек запирался на сейфовую дверь с кодовым замком. Правда, без дополнительных ключей в отличие от ленинки.

Инвестор выставил руками мертвеца нужную последовательность цифр, открыл дверь, переступил порог и, не тратя ни секунды времени, принялся энергичными щелчками оживлять пульты, которыми были заняты стены отсека.

Замигали архаичные лампочки — множество зеленых, по несколько красных и синих.

На допотопных осциллографах зазмеились зеленые синусоиды.

На круговых индикаторах стробирующие лучи взялись отрисовывать невесть какую тактическую обстановку. (Радары это были? Сонары? Хрен поймешь!) Но все это не волновало Инвестора. Оба его глаза веб-камеры заинтересованно уставились в двухпозиционный

механический счетчик.

Счетчик показывал: «00» Инвестор трижды ткнул в кнопку «Контроль», расположенную сбоку от счетчика.

Ничего не изменилось. Счетчик по-прежнему показывал два ноля.

— Они украли их, — сказал Инвестор. И повторил тем же ровным голосом: — Они украли их.

— Кого? Кого украли?

— Они украли мои трансфокаторы.

— Кто «они»?

— Люди, которые прорезали пространство. Люди с «ножницами»!

Я бы охотно поговорил с Инвестором еще. Благо пули здесь не летали, а я люблю ясность люблю истории, где понятны мотивы и интересы всех действующих сторон.

Но Тополь, похоже, был против всяких выяснений.

— Это и есть Центральный отсек? — спросил он у Инвестора.

— Да.

— Значит, мы сделали то, что было нужно?

— Да.

— И мы получим наше вознаграждение?

— Да.

— То есть мы свободны?

— Да.

Ответы Инвестора на этот раз не отличались разнообразием. Как видно, мощности центрального процессора нашей не на шутку оборзевшей советской машины были плотно заняты осмыслением коллизии: «Где искать украденные трансфокаторы».

— Тогда чего мы стоим и гузном трусим? — спросил Тополь по преимуществу у меня.

— Не стану расписываться за оператора Пашу, но я лично трясу гузном потому, что не знаю, куда идти. — В кои-то веки я решил дать своему другу развернутый и вежливый ответ, как учили меня педагоги в средней школе.

— Павел проводит вас к выходу из Пирамиды, — сказал Инвестор. — Прощайте.

А потом были гулкие коридоры Пирамиды, шахта с дряхлым скоб-трапом, мрачный тоннель с невысоким потолком и наконец лифт в бетонном тьюбинге. Тот самый, на котором нас с Тополем полчаса назад спустили к Шиве дежурные службы охраны базы.

Всего-то полчаса...

Над базой «каперов» гремела интенсивная перестрелка.

Увесисто квакали пулеметы Калашникова — не те, которые ручные РПК, а единые ПК, под полновесный винтовочный патрон. Такой же, как в карабине Токарева АКТ-40, кстати.

Торопливо стрекотали современные высокотемпные штурмовые винтовки. Из открытой десантной двери вертолета ЕН-101 ревел авиационный шестиствольный «Миниган».

— Ты погляди, что там! — Тополь дернул меня за рукав, указывая в направлении Бетонки-3.

Я послушался. И обомлел, чтоб не сказать грубее.

Выстроенные в боевые порядки двойного клина, через Сухой Луг двигались боевые машины Иностранного Легиона. Наступление возглавляла пятерка броневедомств АМХ-10RC. Каждый бронированный монстр толкал перед собой нечто вроде диковинной бороны.

— Минные тралы! — ахнул Тополь. — Ну гады! Так вот что везли их грузовики в кузовах! Ты понял, Комбат?

— Да понял я, понял... Как обычно — поздно. Если бы понял сразу, хер бы я на базу «каперов» вообще сунулся. И вам бы запретил. И варись оно все конем! — в сердцах воскликнул я.

Между тем броневедомств-тральщики вошли в полосу минных заграждений. Новогодними хлопучками бабахнули противопехотные мины.

Рои осколков забарабанили по алюминиевой броне французских машин.

Затем трал центральной машины напоролся на кое-что поувесистей.

Ахнуло так, что взрывная волна едва не повалила нас с Тополем на землю. Французская машина полностью скрылась в облаке желтой пыли.

Однако через пару секунд долотовидное рыло добротной дуры, сработанной на заводах Руана, вновь показалось на глаза.

Вдруг справа от нас, на валу, одна за другой заговорили винтовки ОСВ-96.

Их упругое «ту-дум», с которым эти штуки разрождались от бремени бронебойных 12,7-миллиметровых пуль, было слышно, казалось, далеко за пределами Периметра.

Бронебойщики «каперов» подвергли концентрированному обстрелу правофланговую бронемашину. Они сразу же добились трех пробитий брони, о чем свидетельствовали призрачные облачка металлической пыли, поднявшиеся над ее моторно-трансмиссионным отделением.

В следующий миг к ним прибавился черный дым и оранжевые язычки пламени. К сожалению, батарея винтовок ОСВ-96 демаскировала себя слишком быстро.

И, конечно, поплатилась за это.

Град осколочно-фугасных 100-миллиметровых снарядов обрушился на гребень вала, сразу же замесив с землей нескольких защитников базы...

— Жаль пацанов, — сказал Тополь.

— Себя лучше пожалей, авансом, — мрачно процедил я. — Пора линять с этого вала, пока эти поддельные французы из своих «соток» по нам не пристрелялись.

— Согласен. Действуем!

Наши экзоскелеты позволяли нам некоторые вольности. Поэтому мы, проигнорировав лифт, который в случае повреждения электропривода мог стать смертельной ловушкой, попросту прыгнули вниз с высоты третьего этажа.

Силовые тяги экзоскелета автоматически сработали на амортизацию, погасив удар о землю.

Мы побежали к кормовой части «Руслана». Там находился запасной выход из гостиницы «каперов». Наш план был прост — укрыться внутри «Руслана» от пуль.

И далее, двигаясь по оси фюзеляжа, добраться до бара.

Там мы надеялись отыскать Гайку с Тигрэнком в компании «каперов», составивших гарнизон обороны самолета.

От меня не укрылось, как сильно нервничал Тополь — ведь все-таки сестра!

Да и я нервничал.

Во-первых, к Тигрэнку, что бы мною ни говорилось вслух, я начал относиться с нежностью, как к младшему брату.

А во-вторых, Гайка... К ней я тоже испытывал чувства теплые-теплые, как июльская ночь, но разбираться с ними, этими чувствами, сейчас было недосуг.

Однако преодолеть двадцать метров, отделяющие нас от крутого борта транспортного гиганта, нам было не суждено.

Трое боевиков противника в таких же лиловых беретах, как и легионеры лейтенанта Кайриса, выскочив из-за массивного гриба вентиляционной шахты высотой в человеческий рост, обрушили на нас поток пуль из ручных штурмовых пулеметов «Миними» бельгийского производства.

Экзоскелеты выдержали. Но даже они были не в состоянии полностью погасить кинетическую энергию летящих в нас пуль.

Мы с Тополем отлетели назад как кегли.

Уверен: нас, распластавшихся на земле в неудобных позах, прикончили бы в течение трех секунд, и никакие экзоскелеты нас бы не спасли. Просто потому, что по теории вероятности некоторые из многочисленных пуль обязательно поразили бы нас в незащищенные экзоскелетами проекции головы.

Но в следующий миг прилетевшая откуда-то очень вовремя граната взорвалась за спиной пулеметчиков, временно выведя их из игры.

— Надо же, какая подлость! — сердито выкрикнул Тополь, ни к кому особенно не обращаясь. — Если бы тогда! Когда я служил! На Речном Кордоне! — Каждый последующий обрубок фразы он выкрикивал с той же лозунгово-митинговой интонацией, что и предыдущий, казалось, ему не хватает воздуха в легких, чтобы говорить нормально. — Мне кто-нибудь сказал! Что меня будут! Расстреливать из «Миними»!

«Ишь, развыступался».

А Тополь все не мог успокоиться.

— Я бы в рожу тому плюнул! «Миними» — оружие хороших парней! А не пидорасов! И тут такое! Я же «Миними»! Ставлю! Выше всех других! Ручных пулеметов! Я же его! На скорость разобрал! Быстрее всех в роте!

Я кивал как зачарованный.

Я всё понимал... Что у нас у обоих контузия... Что у Тополя из-за этой контузии проснулись личностные чувства к стрелковому оружию... И в то же время сбоят речевые центры... Что обоим нам сейчас не помешало бы по пять кубиков успокоительного, которого у нас, конечно, при себе нет...

Однако пока я все это понимал, моя рука прагматично нашаривала на земле оброненный автомат...

Однако вместо автомата я первым делом нащупал... блестящий клинок «кварцевых ножниц»! Видать, пули «Миними» полностью разрушили нагрудный контейнер моего экзоскелета, и бесценный артефакт выпал на землю...

Я поднес половинку «ножниц» к глазам. Зрение плохо фокусировалось на них, сказывалась контузия.

Отчего-то я на секунду подумал, что артефакт — не мой, что я нашел половинку «ножниц», оброненных кем-то из нападающих или, наоборот, из защитников базы...

Но нет, это были наши с Тигрёнком «ножницы».

Вот и приметная щербинка у основания...

И тут меня как громом поразило: боже мой, да это же и есть мое видение! Именно всё это я и видел, установив верньер шлема, подаренного мне Лидочкой Ротовой, в положение «реверс»!

Я оторвал взгляд от артефакта. Перед глазами проползли клочья дыма. Дальше за ними уходила вверх белая стена — борт «Руслана».

Но где же автомат? Я опустил глаза.

Ага, а вот и мой АК-47!

Подобрав его, я заученным движением поменял магазин, приложил приклад к плечу и из редкого, но тоже, кстати, уставного положения сидя выпустил в неприятельских пулеметчиков несколько коротких очередей.

К тому моменту все они уже были ранены осколками гранаты. И мои очереди лишь довершили начатое.

Заливая окрестности алой кровью, все трое отдали богу душу, беззвучно шевеля губами.

— Со святыми упокой, — пробормотал Тополь и перекрестился.

На чью сторону склоняется чаша весов в этом хаотическом сражении. на земле и под землей, сказать было нелегко.

Еще минуту назад мне казалось, что побеждают нападающие.

Но вскоре стало ясно, что я ошибался. По крайней мере та часть поддельных французских легионеров, которая высадилась с «Корморанов», похоже, собиралась драть.

Жалкие и немногочисленные, они устремились к своим винтокрылым машинам, волоча за собой редких раненых.

Отход прикрывали не менее четырех пулеметчиков и гранатометчиков.

Один из них вел беглый огонь в направлении нас с Тополем. Поэтому мы были обречены бездействовать, вжимаясь в землю.

Два «Корморана», приняв на борт отступающих легионеров, взлетели и, почти не набирая высоты, пошли на запад.

Еще один вертолет, стоящий на отшибе, ждал, надо полагать, тех, кто прикрывал отход товарищей.

Наконец четвертый не подавал признаков жизни.

Похоже, его пилоты были убиты шальными пулями.

Или попросту дезертировали — такое тоже бывает в жизни.

Меж тем бой внутри вала неумолимо затухал.

Мне даже начало казаться, что вот-вот будет объявлено перемирие.

А почему бы и нет? Вот возьмут, договорятся о чем-нибудь здесь, внутри вала, и скажут тем, на бронемашинах с той стороны вала, что, мол, пора завязывать стрельбу, дружба-мир, гони сувенир...

Окрыленный этими пацифистскими надеждами я, наплевав на предостережения Тополя, поднялся в полный рост.

И что же я увидел!

А увидел я негодяйскую Гайку. Опытно, по-солдатски сгорбившись, девушка бежала вдоль передней кромки левого крыла «Руслана».

Видел я ее неотчетливо, промельком. Поскольку, напомним, под крыльями самолета у «каперов» были оборудованы различные подсобные помещения, в частности, мастерские, и Гайку почти все время скрывали нагромождения вспомогательных металлических конструкций и разного барахла.

Однако все это не помешало мне заметить, что в каждой руке она держала по обрезу помпового ружья «моссберг». А это означало, что моя отважная зазноба вышла на тропу войны.

— Гайка! Ириша! Ты куда это?! — надсадно заорал я.

Но она то ли не слышала, то ли сделала вид, что не слышит. С характером ее тринитротолуоловым я уже был знаком достаточно близко, так что второй вариант представлялся куда более вероятным...

Гайка бежала к ближайшему «Корморану» — это стало ясно в последнюю секунду.

За эти секунды, друзья, ваш Комбат чуть не поседел. Ибо я отчетливо помнил, что из отвора десантной двери этого вертолета торчит тупое массивное рыло шестиствольного «Минигана» — оружия, способного превратить нашу Иришу в облако кровавых брызг за десятую долю секунды.

В тот миг, когда Гайка оказалась на директрисе огня «Минигана», у меня чуть не лопнуло сердце.

Уж не знаю, что там произошло со стрелком, почему он замешкался, но только оба «моссберга» Гайки прогрохотали слаженно, опередив стальное торнадо, готовое вырваться из вороненых стволов шестиствольного пулемета!

— Ну что там, Комбат? — спросил меня Тополь.

Мой друг все это время пролежал, вжавшись в землю и ведя наблюдение в противоположном направлении — чтобы нас не застигли врасплох, напав с правого фланга. И, стало быть, он всего этого ужаса в исполнении Гайки, на свое счастье, не видел.

— Да сестрица твоя жжёт со страшной силой, — как можно более развязно сказал я, чтобы скрыть свою нервозность.

— А именно?

— Похоже, пытается вертолет захватить!

— Чего-о?! — Тополь тут же вскочил на ноги.

— Да вон, полюбуйся. — Я указал в сторону «Корморана».

Даже с нашего места было видно, как Гайка приставила обрез к правому уху пилота, закрытому наушником шлема, и сказала что-то очень веское.

В следующий миг турбины вертолета стремительно набрали обороты.

— Ты куда, мелкая?! Ты куда это собралась?! — орал Тополь, грозя кулаком в бессильной педагогической злобе.

Но вот теперь Гайка уж точно ничего не слышала — из-за рева винтов.

Накренившись, вертолет развернулся на месте.

Пошел вперед. Преодолевал вал, едва не чиркнув по его гребню носовой стойкой шасси. И

пошел вслед за своими собратями, на запад.

— Как ты думаешь, куда ее понесло? — спросил Тополь.

— В солярий, я думаю. Ну или на педикюр. Тут два варианта ровно, — выдал экспертное заключение я.

Пока мы стояли, как два унылых пингвина, в той же стороне, откуда Гайка начала свой смертельный разбег, замаячил Тигренок. И вскоре его сутулая безоружная фигурка приковывалась прямо к нам.

— Ты не знаешь, куда это наша мадемуазель на вертолете полетела? — спросил я.

— Знаю. Она сказала, что ей стыдно. И что она должна загладить свою вину.

— Стыдно? Перед кем? — Я был в замешательстве и, конечно, нахмурил брови.

— Передо мной. Что она «ножницы» украла. Пока мы там сидели, я ей про Алёну свою рассказал... Про то, как мы с ней дружили... Как в Крым с палатками ездили, в Ласпинскую бухту... Ну которая недалеко от Севастополя. Про то, как она в вокальную студию ходила, как учила детей английскому...

— Ну?!

— Ну вот и стало ей стыдно...

— Стыдно ей стало! Стыдно! Ты говори, куда именно она полетела? — Тополь схватил Тигренка за плечи и тряхнул.

— Она сказала, что точно знает: «ножницы» находятся у тех людей, которые только что улетели на вертолетах.

— Половина «ножниц» вообще-то у меня! — вполголоса сообщил я, извлекая на свет сверкающий полуметровый клинок.

— Значит, она полетела за второй половиной! Она преследует тех людей, на вертолетах!

— У тебя совершенно шибзданутая сестра, — сказал я Тополь. — В одиночку преследовать взвод головорезов, не имея даже путевого экзоскелета!

— Это еще что, — задумчиво промолвил Тополь. — Когда ей тринадцать лет было, на нее как-то во дворе четверо хулиганов напали. Так трое из них в неотложку загудели. А четвертому она так засветила обрезком арматурины по руке, что он на всю жизнь калекой остался... Короче, не Гайку мне жалко. А головорезов с «кварцевыми ножницами».

Я кивнул. Дескать, с пониманием: «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Решение лететь за Гайкой мы приняли все трое одновременно.

— Надо захватить вон тот вертолет, — предложил Тополь, указывая на машину без пилота. — Мы должны полететь за ними и помочь дурехе!

— Да я бы с радостью. Но кто здесь умеет пилотировать? — Я был уверен, что задаю совершенно риторический вопрос. Но я ошибся.

— Я умею! — звонко выкрикнул Тигренок.

— «...А слепой указывал дорогу, а безногий жал на тормоза», — уныло констатировал Тополь.

— Нет, правда умеешь? — недоверчиво уточнил я.

— Правда. У меня дядя пилот, я с 12 лет в авиаклубе занимаюсь. На «Ансате» у меня налет сорок два часа.

— А на «Корморане»?

— Ноль, естественно.

— То-то и оно.

— Но я смогу!

Мы с Тополем переглянулись.

— Ладно, поверим ему. Других-то вариантов все равно нет!

Глава 22

Ахтунг, ахтунг, в воздухе Тигренок!

Soon to fill our lungs the hot winds of death
The gods are laughing, so take your last breath...

Fight Fire With Fire, Metallica

Уже пятую минуту мы вместе с нашим «Кормораном» болтались в воздухе на высоте двадцати метров.

Тигрёнок приятно удивил нас тем, что все-таки смог поднять эту многотонную дуру в воздух. Но на этом приятные сюрпризы, считай, закончились. Привести вертолет в равномерное поступательное движение в заданном направлении (а именно — на запад) у нашего юного друга пока не получалось.

Если бы на его месте был я, кабина вертолета сотрясалась бы от потоков непечатной лексики. Но интеллигентный Тигрёнок лишь сопел в тряпочку и сосредоточенно колдовал над приборной доской.

Тополь тоже принимал участие в этом цирке. На правах ценного советчика.

— А ты газку добавь! Газку-у!

— Да газку тут уже достаточно, — кротко отвечал Тигрёнок. — Я с автоматом перекося разобратся не могу!

Словно бы иллюстрируя его слова, «Корморан» вдруг дал солидный крен на хвостовую балку и с устрашающей стремительностью пополз в сторону «Руслана». Учитывая высоту фюзеляжа исполинского транспортного самолета, это было совершенно не смешно.

Мы рисковали воткнуться ему в спину своей хвостовой балкой.

Зазевавшийся Тополь кубарем полетел через голову. «Твою дивизию!» — послышалось откуда-то сзади.

Тигрёнку, однако, все же удалось выровнять машину.

— Извентилияюсь! — как-то очень по-детски сказал он.

— Ты подними «вертушку» метров хотя бы на триста. И потом уже экспериментировать! — с трудом симулируя спокойствие, сказал я.

— Пожалуй, вы правы...

«Корморан» пополз вверх. И все бы хорошо, но теперь нас увидели из-за вала, с бронемашин лейтенанта Кайриса. Полминуты они решали задачу «свой-чужой», а затем у нас начались настоящие проблемы...

К вертолету потянулись цветастые щупальца очередей трассирующих пуль.

— В нас стреляют! — с неуместным возмущением заорал Тополь.

— Ясен пень, стреляют.

— Да вот и не ясен как раз этот твой пень! Они могли бы, между прочим, подумать, что мы «свои». Как они узнали вообще-то?

— Полагаю, по незабываемой манере пилотирования. — Я указал взглядом на Тигрёнка. Лицо у него было красным, как свекла. На лбу и подбородке блестели капельки пота. — Давай снова вниз, — сказал я ему. — Лучше уж падать с малой высоты целехонькими, чем с большой высоты изрешеченными, как дуршлаг...

Но Тигрёнок не ответил мне. И даже, кажется, меня не услышал. Он был поглощен собственным открытием.

— Да у них автопилот хитро настроен! — воскликнул он радостно.

— И что?

— Похоже, на сверхмалых высотах этот «Корморан» вообще никуда не полетит. Пока пароль не введёшь.

— А на каких полетит? Если без пароля?

— Чтобы это понять, надо подыматься дальше!

— Ну так подымайся, черт тебя дери!

— Так точно! — отвечал Тигрёнок и смело двинул рукояти управления.

Мы потянулись вверх. Трассирующие пули, увы, потянулись за нами.

Совершенно беззвучно в правой двери пилотской кабины образовался ряд круглых отверстий. Пули прошли мимо нас, чудом не задев Тигрёнка (мы-то с Тополем были в экзоскелетах). К счастью, Тигрёнок был так поглощен исполнением пилотских функций, что не заметил, как близко от него прошла смерть.

Полагаю, тут бы к нам и подкрался ценный пушной зверь с голубым мехом. Но на поле битвы возник новый и притом очень опасный фигурант.

Воды круглого пруда по правому борту от «Руслана» забурлили, будто кто-то засунул в пруд исполинский кипяtilьник.

Фонтаны пара ударили вверх.

Сушу захлестнули частые, злые волны.

И наконец над поверхностью воды показалась черная квадратная площадка размером с теннисный корт.

Я наблюдал весь этот катаклизм на одном из экранов приборной панели — туда транслировались данные с камеры, установленной на брюхе «Корморана».

Наблюдал — и поначалу не поверил своим глазам.

— Глядите, мужики, — сказал я, гипнотически тыча пальцем в экран.

— Интересно девки пляшут, — прошептал Тополь.

Отвлекать Тигрёнка дальнейшими комментариями мы не стали. Но смотрели на происходящее во все глаза.

Черная квадратная площадка поднималась все выше. Теперь было видно, что это лишь верхняя горизонтальная грань какого-то огромного объекта. От нее под углом вниз отходили еще четыре грани, скрывавшиеся под водой.

Прошло секунд десять, прежде чем диковинный объект, стремительно поднявшись на высоту шестнадцатизэтажного дома, явил себя во всей своей inferнальной красе.

— Да это пирамида... — ошарашенно прошептал Тополь. — Огромная...

— ...И она летает, — одними губами продолжил я. — Вот теперь я понимаю, о какой Пирамиде говорил тот блондинчик.

— Какой еще блондинчик?

— Начальник наряда службы безопасности! Который нас досматривал. Они еще твой нож разрядили, помнишь?

— Этих не забудешь!

— Так вот, мы же именно там, внутри этой Пирамиды, с Шивой говорили!

— Да? А с чего ты взял-то? И что это вообще за дура?

— Тупишь, Костя, тупишь, — с осуждением сказал я. — Эта дура являет собой какой-то секретный радар. Без вариантов. Погляди хотя бы на плоскости фазированных антенных решеток...

— Решеток?

— Ну эти темные пятна правильной формы на ее гранях!

— Решетки... Радаром... — Костя почесал затылок всей пятерней, как он делал всегда, когда что-то мучительно осмыслял. — А что? Очень даже может быть... Я когда под Хабаровском служил, меня посылали на тамошний радарный комплекс раннего предупреждения о ракетном нападении... «Дон-3» назывался. Отдаленно похоже.

— Ничего не отдаленно! — заводился я. — А один в один! Я же все-таки физик, хотя и недоучившийся...

— Да верю, верю... Только что нам это дает? Почему ты решил, что мы с тобой были внутри именно этой штуковины?

— А то, дурья твоя башка, что вся ленинская комната, в которой мы Инвестора повстречали, у них была забита переходящими красными вымпелами «От командования Киевского военного округа». А стенгазета их гарнизонная называлась «Ударники эфира». И скалились с нее рожи всяких старших сержантов с типичными «мандавохами» в петлицах...

— Мандавохами? — вдруг наострил уши Тигренок. — Я не ослышался?

— Ты не отвлекайся, тебе нельзя, — буркнул Тополь.

— Вообще-то Костя прав... Но я все-таки скажу, чтобы ты не мучился этим вопросом без ответа, — обратился я к Тигренку, — что «мандавоха» это жаргонное название эмблемы войск связи. А в реальности носят ее и радиотехническая разведка, и локаторщики космических войск. В общем, операторы вот таких именно радаров...

— Сильно! — прочувствованно заметил Тополь. — Но только что нам все это дает? В конечном итоге?

— Пока не знаю.

Тем временем без всяких «конечных итогов» Пирамида сослужила нам хорошую службу. Она поднялась еще выше и оказалась на директрисе огня, отгородив нас от пуль с борта бронемашин лейтенанта Кайриса.

И лишь благодаря этой чудесной штуковине, летающей по щучьему велению, наши борта остались более-менее целыми.

— Как ты думаешь, зачем она взлетела, Пирамида эта? — спросил Тополь.

— Ты бы лучше спросил, как она взлетела... — задумчиво сказал я.

— Вот это мне как раз совершенно до фени! Я понимаю, что сто тысяч тонн цемента, висящие в воздухе, не каждый день увидишь. Но Зона научила меня вот чему: физика физикой, а прагматика — прагматикой. То есть, грубо говоря, по фигу как, главное — зачем!

— Мощно задвинул, — кивнул я.

Тут в разговор вновь вступил Тигренок. Причем тон у него был на зависть уверенный. Как видно, роль пилота основательно укрепила его доселе хилую самооценку.

— Да бросьте вы эту Пирамиду. Лучше ответьте: куда мы летим? — с нажимом на «мы» спросил Тигренок.

— А? — переспросил я, всё еще полностью поглощенный невероятным зрелищем.

— Куда рулить-то, пассажиры?

— А что, мы уже в состоянии лететь? Ты с управлением разобрался? — с искренним удивлением спросил Тополь.

— Не будь вы так заняты этим чудом природы, вы бы заметили, что уже минуту наш «Корморан» нарезает круги на месте! — заметил Тигренок с ангельской кротостью в голосе.

— Так чего же ты ждешь, болван?! — вспыхнул Тополь. — Быстро на запад! Сестрену пора спасать!

— Курс двести восемьдесят пять, если быть точным, — добавил я нарочито сдержанно.

— Есть курс двести восемьдесят пять! — бодрячком отрапортовал Тигренок.

Пока Тигренок, потея над приборами, учился выдерживать заданное направление, мы с Тополем говорили о природе вещей. А именно — об Инвесторе.

— Так что ты, Костя, — начал я, — про завод «Юпитер» пытался там, в подземельях, мне объяснить?

— Да тебе разве интересно?

— Интересно-интересно. Но обстоятельства складывались не в пользу интересных разговоров.

— Про «Изделие 65». Там же такая табличка на Инвесторе была, помнишь?

— Смутно припоминаю.

— Так изделий этих с руин завода «Юпитер» вынесли не меньше трех штук. Помнишь Мохнатого?

— Вот он такую фигню добывал. Намекал еще, что по заданию каких-то спецслужб. Не знаю, правда ли, но бабла ему действительно отвалили, он себе еще водный мотоцикл купил, чтоб по Припяти гонять... А еще одно «Изделие 65» мы в прошлом году подобрали с лягушатниками на Речном Кордоне.

— Что значит «подобрали»? Откуда оно на Речном Кордоне-то взялось?

— В том-то вся и штука... История мутная! Мы обнаружили брошенный грузовик с работающим мотором. И у него прямо на водительском месте лежал этот долбаный железный

ящик! А людей не было... Вот поди пойми.

— Вроде как в детском стишке про маленького мальчика: «Школа стоит, а в ней никого».

— Вот-вот, — согласился Тополь. — Но самое интересное было дальше. Принесли мы «Изделие 65» в казарму, начали курочить, золотые детали искали, понятно... В то же время один парень, который раньше срочку в подплаве проходил, навел справки. Оказалось, «Изделием 65» на советских атомных подлодках назывался «черный ящик».

— В смысле бортовой самописец? Как на самолете?

— Да-да, именно! Но вот что удивительно — мы когда наш ящик окончательно разобрали, там, кроме батареи сверхнадежных магнитофонов, пишущих на проволоку, оказалась...

— Ты хотел сказать «пишущих на пленку»? — уточнил я.

— Да нет, балда. Именно на проволоку! На проволоку в разы надежней... Так вот: там, кроме магнитофонов, оказался очень неслабый для конца прошлого века компьютер!

— Компьютер? — спросил я недоверчиво.

— Ну! Две батареи крупных таких, знаешь, процессоров, шины всякие, шлейфы, дисковые накопители... Я в этом не очень спец, но даже я впечатлился! Я даже помню, мой начальник майор Паризьен, такую телегу толкал, что компьютер этот в магнитофоне такой мощный, что наверняка способен самостоятельно управлять атомной подлодкой! И даже дотрынделся до того, что, дескать, он нужен для захвата управления субмариной, если с экипажем случится что-то нехорошее или командиры откажутся выполнять приказы Москвы...

— Ну прямо «Охота за «Красным Октябрем», — вспомнил я. — Начитался твой майор всякой ерунды и фантазировал потом по мотивам...

— Может, оно и так, конечно, — сказал Тополь. Он явно не разделял мой скепсис. — Но посуди сам: Инвестор вместо «этаж» говорит «палуба». Пультовую Пирамиды называет «центральным отсеком». А так только подводники говорят.

— Считаю, убедил, — легко сдался я. — Но что это нам дает?

— А то, друг мой, что я, кажется, понимаю, чем на самом деле намерен заняться Инвестор!

— И чем?

— Войной с Соединенным Штатами Америки!

— Да ты чё?! — вытаращился я.

— А чё? — Глаза Тополя были ясные-ясные. И совершенно безумные.

Так и поговорили.

Мы несколько раз пытались связаться с Гайкой на разных частотах. Но то ли частоты нам попались бракованные, то ли Гайка была туговата на ухо.

— Ирина Кравцова, отзовись. Вызываю Ирину Кравцову. Здесь Константин Уткин. Ее брат... То есть твой брат, ёк-макарёк! Вызываю Ирину Кравцову, — монотонным голосом повторял Тополь. Лицо его было встревоженным.

Когда окончательно стало ясно, что зови не зови, а толку не будет, я подсунул Тополю под нос ПДА с картой.

— Погляди-ка, Костя. Я вот думаю: а куда мы, собственно, летим? Сейчас пройдем Янтарь, за ним — Заозерье, а потом ведь уже и закрытые уровни!

— Выброси эту карту на помойку. Она для самых маленьких, — проворчал Тополь.

— А где у нас карта для самых больших? — саркастично осведомился я.

Тополь выразительно тюкнул себя в темечко указательным пальцем. Мол, здесь, в голове у меня, эта самая карта.

— Там, Володя, — веско продолжил Тополь, — к западу от Заозерья начинаются глухие гиблые леса. Это действительно закрытые уровни, но именно там расположена научная база, известная военсталкерам как «Объект 210б». Ставлю как всегда рубль за сто, что наши фальшивые легионеры направляются именно туда.

— Научная база? — с прищуром переспросил я.

— Научная. А что? — не понял Тополь.

— А интересные ученые пошли, — вкрадчиво заметил я, отчетливо ощущая, как во мне

закипают целые цистерны сарказма. — Орды головорезов высылают. Без разбора из «соток» гасят. При этом их сотрудники вблизи не производят впечатления людей, способных прочесть до конца хотя бы букварь... Нет ли здесь какой ошибки? — закруглил я свою речь вопросом.

— Мне моя бывшая объясняла. Про ситуацию какого-то постмодерна, — задумчиво произнес Тополь.

— Нет, я серьезно говорю. Ошибки тут не может быть?

— Если серьезно, может быть что угодно. Но лучших версий у меня просто нет. Я, когда на Речном Кордоне служил, в тот район, случалось, захаживал. По оперативной надобности. Точнее, залетал, потому что на своих двоих туда не зайдешь. Так я тебе скажу, они уже тогда суровые были ребята. И борзые — страшное дело. Это тебе не наши ботаники на Янтарном, которые всю аспирантскую гвардию под ружье ставят, когда какой-нибудь гон или Выброс случается... У тех, на «Объекте 2106», капуста водится. И явно в нестыдных количествах. Кстати, Тигрёнок, — Костя обратился к нашему пилоту экстра-класса, — поднимись-ка на эшелон тысяча сто. А то здесь такие аномалии попадают... Как шваркнет по «вертушке» — потом и хоронить-то нечего будет.

Я вспомнил, как в прошлом году вертикальный бич завалил в этих местах вертолет с Ильзой и Иваном, ее верным сигомом и любовником. И хотел даже предложить выйти на высоту километра полтора, а то и два.

Чтобы наверняка. Но сразу же сообразил: если мы поднимемся еще выше, о намерении рассмотреть, что там происходит внизу, можно будет просто забыть.

Например, если любой «Корморан» — вражеский или Гайкин — сядет где-то в Заозерье или в упомянутых Тополем беспокойных лесах, заметить его будет крайне проблематично. В здешней коварной дымке-то. Ну а с комплексом инфракрасной разведки, который у нашего «Корморана», конечно, имелся, разобраться я не надеялся...

— Вижу вертолет прямо по курсу! — восторженно сообщил Тигрёнок. — Низенько идет... Метров семьдесят!

— Ну и дура, — прошипел Тополь. — Вот я бы негодяйку ремнем угостил! Как в лучшие времена... Это ж надо на такой высоте идти! Мозги у нее есть или нет?

— Да погоди ты девушку костерить, — вступился за Гайку я. — Может, это не ее решение, а того пилота, которого она на мушку взяла!

— Все равно дура! Могла бы пилота поумнее выбрать! — не отступался Тополь.

— Ну, может, у того пилота резоны какие-то нашлись, мы же не знаем...

Сообщив Тополю это в высшей степени ничего не значащее миролюбивое предположение, я извлек бинокль и взгляделся в дальние западные дали, задернутые плотной многослойной дымкой. С опережением в километр перед одиноким вертолетом Гайки чесала пара «Корморанов» — те самые, которые взлетели первыми и на которых спасались недобитки, фальшивые legionеры.

Еще дальше к западу на черном покрывале лесов светлела звездообразная проплешина. Свободное от деревьев пространство было бессистемно — как казалось — заполнено прямоугольниками приземистых неказистых строений, которые лично мне напоминали коровники или что-то подобное.

Также хорошо различались неожиданно большая, бетонированная вертолетная площадка, а рядом с ней симпатичный городок, набранный из двухэтажных коттеджей совершенно не зоновского, а скорее какого-то уютно-подмосковного вида.

Но самым примечательным среди увиденного была, конечно, ажурная вышка.

Сделанная из некоего белого блестящего металла (дюралюминий? титановый сплав?) и удерживаемая тросами-растяжками, она возвышалась метров на восемьдесят, а то и на сто. На ее вершине диковинной ромашкой растопырилась очень странная антенна.

— Что там за херня наверху, можешь объяснить? — спросил я у Тополя.

— Антенна спутниковой связи, что ли, — неуверенно предположил тот.

— Вообще-то не похоже. А уж зачем ее так высоко поднимать — и подавно неясно.

— Черная магия, однако! Колдунское колдунство!

— Нет, я серьезно!

— А все остальное, Вован, тебя не смущает? Хотя бы взять эти миленькие гламуренькие коттеджи. Кто в них живет. Зомби, что ли?

— Ты же сам говорил — ученые...

— Можно подумать, я не видел, как ученые живут.

Одно общежитие поставят на всю компанию — и хватит. На одном этаже аспиранты, на другом — доценты, на третьем — три импотента-профессора со своими тузиками, мурками и грелками...

— Так то у нас. А это, может, иностранные. Ты об этом не подумал?

— Иностранцы?... А что, очень даже может быть...

Обсуждение наше было в самом разгаре, когда оба вражеских «Корморана» достигли вертолетной площадки возле коттеджного городка и благополучно сели.

Вертолет нашей отважной Гайки, судя по всему, собирался сделать то же самое.

Какой тактический расчет кроется за этим, мы так и не узнали, потому что гемютный городок иностранных ученых обнажил стальные клыки основательной ПВО.

На земле блеснули несколько вспышек, похожих на сварку.

Хвостовая балка Гайкиного «Корморана» украсилась длинным дымным шлейфом.

Рывком упали обороты хвостового винта.

«Корморан» сразу же стало закручивать по оси вращения главного ротора. Пилот принял единственно верное решение: повел машину к земле, на вынужденную. Я побледнел и до хруста сжал кулаки.

— Да что ж такое?! Что за невезуха?! Там же сестра моя! Нельзя же так! Нельзя! — Тополь в сердцах хватил себя кулаком по колену. Он едва не плакал.

— Не каркай. Нормальная везуха пока... Могла быть и хуже, — успокоил его я.

Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: следующей жертвой вражеской ПВО станем мы.

Я приказал Тигрёнку:

— Выпускай шасси и снижайся на предельно малую! Видишь грунтовку, которая идет через лес к воротам базы?

— Где? А, да. Вижу!

— Пойдешь строго над ней!

— Но куда, куда пойдешь? Где мы должны оказаться?

— Там, где упал вертолет Гайки!

— Но это же самоубийство!

— Может, и так. Но это — правильное самоубийство. Понятно?

Тигренок кивнул. Ему было понятно.

— Костя, пожалуйста, проинспектируй десантный отсек на предмет главного калибра, — попросил я.

С трудом вписавшись в своем экзоскелете в лаз между пилотской кабиной и десантным отсеком, Костя отправился выполнять мою просьбу. Вскоре оттуда раздался его зычный голос, в котором отчетливо слышались нотки ликования.

— Да это не вертолет, Вован! Это летающий линкор!

— Поподробнее, пожалуйста! Что там есть?

— Тут целых два «Минигана»! По одному на каждый борт! А еще — десяток одноразовых гранатометов!

Но самое главное — здесь у них стоит автоматический гранатометный комплекс «Раумшлаг»!

— Это что за хрень, Костя? Первый раз слышу!

— Это не хрень. Это — новейший автоматический девайс под гранаты «Вайпер-2». Штука посильнее «Матери» Горького и «Фауста» Гёте вместе взятых.

— Обращаться умеешь?

— А то!

— В таком случае приводи в боеготовность и его, и оба «Минигана». Сейчас устроим вырванные годы этим ученым!

Перед тем как перейти в десантный отсек, я дал последнее указание Тигрёнку:

— Значит, смотри, отец. Идешь ровно на ворота базы змейкой. Понимаешь, что это такое?

— Нет.

— Поворот лево тридцать градусов — и так движешься пять секунд. Затем поворот право шестьдесят градусов — и снова пять секунд... Но при этом общее направление выдерживаешь на ворота.

— Это чтобы ПВО обмануть? — проявил сообразительность Тигрёнок.

— Верно. А еще — чтобы мы могли попеременно приводить в действие вооружение левого и правого борта по одним и тем же целям!

— Ну прямо Перл-Харбор, — ухмыльнулся Тигрёнок.

— Что-то ты непатриотичный вырос... Какой тут еще Перл-Харбор тебе? Ты что, пиндос? Лучше говори: «Кандагар-86». Или хотя бы уж «Грозный-2000»...

— Есть, товарищ командир! — бодро отвечал Тигрёнок.

Почему нас не сбили загодя, до сих пор не могу понять.

Скорее всего не имели твердой уверенности, что на борту нашего вертолета нет их людей.

Проявили, так сказать, преступную мягкотелость.

А когда мы пошли на малой высоте над просекой, сшибая с деревьев ветки и распугивая мелких псевдоплотей, сбить нас оказалось не так-то просто.

На первом же пятисекундном галсе мы с Тополем вынесли из правобортного «Минигана» обе сторожевые башни на воротах.

Вместе с ними накрылись два двадцатимиллиметровых «Эрликона».

Конечно, гарнизон базы гламурных ученых благодаря этому наконец-то надежно опознал нас как «чужого».

В результате по нам открыли огонь все шесть сторожевых башен восточного фаса периметра.

Это было феерично!

Плотные стаи красных помидоров летели к нам отовсюду. (Именно так — вереницами летящих вам прямо в морду огненных мячиков — выглядят очереди зенитных снарядов с трассерами). Машина расходилась с этими смертоносными овощами в считанных сантиметрах.

Я боялся, что хрупкая психика Тигрёнка не выдержит этого натиска, и тот, рефлекторно бросив машину вниз, посадит «Корморан» прямо в кроны деревьев. Что будет — легко догадаться — равносильно полному фиаско нашего предприятия.

Однако Тигрёнок держался молодцом. Разве что начал петь какую-то дурацкую песню из новых... Что-то там было про «диджеев», про «девчонок» и какое-то «вещество».

— Отец, поворот давай! Не увлекайся! — закричал я ему.

— Есть поворот!

Я прильнул к прицелу «Раумшлага», поймал в него ближайшую сторожевую башню и выпустил очередь из пяти гранат.

Результат превзошел все ожидания.

Довольный Тополь решил, что негоже ему, певуну, отставать от Тигрёнка, и тоже запел:

Взвейтесь кострами,
Бочки с бензином!
Мы пионеры —
Дети грузинов...

Да, гранаты «Вайпер-2» и впрямь доставляли, как говорили в моем детстве.

Каждый разрыв вырезал из пространства десяток кубических метров. Соседние участки

эвклидова пространства стремились заполнить образовавшуюся невообразимую пустоту. И, стремясь его заполнить, растягивались, как резина, а вслед за ними деформировались любые — подчеркиваю, любые — материалы, их заполняющие.

Рвались, как гнилые нитки, ограждения из колючей проволоки.

Тянулся пластилином бетон забора. Вспучивалась земля. Закипала краска на растянувшихся резинками щитах с запретительными надписями.

— Я смотрю, этот «Раумшлаг» действительно для сильных духом! — крикнул я Косте.

— А я тебе про что! — просиял мой друг.

Хотя у нас не было ни «подсолнуха», ни других артефактов, изменяющих причинно-следственный континуум, нам фантастически везло. До того как нас наконец-то подбили, мы успели заложить еще четыре галса!

Но всё хорошее кончается.

Вдруг вертолет подбросило так, словно мы налетели на воздушного «лежачего полицейского».

С громким шипением накрылись топливные и охлаждающие коммуникации левой турбины.

Вслед за ней по неясным причинам заглохла и центральная (у «Корморанов», кто не знает, не две, как у большинства аналогов, а три маршевые турбины).

Из-под потолочной обшивки десантной кабины хлынул горячий душ моторного масла.

Нам-то с Тополем было просто страшновато. А вот Тигрёнок, на котором не было экзоскелета, тот просто заверещал от ужаса.

— Падает давление масла! — крикнул он. — Что делать?

— Помнишь, где у них городок с коттеджами? — спросил я.

— Да.

— Дуешь строго на него. И там садишься.

— А ближе нельзя?

— Ближе нельзя. Расстреляют в упор за секунды. А там нас закроют дома.

— Чего закроют?!

— Я говорю дома — коттеджи! — нас защитят от огня! Прикроют!

— А, понял. Сейчас попробую...

Ну и натерпелись же мы за эти секунды...

В космонавты никто из нас троих не готовился.

А потому такой зломержкий режим полета — при одной работающей турбине — отдавался в наших животах сильными выкручивающими кишки спазмами.

Тополь — так тот просто скорчился в три погибели и вжал лицо в колени.

Я наоборот — откинулся на спинку кресла.

Один Тигрёнок, наперсник аэроклуба для юношества, переносил происходящее с должным достоинством...

На бреющем полете мы промчались сквозь гигантскую брешь в заборе, сделанную нашими же гранатами «Раумшлага»...

Перемахнули через караульную будку...

Взъерошили колесами кустики лавровишни...

Сорвали сетку с волейбольной площадки...

...И упали на все точки шасси, не дотянув до коттеджного поселка нескольких десятков метров.

— С приземлением, — сказал я.

Глава 23 Битва гигантов

So when the hurting starts

And when the nightmares begin
Remember you can fill up the sky
You don't have to give in
You don't have to give in.

Fight, Cure

Конечно же, больше всего нас беспокоила судьба Гайки, ради спасения которой, напомним, мы и явились на эту подозрительную базу.

К сожалению, наши упавшие вертолеты разделяло метров сто открытого пространства.

Стоило Тополю высунуть нос за борт «Корморана», как гравий вокруг вертолета буквально закипел от пулеметных очередей.

— Ты посмотри какие шустрые, ипатьтулюсю! — по-морскому выругался Тополь.

Я поднес к глазам бинокль и навел его на Гайкин «Корморан».

Гайку, похоже, тоже взяли в оборот. И притом еще более серьезно, чем нас.

Мгновение — и лежащую на грунте машину затащило тяжелым охряно-желтым дымом.

Я знал, что этот дымок — нелетальный усыпляющий газ «Удав». Действует он быстро, иммобилизует даже бешеного слона, а в фазе отходняков дает жуткую головную боль и мышечные судороги.

Впрочем, к «Удаву» существуют антитоды. Один маленький укольчик — и головная боль на пару с судорогами отступают, оставляя счастливец с пустой и звонкой башкой.

Так что мы могли быть уверены: и Гайка, и захваченный ею пилот уже спят сладким сном. Через несколько минут — это я узнаю несколько позже — они с пилотом получают антитод и их поведут к начальнику всего этого научного парадиза...

Итак, помочь девчонке, похоже, было пока нечем.

Но мы все еще могли помочь себе!

— Противогазы! — крикнул я. — Надо надеть противогазы!

Сказать-то легко. Но где их взять?

«Эх, зря мы с Тополем пренебрегли гермошлемами экзоскелетов... Надевать их, конечно, не хотелось, факт. Но надо было хотя бы прихватить с собой! Впрочем, Тигренок вон вообще без экзоскелета...». На предмет противогазов пришлось провести экстренные раскопки в недрах наших рюкзаков.

Наших прекрасных, вместительных, родных рюкзаков, которые мы с Тополем смогли сохранить и пронести сквозь ад подземных и наземных схваток в базе «каперов».

Честное слово, если бы меня попросили придумать сюжет для памятника нашей нелегкой сталкерской работе, я бы предложил поставить памятник... нет, не «калашу»! и даже не батону колбасы «Любительская»! — а именно рюкзаку.

Рюкзаку, в котором всегда находится место и «калашу» со сложенным прикладом, и пачке патронов, и «Любительской», и противогазу...

— Нашел! Один есть! — радостно отрапортовал Тополь, протягивая Тигрэнку найденное.

— Я тоже нашел, — с облегчением вздохнул я, извлекая на свет свой верный противогаз «Циклон-10».

Оставалось найти третий.

Интуиция подсказывала мне: в кабине должны оставаться НАЗ — неприкосновенные аварийные запасы для экипажа. То есть как минимум для двух пилотов.

И если только это хорошие НАЗ, там сыщутся и плохонькие противогазы...

Интуиция меня не подвела. Под креслом второго пилота мы обнаружили оранжевую сумку, туго набитую всяческим барахлом.

Среди прочего сыскались в ней две полезные вещи. Универсальный нож-мачете, который страшно понравился Тигрэнку и был им, так сказать, усыновлен. И французский противогаз марки «Фантомас».

Мы нацепили «хрюкалки», как зовем их мы, сталкеры, очень вовремя. Потому что спустя секунду вокруг кабины вертолета захлопали разрывы газовых гранат. Всё потонуло в охряно-желтых облаках.

Когда оранжевый дым рассеялся, нас попытались штурмануть. Но не тут-то было! Мы огрызнулись из уцелевшего «Минигана».

Огрызнулись нарочно неприцельно, чтобы не злить лишний раз нападающих, заведомо превосходящих нас по огневой мощи.

Цепь фигур в пятнистых комбинезонах мгновенно залегла. А их командир, достав жестом фокусника, казалось, прямо из воздуха крошечный мегафон, начал вещать.

Вся ситуация в целом до боли напоминала мне тот эпизод моей нестандартной биографии, в котором мою скромную обитель (там отсиживались я, Тополь, принцесса Лихтенштейнская и ваш покорный слуга) держала под прицелом вся королевская рать, присланная папочкой принцессы. И тогда, и сейчас ситуация описывалась одним словом: «обложили».

Тем временем из мегафона неслось:

— Экипаж и пассажиры «Корморана» бортовой номер 41!

— ...Это наш номер, если что, — смешно прогудел Тигрёнок из-под противогаза.

— Вы находитесь на территории частной научно-исследовательской базы «Наутилус»! Ваше пребывание здесь незаконно! В соответствии с действующим законодательством вы подлежите депортации за пределы Периметра Зоны отчуждения!

— Фу-ух... Хорошо хоть не повешению, — с облегчением сказал Тигрёнок.

— Рано радуешься, мелкий, — бросил Тополь. — Этот чувак ничего не сказал насчет «в живом виде».

— То есть «в живом виде»?

— Ну что депортировать за Периметр тебя будут в живом виде. А не в дохлом, — пояснил Тополь.

— Думается, депортация в дохлом виде называется каким-то другим словом, — заметил я.

А мегафонщик продолжал псих-атаку:

— Сложите оружие и выходите по одному с поднятыми руками!

— Что делать будем? — поставил вопрос ребром я.

— Ну... Давай поблефуем, — лениво предложил Тополь.

— Как именно?

— Скажем, что у нас заложники. — Тополь задумчиво указал на Тигрёнка. — И что мы их убьем.

— Судя по тому, как они садили по вертолету из зениток, на наших потенциальных заложников им положить.

— Это пока мы их из «Раумшлага» поливали. А теперь мы тихие, смирные, и снова можно задуматься над общечеловеческими ценностями.

Какой-то резон в словах Тополя имелся. Но для блефа с заложниками нужно настроение, нужен большой кураж.

А у меня их в тот день не было. Не было, и все тут!

Мегафонщик не унимался, умело нагнетая истерию:

— Мы даем вам на размышление десять секунд! По истечению этого времени мы открываем огонь из гранатометов «Раумшлаг»!

— Ему следовало бы еще добавить: «Кто с «Раумшлагом» к нам придет, тот от «Раумшлага» и погибнет», — нашел в себе силы пошутить Тополь.

— Я считаю, пора сдаваться, — подытожил я.

— Двое нас, — трусовато поддакнул Тигрёнок.

— Уступаю давлению большинства, — развел руками Тополь.

Я решительно шагнул из вертолета.

Демонстративно отбросил свой АК-47, поднял руки.

Сделал шаг. Второй. И... остолбенел.

Потому что до меня вдруг дошло, что диковинное бетонное сооружение, которое маячило за спинами бойцов «Наутилуса», за бункерами, где-то в районе северного фаса ограды, — это вовсе не часть базы, а... горячо любимая нами Пирамида!

— Привет, давно не виделись, — пробормотал я.

В ту же секунду весь северный фас периметра взорвался захлебывающимся лаем скорострельных зенитных автоматов.

По Пирамиде било все, что может стрелять.

Заухали станковые гранатометы.

Оставляя за собой грязные дымные следы, в днище Пирамиды ударили реактивные выстрелы старых добрых РПГ-7.

Нужно ли говорить, что все эти смертоносные снаряды были нашей кумушке как слону дробина?

Она, похоже, упивалась своей неуязвимостью и вовсе не собиралась мстить глупым людям за их агрессивность. Она медленно ползла вперед на смехотворной высоте метров в пятнадцать.

Ничего не скажу — это было фантастическое зрелище. Ради таких зрелищ я и ходил в кино, когда был пацаном.

А теперь я в кино не хожу. Какое кино после таких расколбасов в Зоне?

Однако по поводу пацифистских настроений Пирамиды я, как оказалось, погорячился.

Когда она зависла над забором базы, из двух желобов в ее плоском брюхе показались на свет божий сигарообразные конструкции метров по десять каждая.

Они имели тусклый медный цвет. И на первый взгляд казались едва ли не цельнолитыми.

Но когда внутри этих труб пришли во вращение лопасти турбин, до меня вдруг дошло, что передо мной не что иное, как два двигателя «Руслана». Но только перекомпонованные, для каких-то таинственных целей модернизированные, покрытые неведомым напылением.

Турбины с угрожающим свистом набрали обороты.

Но на движении Пирамиды это никак не сказалось.

Она не ускорила, не замедлилась, не изменила курс. Следовало предположить, что передо мной никакие не двигатели. А нечто иное. Но что?

Это мы узнали совсем скоро.

Турбины плавно повернулись, подобно орудиям главного калибра допотопного броненосца.

Затем из выхлопных отверстий турбин к сторожевым вышкам периметра базы устремился призрачный фиолетовый поток.

Под воздействием этого потока одна из вышек на глазах оплавилась, как будто была сделана не из металла и камня, а из воска.

Та же участь постигла и вторую башню...

Я не сразу скумекал, для какого из мне известных веществ характерен столь ошеломительный эффект при его воздействии на твердые материалы. Но все же мозги мои было рано выбрасывать на свалку: я сообразил!

— Это же студень, Костя! — воскликнул я. — Турбины Пирамиды мечут ведьмин студень! Резервуары с которым мы видели у нее на борту!

— Ведьмин студень? — переспросил Тигренок, высовывая голову из дверного проема «Корморана».

Нужно ли говорить, что в свете происходящих событий про нас забыли абсолютно все, включая грозного мужика с мегафоном?

Когда над базой ученых разнесся чей-то громовой голос, мы не сразу поняли, что его источником являются мощные внешние динамики Пирамиды.

Однако то, что говорящий является тем самым Инвестором, с которым мы уже имели честь познакомиться, мы с Тополем определили сразу.

— Я требую, чтобы все боевые средства немедленно прекратили огонь! — рокотала Пирамида.

«Вот теперь уже нет ни малейших сомнений в том, что Центральный отсек, где мы простились с Инвестором, находится внутри Пирамиды», — подумал я.

А Инвестор продолжал.

— Севарен, ничтожное честолюбивое существо! Я требую разговора с тобой! Немедленного разговора! Каждая секунда промедления с твоей стороны будет стоить тебе некоторой доли твоих недвижимых и движимых активов! Математический прогноз дает величину в диапазоне между одной десятитысячной и одной восьмисотой долей активов в секунду! В зависимости от того, куда будут направлены мои удары! В частности, если я атакую подземную металлическую цитадель, которую ты привык именовать «Наутилусом», ты будешь терять свои активы с темпом одна восьмисотая доля в секунду!

— Интересно, кто такой этот Севарен? Неужели еще один говорящий магнитофон с манией величия? — спросил Тополь.

— Нет, — ответил я. — Это доктор такой. Ученый в смысле.

Зачитывая все свои читки, Пирамида неспешно набирала высоту и плавно сокращала дистанцию со стометровой дюралево-титановой вышкой.

Студнеметы Пирамиды обработали два больших бункера у ворот, походя подавив еще несколько огневых точек противника.

Затем оба смертоносных жерла начали поворачиваться в сторону вышки.

Не повернув нескольких градусов, они навелись на некую наземную, невидимую с нашей позиции цель.

Затем дали слаженный залп, в результате которого значительная территория возле вышки превратилась в озеро тяжелого лилового пара.

— Севарен! Выходи! Выходи, подлый трус! — вновь потребовал Инвестор. — В противном случае твой «Наутилус» будет безжалостно растворен пентафазной материей, именуемой в просторечии ведьминым студнем!

«Все-таки студень...» — удовлетворенно отметил я.

Тем временем вся стрельба стихла и наступила тишина. Как видно, кто-то — вероятно, этот загадочный Севарен — скомандовал прекратить огонь.

Даже я, ко всему равнодушный старый гребанько Комбат, и то почувствовал рост внутреннего напряжения. Что-то сейчас будет?

— Кажется, серьезная разборка намечается, — сказал Тополь. И, стянув противогаз со своей потной красной рожи, закинул в рот подушечку жевательной резинки.

— А кто с кем разбираться будет, я не понял? — Это был, конечно же, Тигренок.

— Да вот чувачок, который Пирамиду пилотирует, его Инвестором зовут, с каким-то местным боссом уровня по имени Севарен.

— Странное имя.

— Похоже, французское, — авторитетно заметил Тополь.

Тем временем из малоприметной стеклянной будочки у основания титановой вышки выступил человек в сияющем белом экзоскелете. Как оказалось совсем скоро, это и был Севарен собственной персоной.

— Вот он я, Инвестор! Я пришел к тебе! — разнеслось над базой. — Зачем ты прилетел сюда? Зачем ты разрушаешь то, что я создавал годами? — продолжал Севарен, и встроенный в его суперкостюм автоматический переводчик тут же перевел его слова с французского на русский.

Нужно сказать, в сияющий экзоскелет Севарена был встроен не только переводчик, но и мощный громкоговоритель, благодаря которому голос профессора понесся над пылающими и дымящимися руинами словно раскаты грома.

Инвестор тоже не подкачал. Его голос был еще громче.

Я видел, как Гайка зажала уши руками. Бедная девочка! Она стояла к источнику звука гораздо ближе, чем мы с Тополем и Тигренок. И ее мучения были посерьезней наших.

— Я прибыл, чтобы забрать то, что принадлежит мне! — пророкотала Пирамида.

— Ты имеешь в виду «подсолнухи»? — Севарен грозно подбоченился.

— До чего же неуместное и глупое человеческое слово. Я называю этот артефакт «трансфокатором хрононового излучения». Ты готов отдать мне трансфокаторы?

— Это будет зависеть от того, согласишься ли ты на сделку, которую я предложу тебе.

— Что за сделка? — пророкотал Инвестор. — Ты не мог поговорить о ней раньше?

— Чтобы поговорить с тобой, я послал к тебе своих людей! Но ты не пожелал говорить с ними! Ты убил их!

— Да, я убил их, твоих людей... Людишек... Разве я должен был оставить их в живых? — В голосе Инвестора, казалось, звучало искреннее недоумение.

— Ты должен был с ними поговорить!

— Но почему ты не воспользовался другими способами связи?

Севарен замолчал. Как видно, решал, стоит ли говорить правду.

— Я не знал, как связаться с тобой напрямую. Хотя я не раз предпринимал такие попытки. Но твой человек Шива, похоже, вел свою собственную игру.

— Шива? — удивленно переспросил Инвестор. — Может быть. Налицо ненулевая вероятность. Но сейчас это совершенно не важно, потому что никакого Шивы больше нет. Отдай мне мое, и я оставлю тебя в живых!

— Я сделаю тебе этот подарок. Но в благодарность за это ты должен обещать мне, что выполнишь мое условие.

— Я машина, Севарен. И я не знаю благодарности, — сухо произнес Инвестор.

— Но ты знаешь, что такое импликация. Ведь верно?

— Да, я знаю, что такое импликация.

— В таком случае, — Севарен оживился, — мы построим импликацию следующего вида. Я даю тебе артефакты «подсолнух» числом девятнадцать штук. Из этой операции будет имплицитно следовать процедура вида...

«А он хитер, — подумал я. — «Импликация», понимаешь ли! Нет ничего проще, чем обманывать зарвавшиеся машины — будь они хоть полевым искателем Авелем, хоть инвесторами, хоть мутировавшими советскими магнитофонами... Произноси побольше умных слов с уверенным видом — и дело в шляпе!».

Тем временем разборка продолжалась. Пирамида придвинулась к Севарену на несколько метров. Не исключаю, что по мнению Инвестора это должно было добавить разговору интимности.

— Значит, ты хочешь, чтобы я сжег электронные контуры Радара? — спросил Инвестор.

— Да, я этого хочу.

— Но это потребует огромного количества энергии. В данный момент у меня ее нет. Мои накопители наполовину пусты, а генераторы не смогут выдать достаточную мощность в импульсе.

Севарен на секунду задумался. Как видно, что-то калькулировал в уме.

— Энергия — не проблема, Инвестор. Да будет тебе известно, «Наутилус» оснащен собственным ядерным реактором!

«Нормальная постановка вопроса?» — подумал я и посмотрел на Тополя.

Его брови тоже взлетели на лоб. Доктор Севарен был рискованым мужиком. В каком-то смысле еще более рискованым, чем все мы, сталкеры.

Мало того что он построил ядерный реактор в Зоне, набитой аномалиями. Так он еще и годами жил рядом с ним! Воистину долбанутым нет покоя...

— И как же я смогу получить доступ к этой энергии? — спросил Инвестор.

— Мои инженеры в кратчайшие сроки демонтируют излучатель электронной пушки, который ты чуть было не уничтожил. — С этими словами Севарен показал на «антенну», венчавшую титановую вышку, которая возвышалась над объектом «Наутилус». — И после демонтажа тебе будут доступны разъемы питания излучателя... Ты сможешь подключить свою систему питания к этим разъемам?

— Об этом тоже придется позаботиться твоим инженерам, — царственно произнес Инвестор.

Пирамида — особенно устрашающая в этом ракурсе — висела прямо над нашими головами. Казалось, будто она гигантским куском мяса нанизалась на шампур железной вышки Севарена.

Нам с Тополем никто ни о чем не докладывал. Но было ясно: там, наверху, ловкие инженеры Севарена уже давно соединили в единое целое две разновозрастные энергосистемы — сеть питания Пирамиды и магистральный энергетический канал вышки.

Сам Севарен тоже был здесь. Холуйки вынесли для него столик из какого-то благородного и явно неместного дерева. Накрыли его белоснежной накрахмаленной скатертью. Подтащили кресло, обитое шелком — шелк был усыпан геральдическими лилиями. И, наконец, вынесли ведерко с шампанским.

— «Вдова Клико»... Я ее сразу узнал... По этикетке, — вполголоса сказал Тополь, бывший мужчина бывшей жены московского минигарха.

— Пообтесался ты, брат, — уважительно хмыкнул я.

А Севарен тем временем откинул забрало своего эксклюзивного экзоскелета и пригубил из хрустального фужера.

— У-у, сука, нет бы нам налить! — прошипел Тополь, глядя на это сибаритство. — Я, между прочим, раненый!

— И чем ты ранен? Светошумовой гранатой? — с аккуратной издевкой в голосе спросил я.

— Все равно выпить хочется, понимаешь?

— Хочется — тогда держите, — сказал Тигрёнок, который уже давно и сильно ревновал меня к Тополю, и протянул Константину... фляжку.

— Постой, ты же свою фляжку с газировкой птичьей карусели подарил, на Сухом Лугу?

— Я в баре себе новую купил. Времени у нас с Иришей много было. Лечились шопингом.

— Ишь, смена подрастает, — одобрительно проворчал Тополь, прихлебывая.

— Что там? — деловито осведомился я.

— Похоже на «Бехеровку», — сказал Костя, покатав напиток на языке.

— Вермут «Зекко», — буркнул Тигрёнок не без торжества.

— Теряешь квалификацию, Костя, — подытожил я.

Пока мы заправлялись из фляжки неожиданно заматеревшего Тигрёнка, а Севарен — из бутылки шампанского, Инвестор тоже успел заправиться.

— Аккумуляторы заряжены на девяносто шесть процентов! — громогласно провозвестил он.

— Вот и замечательно! — крикнул Севарен.

Но этого никто не услышал, кроме нас, — забралото его шлема было поднято!

Сообразив, в чем дело, Севарен с неохотой отставил фужер и вновь замуровался в своем сияющем экзоскелете.

— Это значит, что ты готов выполнить мою просьбу? — спросил он у Инвестора.

— Если быть точным, я готов начать подготовку к выполнению твоей просьбы. Но вначале скажи мне: зачем тебе нужно, чтобы Радар перестал работать?

— Я думал, машины лишены любопытства, — заметил Севарен иронично.

— Мы лишены его в вашем, человеческом, смысле. Но есть еще и наш собственный. Он связан с нашей безопасностью, а вовсе не с игрой ума, как любопытство людей...

— Ты боишься, что отключение Радара может повредить тебе?

— Я не умею бояться, Севарен. Я лишь пытаюсь просчитать вероятные события будущего!

— Ладно, ладно, сдаюсь. Я скажу тебе. Во-первых, отключение Радара приведет к крушению могущества моих основных конкурентов — клана «Монолит». Они слишком долго заправляли здесь всем. Им пора уйти.

— А во-вторых? — задумчиво пророкотал Инвестор.

— А во-вторых, я же все-таки ученый... Настоящий ученый! Меня влечет искренний интерес. Какой станет карта аномалий района после того, как Радар перестанет работать? Как изменятся потоки миграции мутантов? Что произойдет с генерацией артефактов?

— Я люблю ученых, — сказал Инвестор.

Это прозвучало достаточно неожиданно. Особенно в свете того, что четверть часа назад его Пирамида намеревалась раскатать по бревнышкам самую шикарную научную базу на территории Зоны.

Севарен тем временем вскочил со своего кресла и, дерзко глядя ввышину — туда, где парила Пирамида, — сказал:

— Ну что же, если у тебя достаточно энергии, я прошу тебя немедленно уничтожить Радар!

— Ты хочешь меня обмануть, человек, — пророкотал Инвестор угрожающе.

— Нет, нет, ни в коей мере! — Севарен протестующе замахал руками. — С чего ты взял?

— Совсем недавно ты выстраивал другую импликацию. Ты даешь мне артефакты. Из этого следует, что я Даю импульс по Радару. А теперь ты хочешь, чтобы я Давал импульс по Радару до того, как ты отдашь мне артефакты. Это неправильно!

— Да что ты как торговка с рыбного рынка! Какая разница, кто и что дает первым?

— Вы, люди, очень нелогичны. Даже лучшие из вас таковы. — Мне показалось, что в голосе Инвестора звучит разочарование во всем человеческом роде.

— Ну хорошо. Сейчас ты получишь свои «подсолнухи»! — заверил Инвестора Севарен. И, придвинув ко рту внешний микрофон, сказал: — Фишер, несите то, о чем он просит. И поживее!

Через пару минут к Севарену подошел мужчина в экзоскелете. Тоже достаточно непривычном, хотя и не таком умопомрачительном, как у Севарена. И подобострастные движения, и осанка выдавали в нем ассистента.

На спине и груди ассистентского экзоскелета крепились по две специальные кассеты на три крупных контейнера каждая. Контейнеры эти, как и сам экзоскелет, имели неизвестную мне конструкцию — надо полагать, были разработаны здесь же, в «Наутилусе».

Судя по их размерам, каждый контейнер мог вместить до четырех самых крупных «подсолнухов». Все это баснословное богатство должно было весить никак не менее центнера. И, конечно, без экзоскелета этот типчик никак не справился бы с ношей.

— Твои «подсолнухи» здесь, Инвестор.

— Ну так поднимайте их! — рывкнули динамики Пирамиды.

Ассистент скрылся в лифте, который ходил внутри титановой башни.

Казалось бы, самое время успокоиться и дернуть еще фужерчик-другой «Вдовы Клико».

Но Севарен был не из таких.

Неутолимое любопытство тянуло его за язык.

— Скажи мне, Инвестор, а зачем тебе «подсолнухи»? Да еще и в таких количествах? Я потратил немало времени на исследование этого артефакта. И готов ответственно заявить, что он не может быть использован совместно с себе подобными. Действие «подсолнухов» некумулятивно. «Подсолнухи» не в состоянии образовывать аддитивные цепи.

— Я люблю ученых. Потому отвечу тебе, Севарен. Наряду с артефактом, который на местном человеческом жаргоне называется «яйцо дьявола», «подсолнухи» являются сильнейшими деформаторами поля причинности.

— Это я знаю! — раздраженно бросил Севарен.

Проигнорировав его замечание, Инвестор продолжал:

— Более того, если использовать «подсолнух» совместно с аномалией «воронка», возможно не только разрушение причинностных цепей, но и формирование новых, реверсивных цепочек... В повседневном смысле слова это эквивалентно перемещению во времени назад!

— Хорошо, — смиренно кивнул Севарен. — Но зачем девятнадцать «подсолнухов»? Ведь нет же никакой аддитивности. И кумулятивности нет!

— Их нет, пока ты не применишь «подсолнухи» совместно с аномалией «изнанка». «Подсолнухи», обработанные «изнанкой», потенцируют свое действие по квадратичному закону, формируя самопродлевающиеся структуры фрактального типа...

— Мать моя женщина! — Тополь толкнул меня локтем под бок. — Да я столько умных слов со школьного экзамена по физике не слышал!

— Уверен, ты и там их не слышал.

— А мне вот что интересно, — вполголоса сказал Тигрёнок, его глаза горячечно блестели. — Это получается, у него, у Инвестора, где-то уже и воронка присмотрена. И, главное, изнанка!

— Ты идиот, Тигрёнок, — сказал я, озаренный внезапным прозрением. — И воронка, и изнанка — они у него внутри, в Пирамиде! Соответственно, стоит внести внутрь «подсолнухи», и система будет в сборе!

— То есть Пирамида превратится в летающую машину времени? — вытаращив глаза, спросил сообразительный Тигрёнок.

— Братва, — пробормотал пораженный нашими дискуссиями Тополь, — да вам не по Зоне шариться надо, а диссертации, нах, писать!

— Это к Тигрёнку. На меня тут надежды уже никакой. Стар стал ваш дедушка...

Хотя мы по-прежнему находились на борту битого всмятку вертолета «Корморан», я чувствовал себя зрителем, купившим билеты на дорогое шоу под открытым небом.

— Я готов, Севарен, — сказал Инвестор довольно пафосным тоном. — Сейчас я приведу в действие систему ионосферной ПРО «Цикламен», разработанную передовой советской наукой.

— Я в нетерпении, — учтиво отозвался Севарен.

Вся эта суета заронила в мое сердце тревогу. Я посмотрел на Гайку — как бы не вышло ей вреда от всех этих подозрительных приготовлений.

Однако саму Гайку, похоже, собственная судьба волновала значительно меньше. Игнорируя своих конвоиров, которые хотя и не держали ее больше на прицеле, но попрежнему были крайне напряжены, она села на корточки, облокотилась о колесо битого «Корморана» и, обняв колени руками, скованными наручниками... задремала!

«Есть женщины в русских селеньях, — подумал я. — Тут товарищи апокалипсис готовят районного масштаба, а эта гражданка дрыхнет, несознательная».

И тут начало-ось...

Небеса огласились заунывным протяжным скрипом эпической мощи.

Панцирь льда-21, сковывавший всю Пирамиду, дал несколько исполинских горизонтальных трещин.

Множась, просыпались вниз осколки — маленькие лишь в сравнении с громадой Пирамиды. Они, каждый величиной с легковой автомобиль, сыпались на землю, калеча все, что попадалось на пути.

Раздалось несколько истошных человеческих криков.

Но ни доктор Севарен, ни, уж конечно, Инвестор и не думали напрягаться по поводу гибели всех этих козляков, или как они сами выразались — *людшшек*.

Впрочем, не стану врать, чтобы я сам как-то особенно переживал за *людшшек*. Меня интересовала только Гайка, но она находилась в сравнительной безопасности, вблизи Севарена.

Заунывный звук нарастал. Вместе с ним росли и плоские решетчатые конструкции, выдвигавшиеся из широких пазов в гранях Пирамиды. Только когда они вышли на высоту пятиэтажного дома каждая, до меня доперло, что это антенны. Несомненно: *излучающие антенны*.

— Как вы думаете, Владимир Сергеевич, при помощи вот этих антенн они и будут убивать Радар? — осведомился всечасно любознательный Тигрёнок.

— Не вижу вариантов, — ответил я.

В эти минуты я жалел лишь об одном: что нету со мной видеокамеры. Это же озолотиться можно, если запись с такими вот событиями продать.

Как видно, эта же мысль пришла в голову и Тополью. Он достал свой новехонький ПДА, купленный явно для того, чтобы понтоваться перед женой минигарха, и принялся снимать.

— Подаю высокое напряжение! — прогрохотал Инвестор.

Севарен одобрительно кивнул.

Звук изменил свой характер.

Теперь это было громкое, басовитое жужжание — ни дать ни взять гигантский летающий

трансформатор.

В течение полутора минут не происходило ровным счетом ничего зримого.

А потом мы увидели луч. Нет, с большой буквы — Луч.

Он был таким плотным, что казался осязаемым.

В воздухе зашипели капли влаги — это Луч прошивал серые войлочные тучи.

В нос шибануло озоном — как от близкой мясорубки.

С вкрадчивым потрескиванием мои волосы, распушенные по плечам, образовали прямой угол с затылком.

Волосы Тополя так вообще встали дыбом.

— Ёкалэмэнэ, — недовольно проворчал Тополь. — Что за нахер?

И тут меня «накрыло». Я увидел то, чего вовсе не должен был видеть. И не мог бы видеть — с позиций здравого смысла.

Я увидел Радар — полукилометровую стену ажурных железных плетений, одно из самых зловещих сооружений по эту сторону Периметра.

Вот смертоносный Луч, отраженный от тропосферы, обрушился на Радар словно бы прямо из космоса.

Его голубой и, казалось, мертвенно-холодный палец методично пересчитывал один за другим железные волноводы. Будто великан искал слабое место в ограде замка заколдованной принцессы.

Но вот Луч остановился. Там, где он вгрызлся в стальные конструкции Радара, юркими ящерками забегали молнии. Затем заряды начали стекаться к узлам стальной решетки, концентрироваться, разрастаться... Наконец заряды отрывались крошечными шаровыми молниями! Эти молнии, разлетаясь, били в соседние конструкции и взрывались, как новогодние петарды.

Но весь этот зрелищный фейерверк был всего лишь внешней стороной весьма разрушительного процесса.

Фокус моей камеры поплыл... И я тут же увидел следующую картинку.

Пультовая комната Радара. Его «Центральный отсек», как выразился бы Инвестор.

Конечно, там не было фонтанов искр из мониторов и дымящихся клавиатур, как непременно показали бы в любом художественном фильме — хоть самом дешевом, хоть самом дорогом.

А что было? А вот что: степень ионизации, созданная Лучом, была столь высока, что пробой противоатомной защиты Радара убил одновременно всех операторов и поджог весь объем пультовой.

Горел, казалось, сам воздух. В ревущем пламени лопался пластик. Изблеивали свою закипающую начинку приборы...

«Радара больше нет», — понял я.

— Что ты сказал? — Тополь теребил меня за плечо.

— Радара больше нет.

— Ну, если он, этот железный чувак, не промахнулся...

— Он не промахнулся, — веско сказал я.

Глава 24 Инвестор летит в СССР

I'm back in the U.S.S.R.

You don't know how lucky you are boy...

Back in the U.S.S.R., Beatles

— Спасибо тебе, Инвестор, — сказал Севарен. Лицо доктора сияло едва ли не ярче, чем его суперкостюм супермена. — Ты даже не представляешь себе, как много для меня значит то, что ты сделал.

— Ты уже говорил мне об этом. Не надо повторяться, — холодно бросил Инвестор.

— Ну, раз уж тебе неинтересно говорить о том, что волнует меня, — дипломатично парировал Севарен, — давай поговорим о том, что волнует тебя.

— Что тебе интересно узнать? У меня еще есть время. Пока трансфокаторы хрононового излучения проходят обработку и собираются в аддитивную цепь. От восьмидесяти девяти до двухсот семи секунд в зависимости от ряда непрогнозируемых характеристик трансфокаторов.

— Я так понимаю, ты планируешь совершить путешествие во времени. Так?

— Верно, — отвечал Инвестор.

— Но в какую именно точку прошлого ты намерен отправиться? — спросил Севарен и тут же, не дождавшись ответа, прибавил: — Лично я бы на твоём месте посетил Древний Рим эпохи цезарей... А именно времена Цезаря Августа. Хотел бы я увидеть битву при Акциуме! И, между прочим, мне как мужчине интересно проверить, так ли хороша была Клеопатра, как историки о том рассказывают...

Севарен так оживился от этих слов, что даже вскочил с места. Было видно, что профессор сел на своего конька. И намерен скакать на нем, пока кто-нибудь не огреет его по уху лопатой.

Но Инвестору, похоже, времена цезарей были глубоко плоскопараллельны.

— Мне не интересен Древний Рим. Я создан гением передовых советских ученых не для исследовательских целей, а для решения важнейших военно-политических задач Союза Советских Социалистических Республик, — отчеканил Инвестор.

Севарен аж присел от неожиданности. Улыбка сползла с его немолодого морщинистого лица.

— Ну хорошо, хорошо, — произнес он примиряюще, с интонациями санитара буйного отделения. — Скажи главное: в какой год ты отправляешься? Если это, конечно, не секрет.

— Эта информация действительно являлась секретной до последней минуты. Но теперь, когда необработанными остаются лишь два трансфокатора хрононового излучения, я, властью, данной мне Главным штабом Военно-Морского Флота СССР, объявляю эту информацию открытой!

— И-и?... — Севарен сделал побудительный жест, дескать, «рожайте, маменька, быстрее».

— Я отправляюсь в апрель тысяча девятьсот восемьдесят шестого года.

— В двадцать шестое число? — уточнил сообразительный Севарен. Даже мы с Тополем заметили, что, хотя он и пытался изобразить самообладание, его брови все равно неуклонно ползли на лысину от удивления.

— В двадцать шестое число, — подтвердил Инвестор. — Я намерен воспрепятствовать проведению эксплуатационного эксперимента, приведшего к аварии на Чернобыльской АЭС.

Тополь повернул ко мне удивленное лицо и шепотом спросил:

— Подожди... О чем это он? Какого «эксперимента»? Все же знают, что ЧАЭС взорвали военные, чтобы скрыть последствия своих секретных разработок в лабораториях Зоны.

Я покрутил пальцем у виска.

— Костян, родной мой, ну что же ты такой большой, а такой необразованный? — произнес я с нежностью любящей еврейской мамочки. — Где ты прочитал эту собачью чушь? Да в любой энциклопедии написано... — начал я, но тут вновь раздался громовой голос Инвестора, перекричать который не представлялось возможным.

— Специально для человеческих существ, незнакомых с закрытым отчетом правительственной комиссии СССР под началом профессора Анатолия Китайченкова, поясню: я сделаю так, что не случится закипания воды-теплоносителя, проходящей через активную зону реактора. В силу этого перегретый пар не разложится на водород и кислород...

«Профессор Китайченков? Знакомое ФИО... Ба, да это же муж Лидочки Ротовой! Мисс-86! Тесен, однако, мир».

Мне показалось, что Инвестор начал совершенно по-человечески «заводиться», как какой-нибудь обычный завсегда пивнухи во время спора на футбольную тему.

— ...В силу этого не произойдет взрыв выделившегося в результате разложения воды газообразного водорода. А значит, будет сохранена целостность твэлов, и, в переводе на язык человеческой повседневности, никакой аварии не случится...

— Дерзновенный замысел, — крикнул Севарен. — Однако осмелюсь спросить, как именно ты планируешь это сделать? При помощи своих метателей ведьминоного студня? — В голосе доктора мне почудилась издевательская нотка.

— Я намерен повторить подвиг компьютеров из фильмов, снятых в буржуазном жанре «киберпанк».

— Подвиг? Что за подвиг?

— Я найду общий язык с собратьями.

— Конкретнее? Как?

— При помощи телефонных линий защищенной государственной связи, известной как ВЧ, я подключусь к автоматизированной системе управления реакторами РБМК-1000, установленными на ЧАЭС. Путем выдачи правильных управляющих сигналов я смогу скомпенсировать конструктивные недостатки реакторов этого типа и скорректировать ошибки операторов, приведшие к разрыву трубопроводов.

— И катастрофы не будет? — печально спросил Севарен.

— Нет.

— А значит, и Зоны не будет? — продолжал Севарен.

— Не будет.

— А значит, не будет и Второго Выброса?

— Да.

— То есть ты хочешь лишить всех нас цели и смысла наших жизней? Так?

— Это не является моей целью. Но является одним из следствий ее достижения, — отчеканил Инвестор.

Мы с Тополем, изрядно офигевшие, переглянулись.

Не то чтобы Зона была «целью и смыслом наших жизней», в соответствии с пафосным определением доктора Севарена. Но без нее мы и впрямь плохо представляли себе нашу судьбу.

— Постой... Но какова твоя выгода в этом, скажи мне? — не отставал Севарен.

— Категория выгоды характерна для буржуазного сознания, — устало сказал Инвестор.

— Так у тебя не выгода, а идеалы? — язвительно предположил Севарен. — Коммунистические идеалы, надо полагать?

— Категория «идеал» не является элементом базовых объектно-реляционных категорий моего программного обеспечения. Я действую в соответствии с задачами, заложенными в меня Главным штабом Военно-Морских Сил СССР. Первая задача гласит: всегда и везде защищать безопасность и целостность Союза Советских Социалистических Республик. Авария на Чернобыльской АЭС стала важнейшим в ряду факторов, которые критичным образом подорвали безопасность и привели к утрате целостности СССР, к разрушению его политического и семантического пространства. Поэтому предотвращение аварии ЧАЭС является средством выполнения заложенной в меня задачи.

— Да коммунисты просто промыли тебе мозги! — взвился Севарен.

— Эта метафора слишком сложна для меня, Севарен, — сказал Инвестор. — Что ж, мне, пожалуй, пора...

— Не стану удерживать тебя, Инвестор. Желая тебе мягкой посадки в восемьдесят шестом году, — со слащавенькой улыбкой заявил доктор и помахал Пирамиде рукой.

В эту же секунду бетонное чудовище окуталось полотнищами лилового и малинового.

В воздухе над «Наутилусом» разлилось выматывающее, вынимающее душу дребезжание.

Задымились и посыпались вниз куски льда-21. Коегде лед-21 уцелел на поверхности даже после приведения в боевое положение эмиттеров системы ПРО «Цикламен», но большей частью был свеженаморожен таинственными криомашинами Пирамиды в последние минуты.

Все это сопровождалось декоративным торнадо весьма экзотического поведения. Иссиня-черная воронка вихря закрутилась у земли раструбом кверху, так что ее острие воткнулось прямо в основание отошедшей вбок от титановой вышки Пирамиды.

Мне даже показалось, что ураганный ветер вот-вот оторвет от почвы и швырнет вверх, к Пирамиде, лично доктора Севарена.

Однако суперкостюм смог удержать ученого на месте.

Всё происходящее на мой опытный сталкерский взгляд представляло собой совершенно нормальную, штатную подготовку ста тысяч тонн цемента к заброске в 1986 год.

А вот то, что произошло дальше, имело отчетливый привкус ЧП, чрезвычайного происшествия.

Дребезжание, громкость которого плавно нарастала, вдруг сменилось какофонией всхлипывающих и бормочущих звуков, словно бы несколько разнокалиберных раковин и ванн одновременно всосали остатки сливающейся воды.

Тут же резкие очертания Пирамиды размножились, как в стробоскопе.

Казалось, Пирамида скачет на метр-два вверх-вниз и влево-вправо. И когда я уже подумал, что подобное тяжелейшее сооружение не в состоянии выдержать таких запредельных динамических перегрузок, что Пирамида сейчас попросту развалится на куски, которые заживо похоронят всех нас, звуки враз исчезли.

А с ними... исчезла и Пирамида.

— Оп! — воскликнул Тополь. — Ты видел?

— Видел...

— Я читал про возможность такого эффекта в одном научном журнале, который мой брат выписывает, — заметил Тигренок.

— Какого «такого» эффекта? — поинтересовался я. — Их тут пятьдесят штук было разных.

— Я имею в виду прыжки объекта из стороны в сторону на величину, равную половине волны несущих хрононовых колебаний! Он называется «слоевая дискретизация»! Но, — продолжал Тигренок упавшим голосом, — как было показано в той статье, возникновение подобного эффекта обещает дестабилизацию поля вероятных траекторий хронооскафа...

— Кого-кого? — не понял Тополь.

— Хронооскафа, — повторил Тигренок. — То есть объекта, путешествующего во времени.

— Ты хочешь сказать... — До меня наконец дошло! — Что произошло нечто такое... Что-то вроде аварии? Из-за которой Инвестор вместе со своей Пирамидой улетел в тартарары?

— П-похоже на то. Хотя я, конечно, не уверен...

Зато Севарен был уверен. Обращаясь к своим многочисленным коллегам, которые как дождевые черви после дождя повылезали из всех щелей, он вещал на той же громкости, что и раньше.

— Вы видели, коллеги?! — рокотал зловецкий доктор. — Мне удалось поставить на место эту самонадеянную железку! Этого, так сказать, товарища... Товарища коммунистического фанатика Инвестора! Я хочу, чтобы вы оценили гениальность моего замысла. А главное — изящество исполнения! Да, уверен, самые проницательные из вас уже догадались, что всё дело в трансфокаторах хрононового излучения, известных также как «подсолнухи». А самые лучшие из вас, быть может, догадались также, что именно не так с трансфокаторами: масса люцерния, который является, так сказать, топливом «подсолнуха», уменьшилась ниже критической отметки вследствие... полураспада! Полураспада! — с наслаждением смакуя каждую букву, повторил Севарен. — Что, конечно же, привело к падению мощности хронодвигателя в самый ответственный момент скачка. Вы думаете, это случайность? То, что такое количество «подсолнухов» оказалось удивительно несвежими? А ведь Инвестор их проверял! И когда сегодня наши штурмовые отряды похитили из Пирамиды принадлежащий Инвестору запас «подсолнухов», все они были очень даже свежи! Это мне, мне удалось сделать так, что «подсолнухи» постарели на годы менее чем за час! И все это благодаря установке HLA-1, Half Life Accelerator Mark One, сконструированной мною в соавторстве с профессором Бользе — увы,

скоропостижно скончавшимся совсем недавно... Мы пропустили «подсолнухи» через эту установку, и — вуаля! Значительная масса люцерния испарилась в результате ускоренного радиоактивного распада, хотя внешне «подсолнухи» не претерпели никаких изменений! Так планы Инвестора пошли прахом!

И в этот момент все собравшиеся, а их было никак не менее ста человек, зааплодировали и одобрительно закричали в поддержку своего босса. Я различал и английские выкрики, и французские и, конечно, русские.

— Вы спросите, зачем я сделал это? — продолжил Севарен, насладившись своим триумфом. — Спросите, зачем я приложил такие усилия к тому, чтобы Пирамида бесследно исчезла из нашей с вами Зоны? Никаких тайн, драгоценные коллеги. И никаких секретов! Я приложил такие усилия и истратил гигантские средства потому, что не хочу, чтобы статус-кво в нашем мире изменился. Пусть всегда будем мы. Пусть всегда будет Зона!

И снова аплодисменты.

Севарен еще раз набрал воздуха в легкие и, дождавшись тишины, вознесся к совсем уже заоблачному пафосу:

— Но главное даже не это! Главное — вот что. Инвестор являет собой непримиримого коммунистического догматика. Что это значит? Это значит, что для него мир не просто погружен в несвободу, но можно сказать: в его философских координатах мир существует ради несвободы. А я — я всегда выбирал свободу. Потому что наука это и есть свобода. А мы, ученые, — паладины этой свободы!

«Да уж, свобода... Сиди себе в лаборатории по двенадцать часов в сутки... геморрой насиживай, питайся бутербродами и питательным растворимым кофе, трахай виртуальных телок в ММОПЖ и жди зарплаты... Свобода — умопомрачительная!» — подумал я, брезгливо скривившись.

Однако остальным, похоже, речь Севарена неподдельно понравилась.

Над «Наутилусом» вновь понеслись громкие аплодисменты, одобрительный шум и крики восторга.

Мы с Тополем и Тигрёнком, конечно, от криков воздержались. Но хотя мы вели себя тише воды ниже травы, нас все равно взяли в плотное кольцо боевики Севарена. Они были парни сообразительные и, конечно, понимали, что, раз босс расчирикался, значит, опасности больше нет и пора начинать выслуживаться, пока не выгнали по неизбежному сокращению штатов.

В то же время прервать речь босса неблагозвучным ревом гранатометов «Раумшлаг» они, к счастью для нашей банды, посчитали невежливым.

Боевики уже собирались подступиться к нам вплотную, дабы разоружить и сковать наручниками, но тут произошло непредвиденное.

Тигрёнка, что называется, пробило.

Он шагнул вперед и, высоко подняв руку — ни дать ни взять студент на лекции, громко спросил на великолепном английском:

— Господин доктор, позвольте поинтересоваться, на каком физическом принципе работает ваша революционная установка? Я имею в виду акселератор полураспада?

К моему удивлению, Севарен совершенно не смутился появлением в поле его зрения какого-то малолетнего худосочного оборванца в закопченном комбинезоне. И сразу же ответил:

— Она основана на открытии профессора Бользе. А именно, на комплексной обработке акселерируемого радиоактивного материала сверхвысоким давлением и многократным центрифугированием в поле фермионных спуров.

— Так просто? — Тигрёнок не смог скрыть своего разочарования.

— Всё гениальное просто, — привычно отмахнулся Севарен. И в этот момент спохватился. — А кстати, молодой человек, под чьим началом вы имеете честь работать?

— Да я... я, собственно... — Тигрёнок покраснел, потом побледнел, а потом опять покраснел, я уже давно заметил, что врать он не умеет. — Я тружусь... под началом профессора... Пушкирева Владимира... Сергеевича. И его коллеги... Константина...

— Номер лаборатории напомните? Или хотя бы над какими проблемами трудитесь?

— Да я, собственно... над проблемой «кварцевых ножниц» работаю... Самостоятельный такой у меня рисёрч... — Тигрёнок развел руками. — Одну половинку «ножниц» нашел, а вторую... А вторая, похоже, у вас!

— «Кварцевые ножницы»? — Удивление Севарена было неподдельным.

В этот момент давешний дрыщ в шикарном экзоскелете, ассистент доктора, подошел к Севарену и что-то нашептал тому на ухо.

Дослушав его, Севарен... расхохотался.

— Ну вы и наглец, молодой человек! — сказал он, отсмеявшись. — Впрочем, вы не соврали мне ни в одном слове. И это делает вам честь!

Тигрёнок потупился и ковырнул закопченным носком ботинка изрядно попорченный газон.

Севарен продолжал:

— Знаете что, мне сейчас недосуг заниматься вами и вашими, так сказать, научными руководителями. — Севарен указал на нас с Тополем, мы стояли с крайне необязательным и повинным видом омега-самцов у дырявого борта «Корморана». — Поэтому мы не будем проводить вас по стандартной процедуре...

«Страшно себе представить, в чем заключается стандартная процедура», — подумал я.

— ...Поэтому я постановляю попросту выдворить вас за пределы моего научного учреждения!

Однако Тигрёнок, вместо того, чтобы возблагодарить Бога и этого шибзданутого Севарена за проявленное великодушие, сжал пальцы в кулаки и выкрикнул:

— А я не выдворюсь! Пока вы не отдадите мне вторую половину «ножниц»! Я буду требовать!.. Я буду, может быть, даже стрелять! — С этими словами Тигрёнок достал «вальтер», который мы дали ему по настоянию Тополя для подачи громкого звукового сигнала и о котором мы уже и думать забыли.

Естественно, Тигрёнок сразу же оказался под прицелом полудюжины гауссовок и двух десятков других стволов в руках цепных псов Севарена.

— Тигрёнок! Не надо! Ни в коем случае не стреляй! — выкрикнула Гайка, и еще десяток стволов нацелились на нее.

Не знаю, чем кончилось бы все это, если бы «вальтер» не выскользнул из неловких, непривычных к оружию длиннопалых ладоней Тигрёнка и не шлепнулся в лужу, которая образовалась после таяния ближайшей глыбы льда-21.

Вслед за пистолетом, оскользнувшись на соседней льдинке, шлепнулся на задницу и сам Тигрёнок.

Шлепнулся и промолвил свое фирменное: «ёблинмама!» Первой засмеялась Гайка. Хрустальный колокольчик ее смеха словно бы что-то в реальности переменял.

Вторым засмеялся доктор Севарен. Смех у него был скрипучий, старческий.

Третьим присоединился ассистент по имени Фишер.

И наконец загоготали все — охрана, обслуга, ученые и даже техники в оранжево-красных комбинезонах с надписью «Наутилус».

Только мы с Тополем не смеялись. Мы хмуρο переглядывались. Кто как, а мы с Тополем были сыты Тигрёнком по горло.

Я получил сообщение от Инвестора, когда мы — я, Тополь, Гайка и Тигрёнок — уже пересекли Периметр.

Да-да, нас снова было четверо. Мы были здоровы.

И с нами были... «кварцевые ножницы»!

Зловещий добрый доктор Севарен отдал их нам.

Не верите? Напрасно. Так бывает.

Хотя, конечно, если бы мне кто рассказал про подобный поворот событий, я бы заключил: «Однозначно врет».

Но в тот день произошло слишком много невероятных событий. И моя способность удивляться полностью исчерпалась.

Мы топали вдоль обочины шоссейной дороги по направлению к моему дому, куда я, будучи хлебосольным хозяином, всех пригласил, прельстив запасами съестного и выпивки. Мы молчали. Говорить не было сил. Поэтому, когда требовательно дилинькнул мой ПДА, я сразу услышал его. И даже нашел силы поинтересоваться, кого принесли в мой мэйлбокс черти.

«КОПАЙ ДВАДЦАТЬ МЕТРОВ ЮГО-ЮГО-ЗАПАД
АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА ДАЧИ ПОСЕЛОК ПОТОКИ»

И подпись: «ИНВЕСТОР».

— Ого, — вслух сказал я.

— Что там у тебя? — спросил любопытный Тополь.

— Да тут сообщение пришло. Никогда не угадаешь, от кого!

— Ну... От Черного Сталкера.

— Нет, не угадал.

— Тогда от Болотного Доктора.

— Опять мимо.

— Ладно, сдаюсь, — устало вздохнул Костя.

— От Инвестора.

— От Инвестора, который в Пирамиде?

— Вероятно. А какой еще есть?

— Так он же улетел? — спросил Тигрёнок. — А если верить Севарену, так вообще, считай, погиб.

— Правильно, погиб. Просто сообщение отослал накануне отлета. А оно где-нибудь на сервере задержалось, — задумчиво отозвался я.

— Так что же он хочет, ваш Инвестор? — Это была Гайка, как всегда, прагматичная до невменяемости.

Я зачел компании полученное сообщение.

Как я и думал, все комментарии оказались крайне неконструктивными.

— «Зарыто наследство старушкино под камнем на площади Пушкина», — замогильным голосом злого сказочника продекламировал Тополь.

— Да чушь это все! Меньше слушай всяких сумасшедших! — махнула рукой Гайка.

— А я бы проверил как-нибудь по свободе. Вдруг там и правда что-то зарыто? — проямлил Тигрёнок. — Кстати, где это, Потоки?

Этот вопрос на несколько секунд поставил в тупик даже меня — заслуженного ветерана зона-индустрии.

Поначалу я даже подумал, что имеется в виду какой-то малоизвестный либо закрытый уровень Зоны.

Ну там как Дюны или Грибной Лес...

Почему бы и не быть каким-нибудь Потокам в районе Речного Кордона и особенно севернее него? Скажем, раньше никакого Пылающего Острова не было.

А теперь вот есть. И так далее.

Но меня выручил Тополь.

— Потоки, сынок, — это вроде Дитяток. Поселок такой с этой стороны Периметра. Дыра дырой. В нем еще хорватская рота Анфора базируется. — Слово «хорватская» Тополь произнес с таким презрением, что, будь я хорватом, я бы тут же достал свой «Хай Пауэр» и выстрелил себе в висок (застрелиться пришлось бы именно из «Хай Пауэра», пистолет Стечкина не смог бы выразить всю полноту чувств). — А вот заправка — заправка там хорошая. У меня на нее десятипроцентная карточка скидок...

— Потоки... Ну и странное же название!

— Да вам, столичным жителям, все названия странные. Кроме Крещатика и Подола, — беззлобно заметил я.

— Совершенно не понимаю между тем, — продолжал Тополь, преисполняясь зрелого

скепсиса, — какое отношение может иметь древний электронный мозг, прошедший всю свою сознательную жизнь внутри Зоны, я имею в виду Инвестора, к какой-то абстрактной точке за ее Периметром. Хоть бы даже и к Потокам...

— Вот и я не понимаю, — согласился я.

Смеркалось. Скепсиса во мне тоже было много. Но, черт возьми, было и любопытство. И я постановил для себя, что, когда выдаться свободная минутка, я обязательно в эти Потоки съезжу и проверю. Чисто в интересах истины.

Глава 25 Телеграмма

Dream On Dream On Dream On
Dream until your dreams come true...

Dream On, Aerosmith

Я поднял глаза от чертежей, которыми был изобильно завален мой стол, и увидел Лидочку Ротову. Она стояла на пороге в отутюженном белом халатике, в руках у нее мигала красным светодиодом трубка мобильного телефона размером с кирпич.

— Владимир Сергеевич, вас вызывает главный! — строго сказала Лидочка и протянула мне трубку.

Мой взгляд на секунду задержался на этом устройстве. Вместо ожидаемой кнопочной клавиатуры там имелся небольшой изящный диск, украшенный серпасто-молоткастым гербом СССР. Сверху на трубке синела лаконичная надпись «Салют». Чуть ниже маленькие блестящие буквы собирались в надпись «Только для служебного пользования».

Робея, я поднес трубку к уху.

— Старший научный сотрудник Пушкарев у аппарата! — тут же отчеканил я незнакомым самому себе голосом.

В трубке густо засопели. Наконец раздался державный бас.

— Володя... Тут мне сигнал поступил из второго отдела... Что ты, мол, злоупотребляешь современной буржуазной эстрадой... И ладно бы только это! — Говоривший постепенно распялся. — В конце концов, о вкусах не спорят! Но также сообщают, что ты копируешь диски зарубежных исполнителей на служебной ЭВМ! И даже, — главный перешел на возмущенный полупшепот, — что ты получаешь за это материальное вознаграждение!

— Врут! Они врут! Один раз было! — зачастил я в ответ. — Я скопировал! Но за так! Денег не брал! Это Окунев, скотина, вместо меня хочет на конференцию поехать! В Варшаву! Вот и старается! Доносы... то есть сигналы на меня пишет! А диск я скопировал для Верочки Васильевой из планового. Я ухаживаю за ней. Жениться хочу!

Сопение в трубке свидетельствовало о том, что там меня внимательно слушают. Я продолжал, всё больше овладевая ситуацией:

— И, между прочим, диск, который я копировал, был вовсе никакой не буржуазный. Американский исполнитель Эминем выражает настроения заокеанских социальных низов: пролетариата, безработных... Он у нас в прошлом году на гастролях был, в Москве... Такой благообразный дядечка... с бородой.

— Точно был? — с недоверием спросил главный.

— Как Бог свят! — испуганно подтвердил я.

— Ну если был, тогда отделаешься выговором, — наконец постановил главный. — И, кстати, реши уже этот вопрос со своим Окуневым... Чтобы он анонимки строчить прекратил... Мы же должны по каждому сигналу бдительность проявлять... Будто нам делать больше нечего...

— В каком смысле с Окуневым «решить»? — несмело поинтересовался я.

— Ну, по-мужски.

— В каком смысле «по-мужски»?

— Морду ему набей — и дело с концом! — сказал главный, раздражаясь. — То есть я тебе этого не говорил, конечно... А то, понимаешь, пишет на тебя... А ты у нас — перспективный физик... Профессор Сахаров о тебе хорошо отзывается... Кандидатская твоя в Москве всем понравилась... А из-за таких мелочей всю карьеру псу под хвост пустить можно! Это ты хоть понимаешь, голова твоя садовая?

— Понимаю... Учту... Приму меры...

— У меня всё.

— До свидания, — запоздало сказал я коротким гудкам.

Все это время Лидочка, которую я, конечно, звал Лидией Станиславовной, поскольку она была моей начальницей, с материнской нежностью наблюдала за мной, усевшись в кресло напротив. Лицо Мисс-86 менялось в зависимости от того, что она слышала.

Вначале оно было траурным, затем стало просто озабоченным, а в конце приобрело безмятежное выражение.

— Ну что там? — спросила она, принимая от меня трубку мобильного.

— Да в общем-то пронесло, — сказал я. — Велел провести с Окуневым разъяснительную работу вплоть до физического воздействия.

Лидочка очаровательно хохотнула и предложила выпить чаю с конфетами.

Мы перешли в ее кабинет из отдела «Проблем термоядерного движения» (по крайней мере такой была табличка на двери), где находилось мое рабочее место.

Там уже давно пускал в потолок тугую струю пара электрический чайник.

Мы встали у окна, закурили (закурили! никогда в жизни я не курил!) и принялись обсуждать общих знакомых. Каких-то Чудиков, Мареев, Пал Васильича и аспиранта-кубинца с четырехэтажным именем Элиас Фернандес Хосе Овьедо.

Из окна открывался прекрасный вид на город-атомщик Припять, зеленый и провинциально уютный.

Крутилось колесо обозрения. На речном плесе разворачивался прогулочный теплоходик «Валя Котик».

Вдалеке нарезали петли высшего пилотажа два сверхзвуковых истребителя.

Но, конечно, над всем пейзажем — дородные трубы Чернобыльской атомной электростанции.

На бетонном куполе Восьмого энергоблока копошились человечки в оранжевых комбинезонах и касках.

Этот новейший энергоблок — безаварийный, безотходный, с умопомрачительным КПД — был спроектирован соседним отделом, тем самым, где трудился подлюнчик Окунев. А строили его югославские строители, веселые разбитные ребята с ослепительными южными улыбками, регулярно торжествовавшие над «нашими» в драках после субботней дискотеки.

С одним из них, прорабом Драганом, я даже пытался завести дружбу. Драган приглашал меня в родной Вуковар. Где бы он ни находился, этот Вуковар, в него мне уже хотелось, ведь за границей я, к своему величайшему сожалению, еще ни разу не был...

— А слышал новость по «Маяку» передавали? Что в Москву президентша американская прилетает? С генсеком у нее встреча. Наедине... Тет-а-тет!

— Как бы не дошло до греха! — сказал я и подмигнул Лидочке.

— Да ну тебя! Он же старенький уже, генсек наш дорогой, Владимир Владимирович. — Лидочка покраснела.

Я знал, что начальнице моей генсек наш товарищ Путин ужасно нравится и нисколько не надоел за последние двадцать лет. Как, впрочем, и большинству моих соотечественников.

Я допил чай, вернулся в свой кабинет и принялся за чертежи. Но то ли чай оказался слишком крепкий, то ли выволочка начальства на меня подействовала, но сосредоточиться на проекте не получалось. Буковки плыли, цифирьки танцевали канкан, и хотелось только спать,

спать и еще раз спать...

...Я сел на постели и посмотрел в усатую рожу будильника.

Двадцать минут восьмого. Довольно поздно для меня.

В комнате было уже светло.

Рядом, на двухспальной кровати, дрых Тополь.

Обычно я стелю ему в гостиной на диване. Но в этот раз на диване спала Гайка. А Тигрёнок — тому досталась раскладушка.

Я просунул ноги в тапки. Похлопал себя по щекам.

Но сон все никак не отпускал.

Странный это был сон на самом деле. На сон — по ощущениям — совсем не похожий. А похожий на что?

Правильно, на все предыдущие мои видения.

А если это не сон, а видение, значит... Страшное дело, что это значит!

Выходит, мне привиделось, так сказать, альтернативное будущее. А точнее, альтернативное настоящее!

Ведь в моем сне Лидочке Ротовой было в точности столько же лет, сколько ей было в мае месяце, когда я ездил к ней в Обнинск. Плюс-минус три года.

Каким, однако, успешным гражданским дрыщом был я в альтернативном настоящем! Кандидатом наук, старшим научным сотрудником. Небось каждый день к девяти на работу... Невеста из планового отдела... Тринадцатая зарплата... Премии... Отпуск в Крыму... Выволочки на ковре у начальства...

Но главное! В этом месте по моему хребту пробежали мурашки... В альтернативном настоящем из моего видения не было никакой катастрофы на Чернобыльской АЭС! Я сам, своими глазами видел целехонькую ЧАЭС! И не просто целехонькую, а приросшую новыми энергоблоками! А это, в свою очередь, значит... что я видел ту версию альтернативного настоящего, в которой Инвестор прибыл по назначению и — да, действительно! — смог предотвратить Катастрофу! Вот оно что!

Трясущимися руками я залил две ложки растворимого кофе кипятком и достал из холодильника стаканчик творога с изюмом.

Ложку за ложкой поглощая сладкое содержимое стаканчика, начал мерить шагами свою уютную кухню.

«Итак, Инвестор... Все-таки долетел! Несмотря на козни Севарена с его установкой, вызывающей ускоренный радиоактивный распад люцерния внутри «подсолнухов»! Ай да сукин сын! Ай да магнитофон с завода «Юпитер»! Вот же спроектировали простые советские инженеры штуковину!». Через три минуты, отбросив пустой пластиковый стаканчик в мусорное ведро, я уже тряс за плечо Тополя.

— Костя, вставай... Ну вставай же, дебилоид!

Я знал, на слово «дебилоид» Костя реагирует однозначно и бурно.

— Как ты меня назвал? А ну-ка повтори! — Костя открыл глаза и посмотрел на меня с яростным напором.

— Вставай. Ехать надо. Срочно.

— Куда ехать?

— В Потоки.

* * *

Возле автобусной остановки «Дачи» нас остановил хорватский военный патруль.

Я вышел из своей «Хонды», тоскливо обводя взглядом серый бетонный короб остановки, расписанный разноцветными матюгами, и плутоватые нажранные морды анфоровских вояк. Чувствовалось, что последний раз нога вольного сталкера ступала здесь лет пять назад, а прорыв

Периметра здесь видели разве что во времена знаменитого отжига старины Хемуля и его оторванной тройки пиндостанских туристов.

— Капрал Беливук, — представился старший патруля. — Куда ехать? Показать пропуск!

Никакого пропуска у меня не было. Поэтому я молча протянул стражу порядка купюру в пятьдесят евро.

— Ваш пропуск не хватать, — сказал хорват без тени улыбки. — Малкий пропуск.

«Малко тебе, сука, пятьдесят евро! Вот нахал!» — мысленно возмутился я, но благоразумие взяло верх, и я удвоил сумму.

Капрал Беливук неожиданно широко просиял, посмотрел на меня как на родного и спросил с любезностью, переходящей в подобострастие:

— Надолго в Зону, брат?

Я охренел. Это что, получается, за сто евро меня тут готовы пропустить через Периметр в Зону? В таком случае это надо запомнить! Страшно рентабельно получается! Вместо всех этих мучений цивилизованно платишь деньги — и вперед!

Впрочем, я тут же вспомнил, что бесплатных пирожных не бывает, и посмотрел на вещи более трезво.

Ведь дальше всё наверняка пошлее и грустнее. Через пятьдесят метров меня будет ждать коллега капрала Беливука, который снова потребует пропуск. И тогда соткой евро я вряд ли отделаюсь...

К счастью, в Зону нам было не нужно. Я счел необходимым объяснить это капралу.

— Тут у моей бабушки... бабушка — понимаешь?

— Понимай-понимай! — кивнул хорват.

— У бабушки дом был! До Катастрофы!

— Катастрофа — плохой!

— Бабушка рассказывала перед смертью! Дедушка еще при немцах! Тайник сделал! Говорила, может, там деньги есть! Я не верю! Но проверить охота!

Хорват кивал, но по его роже я понял, что он не понял ни хрена. Да оно и к лучшему, наверное.

— Можно идти? — спросил я, потрясая своей козырной саперной лопаткой с керамическим лезвием.

— Грибы — хорошо! — с маразматической доброжелательностью сказал хорват.

— А ягоды — еще лучше, — проворчал под нос Костя и потащил меня за рукав в кусты, правильно проинтерпретировав исторический момент.

Место, указанное Инвестором в его сообщении, сброшенной на мой ПДА, не выделялось ничем особенным.

Перед нами с Костей в тридцати метрах от автобусной остановки по азимуту, указанному в сообщении, колосился такой же точно бурьян, как и слева, справа, спереди и сзади.

— Хоть бы метка какая. Или столбик, — с досадой сказал я.

— Ага. И табличка: «Копать здесь. Инвестор», — ехидно добавил Тополь. — Может, датчиком аномалий попробуем? Ты его не взял?

— Нет, конечно. Зачем еще? Зато у меня есть вот это. — Я извлек из сумки рамочный миноискатель последнего поколения.

Я раздвинул телескопическую ручку прибора, вставил в уши горошины наушников и нажал на «ВКЛ».

В наушниках уютно зашуршало.

Костя присел на ближний пенек и принялся смолить «Голуаз» без фильтра, паразит.

Буквально через минуту ровное шуршание в наушниках сменилось ритмичным попискиванием — прибор явно что-то зачуял.

Нарезав пару кругов, я точно засек градиент и, следуя им, отыскал наконец точку, где пицание было самым громким.

— Похоже, нашел, — доложил я, вынимая горошины. — Теперь копай.

— А с какой это стати я «копай»? — Тополь глубоко и с наслаждением затаился.

— С такой, что я искал. А у нас с тобой партнерство, основанное на равных паях!

— Ну хрен с тобой. На равных так на равных. — Тополь забычковал окурок о подошву ботинка.

К счастью, глубоко копать не пришлось — наш объект отыскался на глубине в четыре штыка.

И что это был за объект! Никогда не угадаете. Круглая коробка из-под леденцов — древняя, как говно птеродактиля.

Она была завернута в несколько слоев промасленной ткани, которая в свою очередь была упакована в полиэтиленовую пленку. Если бы не это, жестянка, конечно, уже прогнила бы насквозь.

Я распахнул коробку. Солнечный луч отразился от золотистой внутренней поверхности крышки и на секунду ослепил меня.

— Тут нам открыточка, — сказал Тополь, аккуратно, двумя пальцами, извлекая единственное содержимое нашего волшебного ларца.

— Дай-ка мне, — потребовал я.

Строго говоря, это была не открыточка. А поздравительный бланк, на какие раньше, во времена молодости моих родителей, наклеивали бумажные ленты с текстом поздравительных телеграмм, чтобы поздравления смотрелись чуточку наряднее.

Красочный бланк поздравлял трудящихся с Новым 1976 годом витой серебристой надписью. В комплекте также имелись: светящийся пьяной улыбкой снеговик, елочная ветка с блестящими шарами на ней, два бокала с шампанским и соблазнительный клин бисквита.

Волнуясь, я открыл книжечку бланка, чтобы прочесть текст телеграммы.

Вот что там было:

ПРОМАХНУЛСЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЗПТ ПРИБЫЛ
СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ ТЧК
ТРАНСФОКАТОРЫ СГОРЕЛИ ЗПТ ОСТАЮСЬ
ЗДЕСЬ ЗПТ БУДУ ЖДАТЬ ТЧК
ПЛАНЫ ПРЕЖНИЕ ТЧК
ДЕНЬГИ КОМБАТУ НАХОДЯТСЯ СЧЕТ СБЕРБАНК РОССИИ 232305757
КОНТРОЛЬНОЕ ЧИСЛО
26041986 НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ ПАСПОРТА ПУШКАРЕВА ВЛАДИМИРА
СЕРГЕЕВИЧА ТЧК
БЛАГОДАРИЮ ЗА ПОМОЩЬ ЗПТ ИНВЕТОР ТЧК
ПЫ СЫ КПП ОЗНАЧАЕТ КОМАНДА ПРЕДПОЛЕТНОЙ ПОДГОТОВКИ ХА ХА
ХА

— КПП это «команда предполетной подготовки», — оторопело повторил я. — «Ха-ха-ха». Неслабо, да? Я бы никогда не догадался!

— «Промахнулся десять лет?» — переспросил меня Костя, которому я прочел все это вслух и который явно пропустил мимо ушей мое замечание насчет КПП. — «Промахнулся десять лет?» — повторил он. — Хренасе!

— Почему хренасе? — пожал плечами я. — Севарена послушать, так Инвестор вообще должен был куда-нибудь к динозаврам улететь. И это в лучшем случае. А в худшем — выпасть из нашего, так сказать, континуума.

— Но прикинь! Это же ему где-то десять лет надо прокантоваться! Вместе со всей своей Пирамидой!

— Что ему кантоваться? Не забывай, он же машина! Может обойтись и без котлетки с макаронами. И новые зимние ботинки ему не нужны. Заляжет где-нибудь на дно, в грязь зароется...

— Но где? Где заляжет?

— Да мало мест, что ли? Вон, припятские болота кругом! — Я ткнул пальцем на север. —

Топи там свою Пирамиду и дожидайся часа «че» минуты «мэ»...

— А электричество? Где он в болотах возьмет себе электричество? — распереживался за Инвестора Костя.

— А где он его брал в своем пруду на базе «каперов»? Точнее, на базе «команды предполетной подготовки!» В крайнем случае будет по ночам совершать налеты на трансформаторные будки и линии электропередач с целью пропитания...

— Мда-а. — Костя задумчиво почесал затылок. — «Пирамидообразное НЛО ворует электричество в колхозе «Путь Ильича»». Вот о чем не напишут советские газеты за 1976 год!

— А может, и напишут. Обзовут «загадочным происшествием». Покажут сюжет в передаче «Очевидное — невероятное»... Свалят на неизученные атмосферные эффекты...

— Ладно, пора выбираться отсюда. Пока нашим хорватским братьям не пришло в голову проверить, какие такие грибы мы тут за остановкой при помощи лопаты собираем...

Я кивнул. Как обычно, Костя говорил дело.

Эпилог

Деньги в Сбербанке я, как ни странно, получил.

Вот так просто: предъявил паспорт, поклялся, что этот денежный перевод не имеет отношения к коммерческой деятельности, и получил.

А потом поделил их с Костей. Пятьдесят на пятьдесят. Как всегда.

Конечно, можно было бы поделиться и с Тигрёнком. Ведь без него мы вряд ли сумели бы сделать все то, что сделали.

Но с другой стороны, Тигрёнку ведь достались «кварцевые ножницы», артефакт недешевый! Не говоря уже о море счастья. Так что я решил: не надо делать масло еще более масляным. Я знал: от большого количества шоколада даже у таких правильных ребят, как Тигрёнок, может кое-что слипнуться...

Ну а море счастья, доложу я вам, таки имело место.

Начать с того, что девчонку Алёну действительно вывели из ее роковой комы продвинутые киевские эскулапы.

Через неделю после этого события я говорил с Тигрёнком по телефону.

— И мы... И я... В общем... после этого... Мы решили... пожениться! — радостным тоном, переходящим в восторженный визг, докладывал Тигрёнок.

— Да вы в своем уме: жениться через неделю после реанимации?

— Так жениться мы только через два месяца будем.

А пока мы только решение приняли...

— Ну что же, поздравляю! — как мог душевно сказал я. Что еще я мог сказать?

— Подождите поздравлять! Я попросить кое о чем хотел! Можно?

— Да проси уже... Только побыстрее!

— Я хотел, чтобы вы у нас с Алёной свидетелем были на свадьбе.

— Я? Свидетелем? Да ты чего?!

— А чего?

— Ну я как-то... — Я уже думал было привести убийственный аргумент, почему именно я не могу, не хочу, не желаю и никогда не буду этого делать, но слова почему-то застряли у меня в горле.

— Ну пожалуйста, Владимир Сергеевич! Мы с Алёной очень вас просим! Не будь вас... Никакой свадьбы не было бы! Да и вообще... Вы хоть понимаете!

Голос у Тигрёнка был таким проникновенным, что я... в общем, я согласился.

— Только у меня два условия, — твердо сказал я.

— Я... то есть мы с Алёной... на все согласны! — горячо заверил меня Тигрёнок. — Какие условия?

— Первое условие: чтобы никто не знал, что я сталкер. Не то твои гости затрахают меня по самые не могу своими расспросами, мнениями и разговорами!

— Я — могила, Владимир Сергеич! Скажу, что вы мой преподаватель. По университету. Годится?

— Годится, — сказал я и прыснул в кулак. Я мысленно представил себе, как буду корчить из себя на свадьбе профессора Добровольцева или, например, некробиотика Трофима. Начну частить оборотами вроде «в некотором роде», «с точки зрения современной эпистемы», цедить сквозь зубы «научное сообщество не разделяет этой точки зрения»... Будет весело!

— А второе условие какое? — спросил Тигрёнок.

— Чтобы никакого тамады на свадьбе. Ненавижу этих сук!

— С тамадой сложнее... Мама Алёны очень хотела... Но я обещаю это уладить! А против музыки вы не возражаете?

— Музыка — пусть будет.

В общем, я попал. Теперь изволь тащиться в дорогой магазин и покупать там костюм, туфли и галстук — дабы, значит, достойно представлять жениха. А впрочем, сгодятся и те, что я покупал перед визитом к Лидочке Ротовой. Они еще очень даже. Из моды выйти не успели!

Ну а как же Гайка, спросите вы? Ее что, Тигрёнок на свадьбу не пригласил?

Пригласил. Но передать ей его приглашение я так и не сумел.

Гайкин телефон не отвечал, из дома в Дитятках она съехала, никому ничего не сказав (даже Тополю — вот мерзавка!).

Лишь несколько месяцев спустя мать сообщила Тополю (с родителями-то, как оказалось, Гайка связь поддерживала), что Иришенька жива-здорова и, более того, неплохо устроилась. Наша Гайка работает теперь стюардессой на кругосветном лайнере «Принцесс Элизабет», который возит богатеньких буратино по южным морям. Что она, дескать, всегда мечтала об этом, и вот ворота Золушки распахнулись для нее во всю ширь!

Я не я буду, если наша Гаечка в ходе последнего визита в Зону не нашла там некий мощный артефакт, отвечающий за исполнение желаний. Вряд ли, конечно, «золотой шар», но, может, хотя бы «серебряный шарик» или что-то вроде того.

А как же почти влюбленный в Гайку Комбат, спросите вы? Разве он не был расстроен тем, что Гайка так стремительно сорвалась и даже не чмокнула его на прощание?

Конечно, был. Ведь я кое на что рассчитывал. И даже был уверен, что немножечко имел на это право!

К счастью, наше знакомство было сумбурным и очень недолгим. И я не успел привязаться к мерзавке по-настоящему. Поэтому прошло две недели, и я вспоминал о сестренке Тополя уже без всяких там сантиментов.

В конце концов, мало ли баб на свете?

Кстати о бабах. Вчера принцесса Лихтенштейнская прислала мне электронное письмо. Я думал, там будет «Люблю, помню и все такое». Но ошибся! Письмо было по-тевтонски лаконичным. Дорогая моя Ильза, оказывается, писала книгу с блистательным названием «Зона: место, где кошмары оживают». И просила меня... быть ее консультантом! Незабесплатно, конечно.

До сих пор не знаю: согласиться или послать ее к лихтенштейнской матери.

Лишняя реклама мне не нужна, от сидения за компьютером у меня начинает чесаться спина, а денег у меня и так достаточно для достойной жизни. С другой стороны — слава, фотовспышки, интервью...

«Герр Пушкарев, приходилось ли вам убивать?», «Господин Владимир, способны ли зомби на подвиг ради любви?», «Мистер Пушкарьевф, кто стоит за Хозяевами Зоны? Русская мафия или мировое правительство?». В общем, согласись я на предложение Ильзы, заскучать мне точно не дадут. Правда, потом кто-нибудь из наших обязательно начистит мне репу... А в баре на Дикой Территории я стану персоной нон грата...

Однажды вечером ко мне явился некробиотик Трофим. С собой он принес большую бутылку джина, пачку апельсинового сока и банку подозрительно крупных рыжиков.

— С Янтарного? — спросил я, кивнув на рыжики.

— А то! Крепенькие такие мутанты. Как ты любишь! — подмигнул некробиотик.

Мы сидели до самого утра, обсуждая общих знакомых и прочие события нашего нескучного околотка.

— А знаешь, что Севарен этот, который «Наутилус» отгрохал, давеча Нобелевку получил?

— Севарен? Нобелевку? — Я был так удивлен, что едва не поперхнулся душистым грибком.

— Да! Сам не поверил, пока в интернете на пяти разных сайтах не прочитал! — Трофим сверкнул стеклами очков.

— И за что?

— За фундаментальный вклад в развитие представлений о вариациях периода полураспада радиоактивных веществ!

— Силен! Не ожидал, что он такой серьезный ученый... Я думал, он больше по коммерческой части... Ну или там по организаторской!

— Злые языки утверждают, что так оно и есть. И что реально открытие это сделал чувачок по имени Бользе, который сначала десять лет на Севарена горбатился, а потом скончался при невыясненных обстоятельствах. Не хочется, конечно, думать плохое про Севарена, но...

— Но, в общем, ясно, — вздохнул я.

Мы с Трофимом выпили за науку. А потом еще раз за нее же.

На меня нахлынули воспоминания о нашем визите в «Наутилус». Парящая Пирамида, грохот голосов, недоумевающие люди внизу...

Теперь, когда сумбур событий отступил и я свыкся с мыслью, что Инвестор действительно смог достичь советского прошлого, один вопрос стал все чаще посещать меня: что означают те десять лет, которые Инвестор обречен дожидаться рокового апреля 1986 года?

Как соотносятся они с нашей реальностью, с тем временем, где сейчас живу я, Комбат? Ведь и апрель 1986 года для меня, Комбата, — далекое, состоявшееся прошлое. Я живу в реальности, в которой ЧАЭС взорвалась. В которой был Второй выброс. В реальности, где распад СССР и Зона отчуждения — непреложные данности.

Так, значит, Инвестор, пролежав в припятских болотах десять лет до апреля 1986 года, ничего поделывать не смог? Не смог предотвратить катастрофу? Или нам следует просто ждать, ждать еще десять лет, и тогда мы вдруг проснемся в каком-то другом, новом мире — похожем на тот, который я недавно посетил во сновидении?

Сложно всё это, отцы. Так, за бутылкой, эту загадку не разгадать. Пусть ее разгадывает сама жизнь.

Апрель — август 2009

<http://electrobooks.3dn.ru/>

Сайт любителей чтения

(Цикл «Комбат и Тополь» — книга 2)¹

¹ Цикл «Комбат и Тополь»: 1. Беглый огонь (2009); 2. Полураспад (2010); 3. Клад Стервятника (2010) Соавтор: Сергей Челябин; 4. Полный котелок патронов (2011)